

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 22.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Поученіе въ день рожденія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ВЕОДОРОВНЫ. Протоіерей <i>Стефана Петровскаго</i>	541—544
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Новороссійскаго Унверситета <i>В. Надлера</i>	545—566
Современное отношеніе римско-католической церкви нъ рабочему вопросу. <i>К. Истомина</i>	567—594
Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора <i>М. А. Остроумова</i> (въ особомъ приложеніи).	241—256
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Изъ чтеній по космологіи. Происхожденіе міра (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи <i>В. Кудряцева-Платонова</i>	417—448
Эстетическое чувство. (Опытъ психологическаго анализа). Профессора Казанской Духовной Академіи <i>В. А. Снегирева</i>	449—464
III. ЛИСТОКЪ ДЛѢ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Положеніе о стипендіи въ Харьковской Духовной Семинаріи имени протоіерей Антонія Солодовникова.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1890/91 учебный годъ.—Отъ Совѣта того-же Училища.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулочъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

ПОУЧЕНІЕ

въ день рожденія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Въ благоустроенныхъ семействахъ дни рожденія ихъ членовъ составляютъ домашніе или семейные праздники, и чѣмъ старше и важнѣе членъ въ семействѣ, тѣмъ съ большею торжественностію празднуется день его рожденія. Въ государствѣ, представляющемъ собою образъ одной великой семьи, состоящей изъ множества членовъ, соблюдается тотъ-же порядокъ: дни рожденія важнѣйшихъ изъ нихъ чествуются, какъ церковно-гражданскіе праздники. Къ числу этихъ дней по преимуществу относится и настоящій день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Марии Ѳеодоровны. Будучи не только членами государства, но и членами Церкви Христовой, мы начинаемъ свой праздникъ во храмѣ молитвою къ Тому, въ десницѣ Котораго жизнь и судьба не только частныхъ людей, но и царей, и царствъ. Мы собрались въ этотъ храмъ, чтобы возблагодарить Бога за сохраненіе драгоцѣнной жизни виновницы настоящаго торжества въ истекшемъ году и молить Его о продолженіи для насъ этой милости на будущее время, а также и о ниспосланіи благословенія Божія всему Царствующему Дому. Побужденій къ усердной молитвѣ за Державный Царствующій Домъ у насъ такъ много, что довольно остановить вниманіе на главнѣйшихъ изъ нихъ, чтобы видѣть всю необходимость ея.

Служеніе Царское есть служеніе самое высокое, священное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое трудное. На землѣ нѣтъ другаго, столь труднаго служенія. Охраненіе внѣшней безопасности, водвореніе внутренней тишины и порядка, избраніе достойныхъ сотрудниковъ въ управленіи, огражденіе правъ личности и собственности, распространеніе просвѣщенія, попеченіе о призрѣніи безпомощныхъ, устраненіе многоразличныхъ препятствій къ достиженію этихъ благихъ цѣлей,—всѣ эти и другія неисчислимыя трудности Царственнаго служенія и, наконецъ, тяжкая отвѣтственность предъ отечествомъ, современниками, исторіей и въ особенности—предъ Верховнымъ Правителемъ царствъ и народовъ естественно должны возбуждать въ сердцахъ вѣрноподданныхъ крѣпкую молитву, да почіетъ на Монархѣ нашемъ Духъ премудрости и разума, Духъ крѣпости и силы. Не забудемъ, братія, что, при всемъ желаніи мудраго и благосердаго Монарха, при всей преданности и готовности вѣрныхъ подданныхъ содѣйствовать Ему всѣми своими силами во всѣхъ Его благихъ начинаніяхъ и дѣлахъ, много можетъ быть непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ обстоятельствъ къ разрушенію, или, по крайней мѣрѣ, къ нарушенію нашего благосостоянія: тамъ голодъ, поражающій милліоны людей, въ другомъ мѣстѣ—смертоносная язва поражаетъ людей и животныхъ; здѣсь страшные пожары истребляютъ города и села. И всѣ подобныя бѣдствія наши такъ близки сердцу Благочестивѣйшаго Государя нашего, что скорби наши суть и Его скорби; и въ то время, когда мы покоимся на ложахъ нашихъ, Его сердце бдитъ и болитъ о насъ.

Намъ извѣстно, что въ заботахъ и попеченіи о насъ Монарха нашего принимаетъ самое близкое участіе и виновница нынѣшняго торжества, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Она—первый беззавѣтно любящій другъ и помощникъ Своего Царственнаго Супруга; Она всегда неразлучна съ Нимъ: каковы-бы ни были обстоятельства Его жизни, какъ-бы ни были велики труды и заботы Его о благосостояніи Богомъ врученнаго Ему народа, Она всегда съ Нимъ и при Немъ. Въ Ней первой Онъ встрѣчаетъ Себѣ сочувствіе, совѣтъ и ободреніе; въ Ея любящемъ сердцѣ Онъ обрѣтаетъ

неизсякаемыя струи мира и утѣшенія. Первымъ предметомъ, на который послѣ Своего Царственнаго Супруга устремляется любовь русской Царицы, служатъ Ея Августѣйшія Дѣти. Сознаніе, что Они—будущіе руководители народной жизни, что Ея Первородный сынъ—будущій самодержавный правитель обширнаго русскаго Царства, что отъ Него будутъ зависѣть судьба и благосостояніе многихъ милліоновъ человѣческихъ душъ, что на Него будутъ устремлены взоры всего міра, безъ всякаго сомнѣнія, преисполняетъ Ея душу чувствомъ благоговѣнія предъ возложеною на Нее Господомъ задачею—подготовить Своихъ Чадъ къ Ихъ высокому служенію, и усугубляетъ въ Ея сердцѣ любовь къ дѣлу воспитанія ихъ. Ея материнской душѣ, преисполненной заботами о будущности своихъ дѣтей, несомнѣнно близки заботы и о другихъ своихъ дѣтяхъ—Ея подданныхъ. Движимая чувствомъ соучастія къ родному Ей дѣлу воспитанія, Она принимаетъ подъ Свое высокое покровительство воспитаніе русскихъ дѣщерей; и многія тысячи ихъ уже воспользовались этою материнскою заботливостію Матери-Царицы объ ихъ будущности, многія тысячи ихъ уже вошли въ русскую жизнь, въ русскую семью. Въ лицѣ своей Царицы мы имѣемъ еще и общую нашу Мать-Благодѣтельница, приемлющую подъ Свое покровительство и источающую потоки Своихъ щедрыхъ благодѣяній на всѣхъ нуждающихся и страждущихъ. Взгляните на многочисленныя учрежденія для воспитанія дѣтей, призрѣнія сиротъ и странниковъ, для вспоможенія бѣднымъ, больнымъ, для призрѣнія и обученія слѣпыхъ, для приема престарѣлыхъ и беспомощныхъ,—и вы увидите, что главною устройницею и покровительницею сихъ учрежденій является наша Мать-Царица, а вмѣстѣ съ нею и другіе Августѣйшіе Члены Царствующаго Дома.

Что-же воздадимъ, братія, Державному Царствующему Дому нашему за Его отеческія попеченія о насъ? Много благодарное сердце можетъ найти способовъ для выраженія своей признательности, но едва-ли есть лучший того, который указываетъ Святой Апостоль Павелъ: *молю прежде всего творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человеки: за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II, 1, 2). *Прож-*

de vstax, прежде всякаго дѣла, прежде исполненія всякой другой обязанности, Апостоль заповѣдуетъ молиться за всѣхъ людей, за весь народъ, составляющій Царство, и въ особенности за Царя. Поэтому каждый вѣрноподанный, ревностно исполняющій всѣ свои обязанности къ Престолу, долженъ постав- лять первую и священнѣйшею обязанностию молиться за Царя, съ Его Августѣйшимъ Домомъ,—молиться не только въ хра- мѣ Божіемъ, при общественномъ Богослуженіи, но и дома, всегда и вездѣ. Безъ исполненія сей обязанности не мыслимо добросовѣстное и успѣшное исполненіе и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ Царю.

Итакъ, братія, вознося жертву хвалы и благодаренія Всевыш- нему за сохраненіе и продолженіе драгоцѣнной жизни Госу- дарыни Императрицы нашей, будемъ молить Господа Бога, да хранитъ Онъ и весь Царствующій Домъ въ здравіи и благо- денствіи на многая лѣта, да и мы, подъ Его высокою защитою и руководительствомъ, *тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ*. (1 Тим. II, 2).

Протоіерей *Стефанъ Петровскій*.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Настроеніе и планы трехъ державъ направлялись, главнымъ образомъ, противъ Россіи, и лишь во второй линіи противъ Пруссіи. Всѣ трое согласны были въ томъ, что слѣдуетъ противиться всѣми силами властолюбивымъ планамъ императора Александра, не позволять Россіи распространять свои границы до Вислы и осуществлять возстановленіе Польши подъ русскимъ скипетромъ. Относительно Пруссіи взгляды трехъ кабинетовъ значительно расходились. Одинъ только Талейранъ обнаруживалъ одинаковую неуступчивость, какъ по отношенію къ Польскому, такъ и Саксонскому вопросамъ; одинъ только онъ возставалъ съ одинаковою энергіею, какъ противъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи, такъ и противъ поглощенія Саксоніи Пруссіею. Наоборотъ, лордъ Кестльри считалъ единственнымъ, серіознымъ вопросомъ, вопросъ Польскій; что же касается до Саксоніи, то онъ далекъ былъ первоначально отъ всякой мысли о сохраненіи ея независимости. Лордъ Кестльри находилъ даже полезнымъ и желательнымъ возможно большее усиленіе Пруссіи; онъ говорилъ, что необходимо создать изъ Пруссіи на-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 20, 1891 г.

дежный оплотъ противъ завоевательныхъ стремленій Россіи, что для достиженія этой цѣли слѣдуетъ отдать ей не только Саксонію, но и ея бывшія Польскія земли, и что необходимо вообще отклонить Пруссію во что бы то ни стало отъ Россіи и привлечь ее на сторону трехъ державъ. Намѣренія Талейрана и Кестльри отличались такимъ образомъ извѣстнаго рода прямою, они были ясны и очевидны для всѣхъ. Совсѣмъ иное дѣло Меттернихъ. «Полный», по выраженію Штейна, «неправды», легкомысленный, не серьезный, онъ не имѣлъ въ сущности никакой серьезной политической программы. У него была лишь одна цѣль: возможно большее земельное увеличеніе Австріи на счетъ кого-бы то ни было; а единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли онъ считалъ ловкую интригу и возмутительный обманъ. Онъ давалъ слово Талейрану, что будетъ отстаивать Саксонскаго короля и цѣлость его владѣній, князю Гарденбергу онъ обѣщалъ всю Саксонію, подъ условіемъ, чтобы Пруссія возстала противъ властолюбивыхъ плановъ Россіи и требовала вмѣстѣ съ остальными державами раздѣла Варшавскаго герцогства, на основаніи Рейхенбергскаго договора, а императору Александру онъ сулилъ Варшавское герцогство, подъ условіемъ, чтобы Саксонія сохранила свою самостоятельность. Понятно, что такое неслыханное коварство не могло оставаться долгое время въ тайнѣ. Въ скоромъ времени князь Гарденбергъ представилъ императору Александру письменное обязательство Меттерниха уступить Пруссіи всю Саксонію, обязательство, писанное рукою самого австрійскаго канцлера. Александръ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ потребовалъ къ себѣ Меттерниха и осыпалъ его самыми горькими упреками. Въ Вѣнѣ рассказывали, что государь обошелся съ Меттернихомъ такъ рѣзко, употреблялъ въ разговорѣ съ нимъ такія выраженія, которыя были немыслимы даже по отношенію къ лакею. Когда Меттернихъ замѣтилъ, что если дѣло идетъ о возстановленіи Польши, то дѣло это можетъ быть сдѣлано такъ же хорошо Австріею, какъ и Россіею, то императоръ не только назвалъ это замѣчаніе неприличнымъ и дерзкимъ, но и выразился прямо, что во всей Австріи только одинъ Меттернихъ осмѣливается

принимать подобный, возмутительный тонъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что Меттернихъ объявилъ Александру, что онъ будетъ просить своего императора о назначеніи вмѣсто него другаго уполномоченнаго на конгрессѣ. Меттернихъ вышелъ послѣ этого разговора изъ кабинета государя въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ никто не видывалъ его прежде. «Онъ», говоритъ Талейранъ, «который еще нѣсколько дней назадъ увѣрялъ, что онъ укрѣнится со временемъ и изберетъ своимъ оружіемъ терпѣніе, легко можетъ потерять это послѣднее, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ подвергнутъ еще разъ подобному же испытанію» ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но всѣ честные и приличные люди въ Вѣнѣ были одинаково возмущены двуличіемъ и низостью австрійскаго канцлера. Исключеніе составлялъ только одинъ императоръ Францъ. Въ своей ограниченности, доходившей по временамъ до тупоумія, Францъ считалъ Меттерниха величайшимъ политикомъ въ мірѣ, а лживость и коварство казались ему, воспитанному въ маккіавелистическихъ приемахъ мелкихъ итальянскихъ дворовъ, необходимыми и вѣрнѣйшими орудіями дипломатическаго искусства. Тщетно пытался Александръ разубѣдить Франца на счетъ Меттерниха; тщетно старался онъ выставить ему образъ дѣйствій канцлера въ его надлежащемъ свѣтѣ. Францъ всегда отвѣчалъ ему, что онъ довѣряетъ Меттерниху, какъ своему вѣрнѣйшему слугѣ и что онъ не намѣренъ замѣнять его кѣмъ бы то ни было другимъ. На совѣтъ Александра полагаться менѣе на министровъ и вникать въ дѣло самому, Францъ возражалъ, что онъ находитъ болѣе удобнымъ поручать веденіе дѣлъ министрамъ и что только въ такомъ случаѣ сохраняться будетъ послѣдовательность и безпристрастіе, столь необходимыя въ такихъ важныхъ переговорахъ, какъ настоящіе. «Я никогда не управляю самъ моими дѣлами», заявлялъ онъ обыкновенно въ та-

1) Pallain, стр. 75. Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ не счелъ, разумѣется, нужнымъ сообщить что-нибудь объ этомъ крайне непріятномъ для него эпизодѣ. Вмѣсто того онъ рассказываетъ странную исторію о вызовѣ, сдѣланномъ ему со стороны Александра. См. Metternich, Memoires, т. I, стр. 326—327.

кихъ случаяхъ; «но мои министры дѣйствуютъ всегда по моимъ указаніямъ». Александръ пытался убѣдить Франца, что справедливость требуетъ удовлетворенія требованій Россіи и Пруссіи и что требованія эти никоимъ образомъ не могутъ угрожать интересамъ и безопасности Австріи. Францъ возражалъ ему на это, что его собственные подданные смотрятъ на это дѣло совершенно иначе и что они крайне обезпокоены притязаніями Россіи и Пруссіи ¹⁾ и что онъ считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все для успокоенія ихъ, хорошо помня, что они никогда не покидали его, дѣлали для него все и жертвовали за него всѣмъ. На вопросъ Александра, неужели ему не извѣстны его характеръ и его правдивость и развѣ онъ не считаетъ ихъ достаточными для предупрежденія и устраненія всякихъ опасеній, Францъ отвѣчалъ, что лучшими ручательствами мира могутъ служить только одніе хорошія границы ²⁾. Вообще послѣ всѣхъ подобныхъ объясненій, императоръ Александръ могъ придти только къ одному убѣжденію, что его союзникъ вполнѣ солидаренъ съ своимъ министромъ и что нѣтъ ни малѣйшей надежды преодолѣть его упорство.

Къ такимъ же отрицательнымъ результатамъ привела и вторичная попытка Александра повліять путемъ личнаго объясненія на Талейрана. Императоръ указалъ прежде всего уполномоченному Франціи на его собственную непоследовательность.

«Въ Парижѣ», замѣтилъ онъ ему, «вы были за возстановленіе польскаго королевства; почему же вашъ взглядъ на это дѣло такъ измѣнился теперь?»

— Мой взглядъ, государь, остался неизмѣннымъ: въ Парижѣ дѣло шло о возстановленіи всей Польши. Я желалъ

¹⁾ Извѣстно, что въ Австріи строго воспрещалось кому бы то ни было изъ подданныхъ высказывать свои мнѣнія или опасенія по какому бы то ни было политическому вопросу.

²⁾ Разговоръ между императорами происходилъ, по свидѣтельству Талейрана, на обратномъ пути изъ Венгріи, куда ѣздилъ Александръ помолиться на могилѣ своей сестры. Подробности разговора были переданы Талейрану Меттернихомъ. Pallain, стр. 76.

тогда, желаю и теперь независимости Польши. Но теперь дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ: вопросъ этотъ связанъ съ опредѣленіемъ границъ, отъ котораго зависитъ безопасность Австріи и Пруссіи.

«Этимъ государствамъ нѣтъ надобности беспокоиться. Впрочемъ, у меня стоятъ въ герцогствѣ Варшавскомъ 200,000 ч., пусть попробуютъ прогнать меня изъ него. Я отдаю Пруссіи Саксонію, и Австрія согласна на это».

— Не знаю, какъ можетъ согласиться на это Австрія. Не могу этому вѣрить, на столько противорѣчить это ея интересамъ. Къ тому-же, развѣ согласіе Австріи можетъ сдѣлать Пруссію собственникомъ того, что принадлежитъ королю Саксонскому?

«Если король Саксонскій не отречется добровольно, его отвезутъ въ Россію и онъ останется тамъ до конца своей жизни. Уже раньше его умеръ въ Россіи другой король».

— Позвольте, Ваше Величество, не вѣрить этому. Неужели конгрессъ собранъ для того, чтобы быть свидѣтелемъ такого насилія?

«Какъ насилія? Развѣ Станиславъ не отправился въ Россію? Почему же король не можетъ отправиться туда же? Одинъ изъ нихъ находится въ такомъ же положеніи, какъ и другой. На мой взглядъ, между ними нѣтъ разницы. Я полагаю, что Франція кое-чѣмъ обязана мнѣ. Вы все толкуете о вашихъ принципахъ; ваше общественное право не существуетъ для меня; я не знаю, что это такое. Какое значеніе могутъ имѣть для меня всѣ ваши пергаменты и договоры. Для меня есть нѣчто, что стоитъ выше всего: это мое слово. Я обѣщаль королю прусскому Саксонію въ тотъ моментъ, когда мы заключили съ нимъ союзъ».

— Ваше Величество обѣщали королю прусскому 9 или 10 милліоновъ душъ; вы можете дать ихъ ему, не разрушая Саксонію.

«Король Саксонскій измѣнникъ».

— Государь, слово измѣнникъ никогда не должно быть прилагательно къ какому бы то ни было королю, и въ высшей степени важно, чтобы оно никогда не прилагалось къ нему.--

Талейранъ произнесъ эти послѣднія слова свои съ особеннымъ удареніемъ; очевидно, онъ думалъ произвести ими сильное впечатлѣніе на Александра, но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ мпнутаго молчанія императоръ сказалъ съ твердостью: «Король прусскій будетъ королемъ Пруссіи и Саксоніи, точно такъ же, какъ я буду императоромъ русскимъ и королемъ польскимъ. Услуги, которыя окажетъ мнѣ въ этомъ пунктѣ Франція, послужатъ для меня мѣриломъ того, что могу я сдѣлать для нея въ другихъ, интересующихъ ее вопросахъ»¹⁾).

Надежды, которыя возлагалъ Александръ на какую бы то ни было уступчивость со стороны Франціи, оказались столь же обманчивыми, какъ и расчеты на союзную вѣрность и на признательность со стороны Австріи. Столь же мало могъ полагаться императоръ на Великобританію. Не полагаясь на своихъ дипломатовъ, Александръ пытался расположить въ пользу своихъ польскихъ плановъ лорда Кестльри въ личной бесѣдѣ съ нимъ. Желая оказать особую любезность британскому министру, государь посѣтилъ его на его квартирѣ и въ продолжительномъ разговорѣ съ нимъ пытался оправдать свои намѣренія и разсѣять опасенія, возникавшія по поводу ихъ. Онъ объявилъ, что онъ не понимаетъ и не въ состояніи понять, какъ могутъ возставать Англія и Франція противъ возстановленія Польши. Такое возстановленіе явится удовлетвореніемъ общественной нравственности, оскорбленной раздѣломъ, своего рода покаяніемъ. Правда, дѣло идетъ пока не о полномъ возстановленіи Польши, но ничто не препятствуетъ возстановить и все польское королевство, если пожелаетъ того Европа. Пока подобная реставрація еще преждевременна: необходимо прежде всего приготовить къ ней страну, а для этого нельзя придумать лучшаго способа, какъ возстановивъ предварительно часть Польши въ видѣ особо организованнаго королевства. Новому государству даны будутъ

¹⁾ Александръ намекалъ, главнымъ образомъ, на вопросъ неаполитанскій, — которымъ крайне было заинтересовано Бурбонское правительство Франціи. Второй разговоръ Александра съ Талейраномъ, см. Pallain, стр. 64—67.

учрежденія, которыя утверждаютъ въ немъ цивилизацію и приносятъ благіе плоды; отсюда, какъ изъ центра, новыя идеи распространятся на всю массу польскаго населенія и готовятъ его къ возстановленію. Исполненіе его плана потребуетъ жертвъ лишь отъ него одного, такъ какъ новое королевство образовано будетъ лишь изъ тѣхъ частей Польши, на которыя даны ему безспорныя права завоеваніемъ, съ присоединеніемъ тѣхъ территорій, которыя приобрѣтены были имъ послѣ послѣдняго раздѣла и до послѣдней войны. Никто не будетъ, такимъ образомъ, имѣть права жаловаться на приносимыя имъ жертвы; онъ одинъ съ удовольствіемъ принесетъ ихъ; онъ считаетъ дѣломъ своей совѣсти доставить утѣшеніе несчастной націи и содѣйствовать дѣлу цивилизаціи; онъ усматриваетъ въ этомъ свою честь и свою славу¹⁾.

Выслушавъ длинную рѣчь императора, лордъ Кестльри представилъ съ своей стороны цѣлый рядъ возраженій. Рѣшившись перенести дѣло на чисто формальную почву, онъ изложилъ тотчасъ-же послѣ свиданія всѣ свои замѣчанія въ формѣ оффиціального меморандума и препроводилъ его на другой же день Александру вмѣстѣ съ частнымъ, конфиденціальнымъ письмомъ²⁾. Въ меморандумѣ Кестльри напоминалъ прежде всего Александру, что въ силу своихъ собственныхъ, неоднократно повторенныхъ заявленій, а равно и договоровъ, заключенныхъ имъ въ Калишѣ, Рейхенбахѣ и Теплицѣ, онъ обязанъ теперь дать свое согласіе на раздѣлъ герцогства Варшавскаго между Россіею, Австріею и Пруссіею. Если императоръ согласенъ въ настоящее время уступить Пруссіи Данцигъ и небольшую полосу земли, необходимую для территориальнаго соединенія Восточной Пруссіи съ Силезіею, если онъ желаетъ удержать въ своихъ рукахъ все остальное герцогство Варшавское съ крѣпостями и четырьмя милліонами жителей, то этимъ онъ угрожаетъ безопасности

1) Подробности о разговорѣ Александра съ Кестльри сообщаются Талеяромъ въ его дописаніи королю отъ 17-го окт. 1814 г. Pallain, стр. 42—43.

2) Меморандумъ лорда Кестльри и препроводительное письмо напечатаны въ подлинникѣ у d'Angeberg'a, стр. 283—288, стр. 280—283. Подробный анализъ меморандума и письма см. также у Церца, Жизнь Штейна, стр. 169—172.

своихъ сосѣдей, Австріи и Пруссіи, лишаетъ всякаго прикрытія ихъ столицы, наводитъ смущеніе на всѣ кабинеты. Лордъ Кестльри не усматриваетъ, чтобы императоръ былъ связанъ по отношенію къ полякамъ какимъ бы то ни было нравственнымъ долгомъ. Если императоръ свободенъ отъ всякаго стремленія къ територіальному расширенію своей державы, если онъ дѣйствительно проникнуть необходимою улучшить положеніе поляковъ, то для этого онъ можетъ вполне удовлетвориться Русскою Польшею и той частью герцогства Варшавскаго, которая должна достаться ему на основаніи договоровъ. Для осуществленія его польскаго плана вовсе нѣтъ надобности увеличивать его владѣнія на счетъ своихъ союзниковъ, дѣйствовать вопреки своимъ собственнымъ обязательствамъ и тѣмъ принципамъ справедливости и умѣренности, которые выдавалъ онъ такъ часто за единственные мотивы своихъ дѣйствій и которыми руководился онъ, дѣйствительно, по отношенію къ Франціи при заключеніи послѣдняго мира. Нѣтъ надобности увеличивать такимъ непоумѣрнымъ и угрожающимъ образомъ его государство, и безъ того уже вполне удовлетворительное для честолюбія и болѣе нежели достаточное для цѣлей мудраго правленія. Соединимо ли съ нравственнымъ долгомъ бросаться, очертя голову въ дѣло, способное вызвать страхъ и недовольство въ сосѣднихъ государствахъ и политическое броженіе въ собственныхъ владѣніяхъ? Если нравственный долгъ дѣйствительно требуетъ такого рѣшительнаго шага, какъ возстановленіе польскаго королевства, то слѣдуетъ осуществить этотъ долгъ не посредствомъ соединенія двухъ третей Польши въ рукахъ одной и безъ того уже могущественной державы, а на иномъ, болѣе широкомъ и свободномъ основаніи, т. е. дѣйствительнымъ, національнымъ освобожденіемъ поляковъ. Вся Европа отнесется съ сочувствіемъ къ такой мѣрѣ, а Австрія и Пруссія съ радостью согласятся на нее. По обычнымъ государственнымъ соображеніямъ, такая мѣра будетъ соединена съ жертвами для Россіи, но если императоръ не считаетъ возможнымъ приносить, ради нравственнаго долга, такія жертвы на счетъ своего собственнаго государства, то откуда-же беретъ онъ нравственное право со-

вершать подобные эксперименты на счетъ своихъ сосѣдей? Пока императоръ будетъ настаивать на подобныхъ требованіяхъ, невозможно будетъ предложить конгрессу какой бы то ни было планъ для возстановленія Европы. Какимъ образомъ могутъ согласиться Австрія и Пруссія съ такою мѣрою, которая лишаетъ ихъ всякой военной границы, которая находится въ такомъ противорѣчій съ основною цѣлью парижскаго договора: положить конецъ долгимъ безпокойствамъ въ Европѣ и несчастіямъ народовъ прочнымъ миромъ, основаннымъ на справедливомъ и носящемъ въ самомъ себѣ ручательство долговременности, распредѣленіи силы между державами. Уполномоченные Англій, Франціи, Испаніи и, безъ сомнѣнія, всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, какъ большихъ, такъ и малыхъ, смотрятъ совершенно одинаково на это дѣло. Если императоръ будетъ настаивать на военномъ занятіи Варшавскаго герцогства, тогда прійдется объявить всѣмъ собраннымъ въ Вѣнѣ уполномоченнымъ, что образъ дѣйствій Россіи уничтожаетъ всѣ надежды на установленіе прочнаго порядка, обѣщаннаго въ Парижѣ. Пусть же императоръ еще разъ обдумаетъ серіозно всѣ эти неизбѣжныя послѣдствія своего плана.

Нѣсколько инымъ языкомъ говорилъ Кестльри въ конфиденціальномъ письмѣ, приложенномъ къ его меморандуму. Если въ меморандумѣ первый представитель Великобританіи основывалъ всѣ свои доводы на договорахъ и формальныхъ обязательствахъ, если онъ говорилъ въ немъ лишь съ точки зрѣнія интересовъ, то въ письмѣ онъ старался подѣйствовать на хорошо извѣстный ему характеръ Александра и апеллировалъ къ его высокому безпристрастію и извѣстному всему свѣту великодушію. Онъ напоминалъ императору, что онъ стоитъ теперь у заключительнаго акта того великаго дѣла, которое совершалось до сихъ поръ, главнымъ образомъ, благодаря тому духу терпимости, умѣренности, великодушія, въ которомъ велъ онъ до сихъ поръ борьбу за спокойствіе Европы. Неужели онъ думаетъ измѣнить этому духу въ тотъ моментъ, когда остается лишь увѣнчать великое дѣло? Англія причастна польскому вопросу лишь на столько, на сколько ея интересы

соприкасаются съ общими интересами Европы. Англія готова предоставить императору щедрое вознагражденіе на его польской границѣ; ея возраженія касаются лишь мѣры и способа вознагражденія. Пусть императоръ приметъ подобающій ему залогъ благодарности Европы, не предъявляя своимъ союзникамъ и сосѣдямъ требованія, несогласныя съ взаимными отношеніями независимыхъ государствъ. Англія содѣйствовала увеличенію Россіи и въ вопросѣ норвежскомъ, и при заключеніи мира съ Турками и Персіянами; если она возражаетъ теперь противъ новаго расширенія Россіи, то возражаетъ, какъ подобаешь это союзнику. Ссылаясь затѣмъ на великодушіе государя, Кестльри заявляетъ, что исходъ конгресса зависитъ исключительно отъ того способа, съ которымъ будетъ разсматривать Александръ вопросъ, касающійся его государства. «Положеніе, которое занимаетъ въ Европѣ, Ваше Императорское Величество, даетъ вамъ возможность порѣшнить къ общему счастью всѣ вопросы, если вы согласуете вашу волю съ принципами справедливости, предъ которыми должна преклониться Европа. Если-же, къ великому несчастію, Ваше Величество пренебрежете общественнымъ мнѣніемъ, то я потеряю всякую надежду на водвореніе справедливаго и прочнаго порядка въ Европѣ, и къ великому прискорбію моему, Ваше Императорское Величество сдѣлаетесь сами предметомъ опасенія, а не довѣрія, для государствъ, освобожденныхъ вами-же». Но этого не должно быть: императоръ возвысится надъ всѣми мелочными соображеніями и даруетъ Европѣ миръ, который она ожидаетъ изъ его рукъ. Такое благое дѣло соединимо и съ благосклонными намѣреніями императора по отношенію къ Польшѣ, если императоръ не ограничитъ свою верховную власть въ Польшѣ, а преобразуетъ постепенно управленіе страны. Такая мѣра, какъ предполагаемое возстановленіе Польши можетъ удовлетворить лишь честолюбіе нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, но народу она принесетъ гораздо менѣе свободы и счастья, нежели постепенное и незамѣтное улучшеніе административной системы. По разрѣшеніи этого вопроса, императоръ можетъ уговориться съ своими союзниками, на основаніи трактатовъ, о раздѣлѣ польскихъ земель и удержать за собою да-

же большую часть герцогства Варшавскаго подъ единствен-
нымъ условіемъ, чтобы Австрія и Пруссія получили необходи-
мыя имъ военныя границы.

Меморандумъ и нота Кестльри не могли не произвести на
Александра самаго тяжелаго впечатлѣнія ¹⁾. Императоръ былъ
глубоко возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только вопросъ
о вознагражденіи Россіи вызвалъ такія опасенія и осложненія,
тогда какъ Франція, виновница всѣхъ послѣднихъ переворо-
товъ и войнъ, отдѣлалась такъ дешево по Парижскому миру
отъ всѣхъ притязаній своихъ сосѣдей, Великобританія удер-
жала за собою почти цѣликомъ всю колоссальную добычу, за-
хваченную ею во время революціонныхъ и наполеоновскихъ
войнъ, а Австрія предъявила на конгрессѣ неоспоримыя ни-
къмъ требованія на богатое вознагражденіе въ Италіи и Гер-
маніи. Александръ полагалъ, что Россія имѣетъ наибольшее пра-
во на земельное вознагражденіе, какъ въ виду великихъ жертвъ,
принесенныхъ ею, такъ и въ виду той первенствующей роли, ко-
торую играла она въ теченіе всей борьбы. Александръ не ви-
дѣлъ возможности получить иное вознагражденіе, кромѣ того,
которое онъ намѣтилъ съ самаго начала, т. е. герцогство Вар-
шавское. Подобное вознагражденіе удовлетворяло, по его мнѣ-
нію, вполнѣ достоинству и интересамъ Россіи и давало ему
сверхъ того возможность исполнить свои либеральныя намѣ-
ренія по отношенію къ Польшѣ, намѣренія, отказаться отъ
которыхъ было для него невымыслимо.

Ознакомившись съ содержаніемъ меморандума и письма
Кестльри, императоръ имѣлъ второе, продолжительное совѣ-
щаніе съ первымъ уполномоченнымъ Великобританіи. Разго-
воръ отличался самымъ оживленнымъ характеромъ. Александръ
обнаружилъ готовность къ уступкѣ только по одному пункту
«Я не отказываюсь», сказалъ онъ между прочимъ, «отъ ис-
полненія извѣстныхъ статей Рейхенбахскаго договора. Я от-
дамъ Австріи соляныя копи Велички». Что-же касается до
главнаго пункта, т. е. до присоединенія герцогства Варшав-

¹⁾ См. Перцъ, Steins Leben, т. IV, стр. 173.

скаго и Польской конституціи, то одинъ Александръ остался, какъ и слѣдовало ожидать, непреклоннымъ ¹⁾.

Дипломатическая кампанія была, однакоже, открыта. Пота Кестльри, ставившая во многихъ отношеніяхъ вопросъ такъ круто и рѣшительно и отличавшаяся мѣстами такимъ неделикатнымъ тономъ, требовала отвѣта и опроверженія съ Русской стороны. Но кому слѣдовало поручить редакцію отвѣта? Этотъ вопросъ сопряженъ былъ для Александра съ немалыми затрудненіями. У императора не было въ Вѣнѣ недостатка ни въ министрахъ, ни въ совѣтникахъ, но однихъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Нессельроде и Разумовскаго онъ находилъ, разумѣется, по совершенно различнымъ причинамъ, неспособными воспроизвести съ точностью и достоинствомъ его мысли и доводы, тогда какъ другіе, притомъ ближайшіе и любимѣйшіе его совѣтники, смотрѣли на Польскій вопросъ совершенно иными глазами, нежели онъ самъ. усматривали въ его польскихъ планахъ великую опасность для самой Россіи.

Въ числѣ лицъ, предостерегавшихъ императора отъ его польскихъ увлеченій, слѣдуетъ упомянуть на первомъ планѣ барона Штейна. Еще въ прежнее время Штейнъ высказывался неоднократно противъ соединенія Польскихъ земель въ одно королевство и противъ дарованія Польшѣ либеральной конституціи. Теперь, когда польскій вопросъ выступилъ на конгрессѣ въ такой обостренной формѣ, когда онъ связался съ вопросомъ о границахъ Австріи и Пруссіи, когда требованія Александра вызвали столько дѣйствительной и фальшивой тревоги, Штейнъ не счелъ возможнымъ хранить молчаніе и подалъ императору особое мнѣніе по Польскому вопросу.

«В. И. В., писалъ онъ, требуете въ Польшѣ границу, которая угрожаетъ Австріи и Пруссіи, а равно согласіе вашихъ союзниковъ на дарованіе Польшѣ конституціи.

Граница отъ Торна черезъ Ъалишъ на Краковъ дѣйствительно угрожаетъ Австріи и Пруссіи; по отношенію къ послѣдней она отличается кромѣ того столькими странностями и неправильностями, такую массу вдающихся въ восточную и

¹⁾ Церикъ, Stein's Leben, T. IV, стр

западную Пруссію угловъ, что можетъ парализовать всякую административную мѣру даже въ мирное время.

Конституція, долженствующая соединить всю Русскую Польшу подъ именемъ королевства въ особое политическое цѣлое, соединенное съ Россіею лишь одною личною уніею. разрушитъ внутреннее единство правительства, парализуетъ его ходъ, поддержитъ въ русской Польшѣ стремленіе къ независимости и разовьетъ духъ броженія и стремленіе къ отпаденію въ тѣхъ польскихъ областяхъ, которыя останутся подъ властью сосѣднихъ державъ. Такое положеніе вещей заключаетъ въ себѣ элементы несогласія между неограниченно-управляемою Россіею и свободно-конституціонною Польшею. Россія найдетъ въ этомъ различіи поводъ къ недовольству, она всегда будетъ стремиться къ превращенію единства въ подчиненіе. Польша будетъ безпокоиться о сохраненіи своихъ правъ и ея безпокойство не замедлитъ принять незаконный и мятежный характеръ, свойственный націи. Соединеніе поведетъ, такимъ образомъ, или къ порабоженію, или къ окончательному раздѣленію, но та и другая перемѣна не можетъ совершиться безъ новыхъ потрясеній. Несомнѣнно, что подобное положеніе противорѣчитъ общему благу Европы, столь нуждающейся въ мирѣ, великодушнымъ и благодѣтельнымъ намѣреніямъ самого императора и истинному смыслу обязательствъ, въ которыя вступилъ онъ съ своими вѣрными союзниками.

Государь, очевидно, имѣетъ прежде всего въ виду обезпечить счастье поляковъ, искупить политическую неправду, совершенную его предшественниками. Онъ руководится благородными и чистыми побужденіями, и всѣ, принимавшіе участіе въ этомъ актѣ насилія, должны способствовать ему теперь въ исправленіи его гибельныхъ послѣдствій. Вопросъ заключается лишь въ выборѣ средствъ. Возвращаясь по отношенію къ полякамъ къ принципамъ справедливости, необходимо остерегаться, чтобы не нарушить въ другихъ отношеніяхъ важнѣйшія правила государственной мудрости и нравственности.

Пусть предоставятъ русскимъ полякамъ общественныя учрежденія, гарантирующія имъ необходимое участіе въ управленіи, предохраняющія ихъ отъ притѣсненія и фальшивыхъ мѣропрі-

ятій, поддерживающія духъ общенія, открывающія поле для ихъ дѣятельности. Учрежденіе провинціальныхъ, сословныхъ представительствъ въ польскихъ областяхъ обезпечитъ полякамъ свободу личности, собственности, участіе во внутреннемъ управленіи и дастъ имъ средства развитіи свои нравственныя и духовныя способности. Если они не приобрѣтутъ въ настоящей моментъ выгодъ, доставляемыхъ конституціею, то они принесутъ эту жертву великимъ интересамъ Европы, благодарности союзникамъ, освободившимъ ихъ отъ цѣпей, наложенныхъ на нихъ Наполеономъ и той великой винѣ въ своемъ собственномъ несчастіи, винѣ, заключающейся въ трехсотлѣтнемъ беззаконіи и испорченности ихъ вельможъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ ихъ политическую смерть. Уже Стефанъ Баторій, одинъ изъ величайшихъ королей ихъ, сказалъ имъ въ XVI столѣтіи: «Поляки, вы обязаны вашимъ существованіемъ ни законамъ, ибо вы не признаете ихъ, ни правительству, ибо вы не уважаете его, вы обязаны этимъ лишь одному случаю».

Поляки долго испытывали этотъ случай или, лучше сказать, это провидѣніе, и они были покорены ¹⁾).

Мемуаръ Штейна произвелъ на Александра непріятное впечатлѣніе. Смѣлые совѣты и предостереженія барона не колебали его убѣжденій, а только раздражили его. Все тѣснѣе и тѣснѣе сходилъ онъ съ Чарторижскимъ и утверждался все болѣе въ своихъ польскихъ планахъ. Хитрый польскій магнатъ льстилъ всѣми способами государю, раздувалъ его оскорбленное самолюбіе, поддерживалъ его фантастическія иллюзіи на счетъ Польши. Чарторижскій былъ крайне недоволенъ на Штейна и показывалъ это при каждомъ удобномъ случаѣ. Встрѣтившись на придворномъ концертѣ съ барономъ, онъ сказалъ громко, обращаясь къ Анштету: «На императора ведутъ атаку со всѣхъ сторонъ: необходимо поддерживать его и защищаться» ²⁾. Чарторижскій дѣйствительно принялъ на

¹⁾ Мемуаръ Штейна напечатанъ дословно у Перца, Т. IV, стр. 164—166. Тамъ-же напечатана записка Штейна по Польскому вопросу, поданная Гарденбергу, стр. 166—168.

²⁾ Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 173.

себя эту защиту. По порученію государя, онъ взялся составить отвѣтъ на меморандумъ Кестльри, причемъ въ помощники ему былъ приданъ Анштеть. Отвѣтъ отличался, какъ и слѣдовало ожидать, возбужденнымъ характеромъ. Онъ шелъ отъ имени самого императора: «И для меня, говорилъ въ немъ Александръ, трудно было понять ваши мотивы и ихъ изложеніе. И я не въ состояніи согласить ваши дѣйствія съ чувствами, выраженными вами мнѣ, ваши первые шаги на конгрессѣ съ прежнимъ образомъ дѣйствія Великобританіи. Я избираю ту же форму, которую угодно было принять вамъ; отвѣтъ на вашъ меморандумъ содержитъ въ себѣ формальное опроверженіе записки, которая, судя по рѣшеніямъ, конми грозитъ она, можетъ быть разсматриваема, какъ актъ полуофициальнаго свойства; сверхъ сего, я счелъ необходимымъ высказаться въ особомъ письмѣ по поводу содержанія вашего конфиденціального посланія».

Русскій меморандумъ избиралъ, подобно англійскому, своею исходною точкою калишскій договоръ. Этотъ договоръ выказалъ въ настоящемъ свѣтѣ, говорилось въ немъ, государственные и личные принципы императора; онъ явился первымъ звеномъ въ независимости европейскихъ государствъ. По уничтоженіи французскаго могущества Россія отнеслась предупредительно къ желаніямъ державъ, предложила своимъ старымъ союзникамъ возвратить все потерянное ими. Императоръ не остановился для достиженія этой цѣли ни предъ какими средствами: ни пожаръ Москвы, ни опустошеніе его городовъ и областей не могли поколебать его въ этомъ великомъ и благородномъ предпріятіи. Утвержденіе, что императоръ уклонился теперь отъ своихъ принциповъ,—неосновательно. Рейхенбахскія постановленія на счетъ раздѣла герцогства варшавскаго составляютъ лишь часть предварительнаго договора, заключеннаго на извѣстный случай. Не въ силу этого договора, а единственно вслѣдствіе исхода войны, повлекшаго за собою болѣе обширныя завоеванія, получаютъ теперь Австрія и Пруссія свои громадныя вознагражденія. Первоначальныя постановленія оказались непрямѣнными послѣ достигнутыхъ успѣховъ. По мѣрѣ того, какъ открывались

для Австріи и Пруссіи виды на громадныя пріобрѣтенія, пріобрѣтала право и Россія настаивать на болѣе значительномъ вознагражденіи. Согласно этому, державы говорили въ Теплицкомъ трактатѣ лишь о дружественномъ согласіи на счетъ будущей судьбы герцогства Варшавскаго, согласно этому-же, императоръ отдалъ Пруссіи Данцигъ, тотчасъ же послѣ его покоренія, и уступилъ Австріи соляныя копи въ Величкѣ и краковскія предмѣстія; согласно этому-же, императоръ готовъ уступить Пруссіи полосу земли, необходимую для связи ея провинцій, и составляющую одинъ изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ округовъ герцогства. Россія отдаетъ, такимъ образомъ, четверть населенія и треть доходовъ герцогства, и всѣя требованія ограничиваются территоріею, населенною 2.200,000 душъ, территоріею, опустошенною къ тому-же войною, голодомъ, повальными болѣзнями и выселеніемъ. Какое значеніе имѣетъ эта территорія въ сравненіи съ пріобрѣтеніями Австріи и Пруссіи, на долю которыхъ достаются страны, благодѣтельствуемая самою природою, надѣленные всѣми источниками производства и богатства? Пріобрѣтенія Россіи въ Финляндіи, Бессарабіи, Персіи имѣютъ въ военномъ отношеніи значеніе лишь оборонительное. Положеніе, занимаемое герцогствомъ Варшавскимъ, не только не способствуетъ наступательнымъ цѣлямъ, а наоборотъ, въ случаѣ нападенія на Россію Австріи и Пруссіи, можетъ считаться отрѣзаннымъ. Тайное обязательство послѣдняго раздѣльнаго трактата не возстановлять имени Польскаго королевства устранено наступательною войною Австріи и Пруссіи противъ Россіи въ 1812 году. Россія вынуждена была завоевать вновь страну и теперь вопросъ идетъ о четвертомъ раздѣлѣ, для котораго не могутъ быть принимаемы во вниманіе постановленія прежнихъ договоровъ. Отъ возстановленія имени королевства Польскаго и соединенія части герцогства Варшавскаго съ Россіею нечего ожидать какой-либо опасности для Австріи и Пруссіи, такъ какъ императоръ предлагаетъ имъ обѣимъ гарантію ихъ польскихъ владѣній и такъ какъ при малѣйшемъ поводѣ къ опасенію Австрія, Пруссія, Франція, Великобританія и даже Турція могутъ соединиться противъ изолированной Россіи. Политическое равновѣсіе основ-

вается не на большемъ или меньшемъ количествѣ пространства, не на крѣпостяхъ, а на одинаковости интересовъ, направляющихъ въ моментъ опасности усилія всѣхъ къ одной цѣли. Если конгрессъ разстроится по поводу польскаго вопроса, тогда какъ ему предстоитъ рѣшить столько другихъ важныхъ дѣлъ, то не на императора падетъ упрекъ въ этомъ; онъ предъявитъ Англiи и Европѣ размѣръ своихъ требованiй. Народы, видѣвшiе его впереди всѣхъ въ борьбѣ за ихъ свободу и бывшiе свидѣтелями его умѣренности, поймутъ, какая причина противостояла восстановленiю общаго порядка, счастья, спокойствiя, за которое пролито было столько крови. Въ отношенiи же къ государямъ, его друзьямъ, его союзникамъ, его собратамъ по оружию, ничто не можетъ ослабить его дружбы; ибо она покоится на чувствахъ совершеннѣйшаго уваженiя и довѣрiя, съ которыми будутъ согласоваться всегда всѣ его политическiя предпрiятiя.

Въ препроводительномъ письмѣ на имя Кестльри императоръ объявляетъ, что онъ раздѣляетъ вполне мнѣнiя, высказанныя лордомъ по вопросу о расширенiи Россiи; онъ выражаетъ надежду, что русскiй отвѣтъ на меморандумъ долженъ разсвѣять всѣ опасенiя на счетъ сосѣдей Россiи и удивляется, какимъ образомъ могъ Кестльри явиться выразителемъ этихъ опасенiй. «Перехожу затѣмъ къ пункту», говорится далѣе въ письмѣ, «въ коемъ вы ссылаетесь на событiя, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти, а именно, къ тому открытому и сердечному содѣйствiю, которое нашелъ я со стороны Англiи въ то время, когда я одинъ боролся со всѣмъ материкомъ, предводимымъ Наполеономъ. Извѣстно, что всегда оказываешься неправымъ, когда пытаешься напомнить кому-либо оказанныя прежде услуги. Если бы я усмотрѣлъ это намѣренiе въ вашемъ замѣчанiи, или же увидѣлъ въ немъ несправедливое подозрѣнiе, что я недостаточно цѣню величiе британскаго народа и просвѣщенной и дружественной политики Великобританскаго кабинета, высказавшiяся въ теченiе войны, то я бы не отвѣчалъ вамъ ничего. Но мы совѣщаемся о будущемъ, а потому и вполне естественно высказаться откровенно о прошедшемъ». Сославшись затѣмъ на свой

оффициальный отвѣтъ, императоръ продолжаетъ: «Совмѣстимо ли съ подобными принципами утверждать, что настоящій конгрессъ является очагомъ происковъ и ненависти, цоприщемъ несправедливыхъ стремленій къ могуществу? Я не позволяю себѣ обращать подобное обвиненіе противъ кого-либо изъ моихъ союзниковъ, хотя для меня было чрезвычайно странно встрѣтить его въ вашемъ письмѣ. Міру извѣстны правила, руководившія мною, отъ перехода черезъ Вислу до Сены, пусть же онъ видитъ: можетъ ли одушевлять меня или руководить какимъ-либо моимъ усиліемъ желаніе пріобрѣсти лишній милліонъ жителей, или доставить себѣ какое-либо матеріальное преимущество.

«Чистота моихъ намѣреній составляетъ мою силу; стрѣлы подозрѣнія не достигнутъ меня, милордъ. И если я твердо держусь порядка вещей, который намѣренъ я возстановить въ Польшѣ, то я поступаю такъ лишь потому, что я ношу въ моей совѣсти глубокое убѣжденіе, что мои дѣйствія клонятся не къ моей личной выгодѣ, а къ пользѣ выгоды всеобщей.

«Эта нравственная политика будетъ, быть можетъ, оцѣнена по достоинству народами, пріемлющими все безкорыстное и благодѣтельное, какую бы тѣнь ни пытались набросить на него».

Лордъ беспокоится напрасно по поводу печальной будущности государствъ, съ которыми связываетъ императора неразрывная дружба и довѣріе; при такихъ условіяхъ результатомъ совѣщаній конгресса явится почетное и успокоительное для всѣхъ упрядоченіе европейскихъ дѣлъ, не смотря на всѣ попытки возжечь недовѣріе и вражду между державами.

«Что же касается до заботы о моихъ подданныхъ и до моего долга, по отношенію къ нимъ, то это мое собственное дѣло, и лишь прямота вашихъ побужденій могла сгладить во мнѣ впечатлѣніе, вызванное первымъ чтеніемъ этого мѣста въ вашемъ письмѣ» ¹⁾.

Раздраженіе императора, высказывавшееся такъ ясно въ этомъ письмѣ, прорывалось и при многихъ другихъ случаяхъ.

¹⁾ Этотъ отвѣтъ Россіи, равно какъ и препроводительное письмо, напечатаны у Аниберга. См. также Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 191—195.

Штейнъ, посѣтившій въ это время Александра по дѣламъ, нашель императора противъ обыкновенія замкнутымъ и сдержаннымъ. Поговоривъ съ барономъ объ устройствѣ Саксонскихъ дѣлъ, государь обратился затѣмъ къ нему съ такими словами:

«Вы писали мнѣ, по поводу Польши. Почему же вы, высказывавшій всегда либеральные идеи, предлагаете въ настоящемъ случаѣ нѣчто, совершенно противоположное имъ?»

«Мнѣ кажется, государь, отвѣчалъ Штейнъ, что примѣненіе принциповъ опредѣляется характеромъ самого объекта. Я опасаясь, что эта Польша явится для васъ лишь источникомъ огорченій и непріятностей. Ей не достаетъ третьяго сословія, являющагося во всѣхъ образованныхъ странахъ хранителемъ національныхъ возрѣній, нравовъ, богатствъ народа. Въ Польшѣ третье сословіе состоитъ изъ невѣжественной, буйной шляхты и изъ жидовъ. А между тѣмъ, что-же, какъ не недостатокъ третьяго сословія, мѣшаетъ вамъ провести ваши реформы въ Россіи».

«Это правда», замѣтилъ государь, «но въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ дѣла шли совершенно иначе».

«Не совсѣмъ хорошо, возразилъ Штейнъ. Наполеонъ держаль ихъ въ рукахъ, онъ не позволялъ имъ выходить изъ извѣстнаго предѣла».

«И я съумѣю держать ихъ въ порядкѣ; къ тому же я еще не высказался относительно тѣхъ учрежденій, которыя я хочу дать народу, сдѣлавшему такъ много для сохраненія своей національности».

«Все соединилось противъ меня, продолжалъ императоръ. Талейранъ интригуетъ, но онъ не достигнетъ своей цѣли, возбуждая всѣхъ противъ всѣхъ. Онъ заподозриваетъ Пруссію изъ-за Саксоніи, меня изъ-за Польши, Австрію изъ-за Италіи. Онъ навлечетъ, наконецъ, на себя всеобщее недовѣріе».

Государь былъ сильно взволнованъ. Штейнъ старался успокоить его. Онъ доказываль, что ни одинъ изъ министровъ союзныхъ государствъ не можетъ быть въ стачкѣ съ Талейраномъ. Государь соглашался съ нимъ въ этомъ отношеніи, но объявилъ, что Меттерниху онъ не вѣритъ ни въ чемъ. «Впро-

чемъ, замѣтилъ онъ, прощаясь съ барономъ, я не теряю надежды сохранить миръ и согласіе¹⁾.

Сознавая свою изолированность, негодуя на неспособность однихъ изъ своихъ совѣтниковъ и расходясь въ мнѣніяхъ съ другими, Александръ чувствовалъ въ то время, что для успешной борьбы съ такими противниками, какъ Талейранъ, Меттернихъ и Кестльри, онъ нуждается въ болѣе опытныхъ, искусныхъ и безпристрастныхъ совѣтникахъ, нежели увлекающійся, страстный Чарторижскій и флегматическій Анштейнъ, способный лишь на одни сарказмы и злостныя шутки. Государь вспомнилъ въ это время о двухъ своихъ дипломатахъ, отличавшихся, по его мнѣнію, способностями выдающимися. То были корсиканецъ Поццо-ди-Борго, и іонійскій грекъ, Іоаннъ Каподистрія. Оба они были чужестранцы, но оба были одинаково преданы государю и могли, повидимому, отнестись къ польскому вопросу гораздо спокойнѣе и безпристрастнѣе, нежели природныя русскіе, въ родѣ Разумовскаго, или германскіе патриоты, въ родѣ Штейна. Оба они были вызваны теперь государемъ въ Вѣну и обоимъ имъ было предложено высказать свое откровенное мнѣніе по польскому вопросу.

Къ удивленію государя, мнѣніе, представленное корсиканцемъ и злѣйшимъ врагомъ Наполеона, сходилось почти во всѣхъ пунктахъ съ мемуаромъ, представленнымъ Штейномъ. Поццо высказался одинаково рѣшительно и противъ образованія особаго Польскаго королевства, и противъ дарованія ему либеральной конституціи. Подобно Штейну, онъ указывалъ на тѣ опасности, которыя проистекуть изъ такихъ актовъ для Австріи и Пруссіи, для Россіи и для самой Польши. При постоянномъ стремленіи поляковъ привлечь къ себѣ своихъ земляковъ, остающихся подѣ властью сосѣднихъ державъ, существованіе особаго Польскаго королевства, польскаго сейма и войска, вызоветъ сильное волненіе въ польскихъ областяхъ Австріи и Пруссіи и принудитъ эти государства тѣсно соединиться другъ съ другомъ. Къ ихъ союзу примкнетъ вся остальная Европа, и Россіи придется вступить въ неравную борь-

¹⁾ Разговоръ Александра съ Штейномъ у Церца, т. IV, стр. 175—176.

бу. Но еще опаснѣе будутъ послѣдствія для Россіи въ иныхъ отношеніяхъ. Вся новѣйшая исторія Россіи заключается, главнымъ образомъ, въ разрушеніи Польши. Разрушеніе это имѣло своею цѣлью поставить Россію въ непосредственное общеніе съ другими европейскими народами, открыть болѣе обширное поприще для примѣненія ея могущества, ея талантовъ, для удовлетворенія ея гордости, ея страстей, ея интересовъ. Уничтожать всѣ великія послѣдствія такого дѣла, значитъ нарушать единство правленія. Императоръ Всероссійскій и король Польскій—титулы несовмѣстимыя; никакой государь не можетъ соединять ихъ въ своей особѣ, не возбуждая недовольство одного изъ двухъ, или обоихъ народовъ. Необходимо удерживать во что бы то ни стало завоеванія, всѣми признанныя, завоеванія, по своей сущности и важности, безусловно необходимыя для государства. Отказываться отъ нихъ внезапно—значитъ вносить несчастныя измѣненія въ составъ и внутреннее хозяйство государства, возбуждать въ народахъ вредныя и опасныя разногласія, вызывать нравственное противодѣйствіе. Невозможно оторвать столько областей отъ имперіи, образовать изъ нихъ особое независимое на дѣлѣ государство, съ свободною конституціею, съ собственною арміею, не вызывая злоупотребленія у освобожденныхъ, недовольство у старыхъ подданныхъ. Если русскіе съ сознаниемъ своего дѣйствительнаго могущества будутъ осуждены на положеніе страдательное, тогда какъ поляки, не довольствуясь представленною имъ свободою, будутъ стремиться къ приобрѣтенію еще большихъ правъ, то изъ всего этого проистекутъ самыя печальныя послѣдствія. Невозможно ставить на одну доску уравненіе завоеванной Польши съ завоевавшею ее Россіею—съ принятиемъ титуловъ, полученныхъ по наслѣдству австрійскимъ эрцгерцогъ королевствъ Чешскаго и Венгерскаго, принимая титулъ короля Польскаго, императоръ откажется тѣмъ самымъ отъ завоеванныхъ областей, возобновитъ между собою и Европою преграду, вредную для Россіи. Новыя учрежденія крайне опасны для самихъ поляковъ. У поляковъ любовь къ независимости основывается не столько на любви къ отечеству, сколько на ненависти къ иноземцамъ; иначе, какъ

могли бы они торговать такъ безстыдно своею независимостию въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ? Гдѣ ручательства за ихъ мудрость и неподкупность въ будущемъ!. Если они были подготовлены къ свободной конституціи, почему же они не хлопотали о ней предъ Бонапартомъ и согласились фигурировать въ качествѣ французскаго военнаго департамента. Почему, вмѣсто того, чтобы обнаружить хотя нѣкоторое отвращеніе, когда ихъ отправляли избивать Испанцевъ, они устраивали празднества и пирушки по случаю отправки каждаго полка за Пиренеи?.. Онутошивши Мадридъ и сжегши Москву, поляки требуютъ теперь не освобожденія, а владычества. Они декламируютъ драмы по поводу своего несчастія, а между тѣмъ, участь, постигшая ихъ, ни чѣмъ не хуже участи другихъ народовъ, дѣйствовавшихъ, подобно имъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

Современное отношеніе римско-католической церкви къ рабочему вопросу.

I.

Въ настоящемъ году, 15 мая по нов. ст., папа Левъ XIII обнародовалъ официальный документъ по рабочему вопросу (*Litterae encyclicae de conditione operificum*). Документъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе въ католическомъ мірѣ не только потому, что является въ нѣкоторомъ родѣ папскимъ ученіемъ *ex cathedra* (*Datum Romae apud S. Petrum An. MDCCCXCI, Pontificatus Nostrî Decimoquarto*), но и потому, что пытался рѣшить одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ западно-европейской жизни. Папа употребилъ три года на составленіе этого документа, и только послѣ этого рѣшился обратиться ко всеѣмъ патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ и епископамъ католическаго міра, пребывающимъ во благодати и общеніи съ апостольскимъ престоломъ ¹⁾). Конечно, для протестантовъ голосъ папы безсиленъ и не можетъ имѣть той авторитетной важности, которымъ пользуется среди добрыхъ католиковъ; тѣмъ не менѣе и протестанты выслушали его съ почтительнымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ одобреніемъ. Это видно уже изъ того одного, что императоръ Вильгельмъ II приказалъ распространить энциклику среди рабочихъ въ переводахъ на новѣйшіе языки въ сотняхъ тысячъ экземпля-

¹⁾ Venerabilibus fratribus patriarchis primatibus archiepiscopis et episcopis universis catholici orbis gratiam et communionem cum apostolica sede habentibus.

ровъ. Распоряженіе императора надобно признать не только актомъ политической вѣжливости, но и прямого одобренія со стороны протестантскаго государя. Очевидно, и католики и протестанты выслушали этотъ голосъ съ нескрываемымъ интересомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, папская энциклика въ тѣхъ пунктахъ своего ученія, въ которыхъ она возвышается надъ обычными римско-католическими воззрѣніями и старается быть безпристрастной, является выраженіемъ пастырской мудрости, глубокой скорби и искренняго благожеланія христіанскимъ народамъ. Она не преувеличиваетъ дѣла, но она и не уменьшаетъ его. Она видитъ опасность, угрожающую западно-европейскому обществу, извѣстную подъ именемъ социализма; но она сохраняетъ полную увѣренность въ побѣдѣ надъ нею, если только народы останутся покорными внушеніямъ христіанства, или прямѣе—римско-католической церкви. Она не вноситъ духа раздраженія и недовольства, не вызываетъ недовѣрія и взаимной вражды, обвиняя однихъ и оправдывая другихъ; напротивъ, она учитъ, что бѣдные и богатые равно имѣютъ настоящую нужду другъ въ другѣ, что капиталъ не можетъ обойтись безъ труда и трудъ безъ капитала; а потому только соглашеніе между ними можетъ породить стройный порядокъ и красоту. Такимъ образомъ папа хочетъ сохранить полное безпристрастіе; и съ этою цѣлію равно обращается къ здоровому смыслу и христіанской совѣсти сильныхъ міра сего и немощныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, рабочихъ и хозяевъ, пролетаріевъ и предпринимателей. Папа хочетъ спасти западное общество отъ развивающейся среди него заразы, и предлагаетъ мѣры, которыя признаетъ наилучшими. Можно не соглашаться съ этими мѣрами, можно даже отвергать ихъ; но нельзя не признать ихъ благожелательными, серьезными и даже до нѣкоторой степени пригодными сообразно съ свойствами западно-европейскаго недуга. Въ этомъ состоитъ несомнѣнное достоинство новоизданной папской энциклики.

Но это одна сторона дѣла и, быть можетъ, наименѣе интересная. Есть другая сторона дѣла, которая не можетъ не обратить на себя вниманія всѣхъ искреннихъ христіанъ. Энциклика изъ

ображаетъ намъ внутреннее состояніе западной Церкви и завѣтныя стремленія, которыми проникнуто современное намъ папство. Папа ни на минуту не забываетъ своего исключительнаго значенія въ церкви и своихъ высокихъ преимуществъ, осуществленіе которыхъ въ жизни есть путеводная звѣзда, очаровательная мечта, идеальная цѣль, какъ прежняго, такъ и современнаго намъ папства. Но прежде чѣмъ каснемся этой стороны дѣла, мы должны представить общій анализъ папскаго документа. Приведемъ же этотъ анализъ въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ *Observatore Romano*, официальномъ папскомъ журналѣ. Вотъ этотъ анализъ:

«Послѣ краткаго введенія, гдѣ говорится о важности и трудности вопроса, равно какъ и о необходимости его немедленнаго рѣшенія, энциклика прежде всего опровергаетъ социалистическое убѣжденіе, стремящееся уничтожить частную собственность, создавая на мѣсто ея собственность общую, или коллективную. Затѣмъ она начинаетъ говорить о рѣшенія, вытекающемъ изъ христіанскаго ученія. Она допускаетъ, что, согласно съ этимъ ученіемъ, разнообразныя человѣческія начала и элементы должны способствовать этому рѣшенію; но самое первое и самое главное рѣшеніе должно принадлежать церкви, безъ котораго все другія рѣшенія останутся ничтожными.

«Въ этомъ отношеніи энциклика припоминаетъ евангельское ученіе, согласно съ которымъ хозяева (patrons) и рабочіе призваны не къ взаимной борьбѣ, а къ согласію при посредствѣ исполненія взаимныхъ обязанностей, указываемыхъ правдою; даже болѣе, они призваны взаимно помогать другъ другу и жить въ дружескомъ и братскомъ единеніи, какъ члены одного и того же семейства, не смотря на свое различіе. Долгъ церкви не только напоминать это ученіе, но и дѣлать все, чтобы осуществлять его въ жизни (en actes); въ то же время церковь должна употреблять все усилія, чтобы предоставить пролетаріямъ помощь нравственную и матеріальную, какую только любовь Іисуса Христа, всегда живущая въ церкви, найдетъ для нихъ выгодною.

«Энциклика говоритъ затѣмъ о дѣятельности государства въ

этомъ отношеніи. Прежде всего, въ общемъ смыслѣ, церковь допускаетъ то, чтобы государство содѣйствовало благосостоянію рабочаго класса; далѣе, въ частности, она допускаетъ и то, чтобы государство оказывало свое вмѣшательство (*intervention*), когда это вмѣшательство требуется для покровительства общему благу и охраны частныхъ правъ, подпадающихъ вѣдѣнію государства. Въ этомъ мѣстѣ энциклика разсматриваетъ отдѣльно главные пункты, требующіе покровительственнаго содѣйствія государства, каковы: охрана частной собственности, общественнаго спокойствія, даже выгодъ рабочихъ, какъ въ отношеніи къ душѣ, такъ и въ отношеніи къ тѣлу. Разсматривая эти пункты, она говоритъ о различныхъ вопросахъ, относящихся къ покою праздничныхъ дней, къ обремененію рабочихъ непосильнымъ трудомъ, къ заработной платѣ, къ продолжительности труда сообразно съ свойствами производства, а также съ поломъ, возрастомъ трудящихся и т. п.

«Послѣдняя часть энциклики касается самихъ рабочихъ и спеціально рабочихъ учрежденій и ассоціаций, какъ-то: обществъ взаимной помощи, убѣжищъ при несчастныхъ случаяхъ, во время болѣзни, неспособности къ труду и т. п.; затѣмъ говоритъ о различныхъ формахъ покровительства юности и людямъ взрослымъ; говоритъ о синдикатахъ и въ частности о смѣшанныхъ синдикатахъ и о разныхъ корпораціяхъ, примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ жизни. Государство должно благопріятствовать имъ, одушевлять ихъ, поддерживать, предоставляя имъ необходимую свободу. Объ этихъ рабочихъ союзахъ и о способахъ ихъ учрежденія энциклика говоритъ пространно, указывая основныя правила и въ особенности рекомендуя ихъ, какъ внушаемыя (*imbues*) христіанскимъ духомъ. Она признаетъ и хвалитъ все доброе, что сдѣлано по этому предмету, и требуетъ, чтобы сдѣлано было еще больше. Энциклика оканчивается спланнымъ (*pressante*) увѣщаніемъ всѣхъ заинтересованныхъ рѣшеніемъ этого вопроса, чтобы каждый съ горячностью и безъ замедленія рѣшился исполнить все, зависящее отъ него»¹⁾.

¹⁾ Мы заимствуемъ этотъ анализъ въ переводѣ «L'Union Chretienne» 1891. Juin. V. «Encyclique sur la condicion des ouvriers», p. 161—163.

Таковъ общій ходъ мыслей папской энциклики. Изъ этого общаго хода не видно ни главныхъ цѣлей энциклики, ни главной скорби, которою болѣетъ папское сердце; но не много надобно труда, не много надобно углубленія въ энциклику, чтобы эти цѣли и эта скорбь стали совершенно ясными. Замѣтимъ прежде всего, что рѣчь папы вообще спокойная, сдержанная и даже осторожная становится очень энергичной въ тѣхъ случаяхъ, когда папа касается современныхъ условій жизни своей церкви, или западно-европейскихъ обществъ и тѣхъ социальныхъ бѣдствій, которыя тяготѣютъ надъ ними. Папа изображаетъ состояніе своей церкви и христіанскихъ обществъ въ мрачныхъ краскахъ. Папа говоритъ, напримѣръ: «политическими переворотами прошлаго столѣтія были разрушены старинныя корпораціи рабочихъ классовъ, не замѣнивъ ихъ никакими новыми учрежденіями; государственное управленіе болѣе и болѣе чуждалось христіанскихъ нравовъ и воззрѣній; и такимъ образомъ оказалось, что изолированные беззащитные рабочіе очутились предоставленными на произволъ безчеловѣчныхъ хозяевъ и стали злополучными жертвами разнузданной алчной конкуренціи. Жадное лихоимство и ростовщичество еще болѣе ухудшило ихъ бѣдственное положеніе; и хотя церковь неоднократно осуждала ростовщичество, но алчный къ наживѣ капитализмъ продолжалъ его подъ разными другими видами. Производительность и торговля почти стали монополіею немногихъ, и такимъ образомъ сравнительно немногіе непомерно богатые люди наложили на рабочіе классы почти рабское иго»¹⁾. Такъ выражается папа. Въ сущности папа не говоритъ ничего новаго. Онъ только формулируетъ и авторизуетъ тѣ мысли, которыя еще прежде его были высказываемы многими католическими писателями и которыя нашли широкое распространеніе въ нѣдрахъ католической церкви. Папа высказывается даже болѣе сдержанно и болѣе умѣренно, чѣмъ дѣлаютъ это многіе католическіе писатели

1) Мы приводимъ слова папы по нѣмецкому переводу энциклики: «Rundschreiben erlassen von unserem heiligen Vater Leo XIII». 1891. Freiburg in Breisgau. S. 8.

и ораторы. Не далѣе, напримѣръ, какъ въ 1889 году, на католическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, князь Лихтенштейнъ въ присутствіи многихъ епископовъ, прелатовъ и избраннѣйшаго католическаго общества говорилъ, что современное намъ бѣдственное состояніе Европы проистекаетъ отъ отреченія отъ христіанства и есть результатъ смѣшенія языческихъ началъ жизни съ христіанскими; что поэтому спасеніе общества зависитъ единственно отъ возвращенія въ основнымъ началамъ христіанской культуры, безъ всякой языческой примѣси. По его мнѣнію, это особенно ясно сказывается въ сферѣ политико-экономической, въ установившихся отношеніяхъ между рабочими и хозяевами, между трудящимися классами и предпринимателями. Конечно, рабочій классъ въ Европѣ пользуется свободой: онъ не находится въ рабской зависимости отъ римскихъ патриціевъ, какъ это было прежде; но его свобода существуетъ только на словахъ, потому что какая же возможна свобода безъ экономической независимости и самостоятельности? Если въ древнемъ Римѣ патриціи, занимавшіе должности сенаторовъ и всадниковъ, были единственными обладателями богатствъ; то въ наше время есть тоже свои сенаторы и всадники, это фабричные и финансовыя дѣятели, начиная крупными всесвѣтными фирмами и кончая мелкими игроками биржи и торговыми посредниками. Между древними и современными патриціями разница состоитъ только въ томъ, что современные патриціи не служатъ въ кавалеріи, какъ римскіе всадники, презираютъ курульскія званія и чужды всякихъ идеальныхъ мечтаній и даже обыкновеннаго патріотизма; но результаты одни и тѣ же. Современный крестьянинъ трудится лишь для землевладѣльцевъ, кредиторовъ и для сборщиковъ податей; работодатель эксплуатируетъ нужды рабочихъ, фабричный дѣятель улучшаетъ свое производство, но не участь своихъ рабочихъ. Что же удивительнаго, если люди неимущіе увлекаются стачкою, свободою передвиженія и социалистическими доктринами, этими опасными иллюзіями свободы? Большинство неимущихъ людей живетъ кредитомъ; но этотъ кредитъ превратился во что-то совсѣмъ искусственное. Дѣйствительныя блага кредита существуютъ только для людей избранныхъ. Цензоры крупныхъ кре-

дитныхъ учрежденій мпловство относятся лишь къ членамъ своего кружка, къ своему сословію, которое, подобно римскимъ всадникамъ, живетъ разницею отъ кредитныхъ операцій. Римскіе всадники были поставщиками и арендаторами налоговъ и таможенныхъ сборовъ и при этомъ позволяли себѣ всякаго рода мошенничества; въ настоящее время государства не сдаютъ болѣе въ аренду ни налоговъ, ни сборовъ; но за то движимый капиталъ пріобрѣлъ такія права и завладѣлъ такою силою, предъ которыми оказываются безсильными и сами государства. Народы проливаютъ кровь свою на поляхъ сраженій, а побѣдою и добычей пользуются кредиторы. Когда же народы въ мирное время истекаютъ кровію, министрамъ финансовъ приходится обивать у нихъ пороги и просить у нихъ авансы на удовлетвореніе текущихъ нуждъ. Это ли не язычество? То же язычество царствуетъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Если въ прежнія времена правителей варварскихъ народовъ эксплуатировали римскіе полководцы; то теперь турецкаго султана, египетскаго хедива и тунисскаго бея грабятъ синдикаты ростовщиковъ, а европейскія державы посылаютъ свои войска въ восточныя земли для вящей пользы этихъ синдикатовъ и для усиленія ихъ грабежа. «Горе побѣжденнымъ», говорили древніе римляне съ оружіемъ въ рукахъ; «горе немущимъ», говорятъ теперь на законныхъ или правовыхъ отношеніяхъ члены синдикатовъ. Наше время есть время «безкровныхъ конфискацій», оно отличается отъ языческихъ временъ только тѣмъ, что лишаетъ побѣжденнаго имущества и щадитъ его жизнь; но оно щадитъ жизнь только потому, что эта жизнь сама по себѣ не представляетъ никакой имущественной цѣнности. Словомъ, европейскія общества страдаютъ отъ смѣшенія язычества съ христіанствомъ, отъ внесенія языческаго права въ христіанскія условія жизни ¹⁾. Папа въ своей энцикликѣ, конечно, не проводитъ такой рѣшительной параллели между древними языческими государствами и современными намъ христіанскими. Рѣчь папы болѣе сдержанна и осторожна. Тѣмъ не менѣе и папа горько жалуется

1) «Новое Время». 1889 г. № 4726.

на упадокъ христіанства, на смѣшеніе язычества съ христіанствомъ и на угнетенное состояніе своей церкви. Читая его энциклику, можно подумать, что римская церковь снова переживаетъ времена Діоклитіана, или, по крайней мѣрѣ, Юліана Отступника.

Мы не забываемъ того, что подобныя сужденія высказываются людьми, душою и тѣломъ преданными завѣтамъ средневѣковой католической церкви и мечтающими о воскрешеніи феодальныхъ формъ жизни. Мы не забываемъ, что въ ихъ словахъ слышится тоска или жалоба средневѣковыхъ католиковъ-феодаловъ при видѣ современныхъ тяжелыхъ условій европейской жизни. Тѣмъ не менѣе и папа, и князь Лихтенштейнъ могутъ служить вѣрными показателями возрѣній на рабочій вопросъ и на современное состояніе своей церкви со стороны той части католическаго общества, которая заинтересована бѣдственнымъ положеніемъ западноевропейскихъ рабочихъ и которая въ христіанствѣ ищетъ средствъ для упорядоченія и улучшенія экономическихъ условій ихъ жизни. Ихъ возрѣнія раздѣляются многими добрыми католиками, которые помнятъ еще бывшее величіе своей церкви, которые получили воспитаніе въ строго католическомъ духѣ и въ самой церкви ищутъ врачеваній отъ своихъ политико-экономическихъ бѣдствій. Какими же средствами они хотятъ достигнуть этого? Что можетъ и что должна дѣлать ихъ церковь въ виду тяжелаго кризиса, называемаго рабочимъ вопросомъ? Какія мѣры они принимаютъ, или, по крайней мѣрѣ, хотѣли бы принять, чтобы счастливо пережить свой кризисъ и достигнуть возможнаго благополучія? Мы хотѣли бы имѣть отвѣты на эти вопросы. Мы хотѣли бы уяснить себѣ дѣятельность католической церкви въ виду современнаго намъ рабочаго вопроса. Такимъ образомъ мы ограничиваемъ свою задачу строго католическою точкою зрѣнія и исключаемъ всѣ тѣ отвѣты, которые стоятъ въ какомъ-либо противорѣчій съ основнымъ характеромъ римской церкви, ея направленіемъ, задачами и цѣлями. Впрочемъ для ясности дѣла, мы въ общихъ чертахъ каснемся протестантскихъ возрѣній на этотъ же предметъ и противопоставимъ ихъ католическимъ возрѣ-

ніямъ но исключительное вниманіе свое остановимъ лишь на этихъ послѣднихъ воззрѣніяхъ. Въ виду своей цѣли, мы будемъ ссылаться только на факты, которые получили одобреніе въ самой римской церкви; будемъ приводить сужденія по этому предмету лишь тѣхъ людей, которые стоятъ въ этой церкви во главѣ всего этого движенія. Мы будемъ говорить только о томъ, что римская церковь дѣлаетъ и что одобряетъ. Предварительно же, мы должны указать на коренное различіе, существующее въ этомъ отношеніи между протестантами и католиками, между протестантскими воззрѣніями и католическими.

II.

Всякая религіозная реформа ведетъ за собою измѣненіе въ общественныхъ условіяхъ жизни. Это же должно было произойти и съ протестантствомъ. Лютеръ въ теоріи отвергъ индивидуальную свободу воли, призналъ ее неспѣлимо пораженною грѣхомъ; но въ практической жизни онъ открылъ широкую дверь этой свободѣ, подорвавъ уваженіе къ верховному папскому авторитету. Своимъ же ученіемъ о достоинствѣ человѣческой личности и общественномъ долгѣ, вопреки аскетическому направленію католической церкви, онъ полагалъ фундаментъ для новаго строя общественной жизни. Онъ призналъ личность полноправною. Лютеръ не пошелъ однакоже по опасному пути общественныхъ реформъ. Онъ предохранилъ себя отъ этой опасности тѣмъ, что строго различилъ царство Божіе отъ царства мірскаго (*weltlich Reich*). «Царство Божіе, говоритъ онъ, есть царство милости и состраданія, ибо оно заключается въ томъ, чтобы прощать, щадить, любить, служить, жить въ мирѣ и радости и пр.; царство же свѣтское есть царство гнѣва и наказанія, ибо оно состоитъ въ управленіи, въ поставленіи приговоровъ, въ укрощеніи злыхъ и въ защитѣ добрыхъ». Вопреки католическому ученію о единомъ царствѣ Божіемъ на землѣ, верховнымъ правителемъ котораго есть папа, Лютеръ училъ о «двухъ царствахъ»; но именно этимъ ученіемъ онъ подрывалъ уваженіе къ существовавшимъ въ его время царствамъ земнымъ. Онъ слишкомъ рѣзко различалъ царство Божіе отъ царствъ человѣческихъ. Обращая вниманіе на развитіе

капитализма, на возникавшія тогда торговыя компаніи и на произвольное повышеніе цѣнъ на товары, онъ говорилъ: «Цари и правители должны бы обратить на это вниманіе и запретить такія дѣла; но они, какъ я слышу, являются участниками и заправилами у нихъ, и вслѣдствіе этого исполняется изреченіе пророка Исаи: «князя твои законнреступники и сообщники воровъ» (I, 23). Они иногда вѣшаютъ вора, укравшаго флоринъ или полфлорина, и сами ведутъ дѣло съ тѣми, которые обрадываютъ и грабятъ весь міръ: великіе воры вѣшаютъ малыхъ воровъ»¹⁾ Вообще онъ былъ того мнѣнія, что гораздо лучше было бы содѣйствовать расширенію земледѣлія и ограничивать торговлю, указывая при этомъ на то обстоятельство, что еще такъ много остается земли безъ обработки. Правда, лично Лютеръ не отвергалъ царствъ земныхъ; онъ даже просилъ защиты и покровительства у имперскихъ князей; и взбунтовавшимся противъ евоихъ бароновъ крестьянамъ писалъ: «Leiden, leiden, Kreuz, Kreuz, ist Christen Recht, dess und kein anders» (Страданіе, страданіе, крестъ, крестъ—вотъ право христіанина; ему принадлежитъ только это право и никакого другого)²⁾. Но именно его реформаторскія идеи и вызвали великое крестьянское движеніе XVI вѣка, которое въ сущности было движеніемъ столько же религіознымъ, какъ и общественно-политическимъ. Крестьянское движеніе было потоплено въ крови крестьянъ. Но духъ этого движенія, мечты о сліянiи или отождествленіи царства Божія съ царствами земными никогда не исчезали въ протестантскомъ мірѣ; всегда одушевляли послѣдовательныхъ протестантовъ, искренно преданныхъ дѣлу реформы и потому искавшихъ рѣшенія соціальныхъ вопросовъ на почвѣ строго протестантской. Правда, именно реформація, какъ справедливо замѣчаетъ Мартензенъ, дала особенный импульсъ и къ дальнѣйшему развитію капитала главнымъ образомъ тѣмъ, что содѣйствовала испроверженію средневѣковыхъ ограниченій; и даже сдѣлала больше этого: секуляризируя имущества римской церкви, она позво-

¹⁾ «Христіан. ученіе о нравственности» Мартензена. Т. II, стр. 576. Переводъ Г. Лолухина.

²⁾ «Исторія идеи естествен. права», К. Н. Яроша. 1885, ч. II, стр. 192—3.

лила этимъ пмуществамъ за ничтожную цѣну переходить въ руки частныхъ людей, и этимъ путемъ грабила католическихъ бѣдныхъ, находившихся на попеченіи римской церкви. Тѣмъ не менѣе духъ недовольства средневѣковымъ общественнымъ строемъ, мечты о коренномъ общественномъ переустройствѣ общества всегда были присущи протестантству. И если въ наше время протестантскіе консерваторы всѣхъ оттѣнковъ, по примѣру Лютера, останавливаются на половинѣ пути въ дѣлѣ общественныхъ реформъ и даже готовы протянуть руку католикамъ для борьбы съ современнымъ намъ социализмомъ, т. е. готовы бороться съ нимъ по возможности одними и тѣми-же средствами; то въ сущности это уже есть измѣна послѣдовательному протестантству, лишь виѣшнимъ образомъ прикрываемая вѣрностію непослѣдовательному Лютеру и разнымъ лютеранскимъ конкордіямъ. Послѣдовательный протестантъ не боится никакихъ мечтаній, никакихъ утопій, лишь бы только они были согласны съ духомъ протестантскимъ, съ духомъ реформы. Самъ Лютеръ находилъ современный ему общественный строй несогласнымъ съ заповѣдями Божиими. Послѣдующіе протестантскіе моралисты уже ясно различали утопическій социализмъ отъ нравственнаго, т. е. христіанскаго. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ въ 1888 г. пасторъ Фалло на первомъ протестантскомъ собраніи для практическаго изученія социальныхъ вопросовъ: «Быть можетъ, меня остановятъ замѣчаніемъ: «вы вдаетесь въ чистѣйшую утопію; вы рѣшаетесь на дѣло неблагоразумное и опасное».

Я отвѣчаю: «надобно различать утопіи отъ утопій; есть дурныя утопіи, потому что онѣ противорѣчатъ божественной волѣ; но есть законныя и спасительныя утопіи, потому что онѣ служатъ вѣрнымъ выраженіемъ божественныхъ плановъ». Фалло доказываетъ затѣмъ свое право предаваться утопіямъ примѣромъ древнихъ пророковъ, которые приходили въ восторгъ, созерцая въ будущемъ появленіе на земли царства Божія, царства міра и правды, и говорятъ: «я усвою себѣ право быть утопистомъ по примѣру пророковъ, но чтò я говорю, по примѣру Самого Іисуса Христа, моего Господа,—я усвою себѣ право мечтать о томъ

днѣ, когда «воля Отца Небеснаго будетъ исполняться яко же на небеси и на земли». Пусть идеаль, понимаемый пободнымъ образомъ, никогда не осуществится во всей полнотѣ; тѣмъ не менѣе полезно указывать путь къ его осуществленію. Кривая линія никогда не превратится въ ассимтотную; тѣмъ не менѣе полезно бываетъ чертить ассимтотную линію, чтобы яснѣе видѣть предѣлы, къ которымъ постепенно должна приближаться линія кривая. Горе церквамъ, которыя отказываются отъ составленія соціальнаго идеала! Онѣ парализуютъ свои силы и истощаются въ тщетныхъ усиліяхъ; а въ то же время онѣ теряютъ всякое вліяніе на нашъ народъ, который умираетъ отъ голода, но идеаль правды и свободы. Церкви безъ идеала—это то же, что церкви безъ энтузіазма,—церкви, въ которыхъ вѣра потеряла свою жизненность; это церкви безъ апостоловъ и пророковъ¹⁾. Итакъ, протестантскія церкви должны оставить свой косный путь консерватизма и должны выступить на широкую дорогу христіанскихъ утопій. До сихъ поръ протестантство было великою школою индивидуализма; но индивидуализмъ привелъ къ сознанію собственнаго безсилія. Теперь протестантство должно позаботиться о созданіи *соціального человека*. «Соціальнымъ человекомъ, говоритъ пасторъ Фалло, я называю того человека, который признаетъ основное ученіе ап. Павла о тѣлѣ Христовомъ, коего мы составляемъ члены, и принимаетъ это ученіе во всѣхъ его практическихъ послѣдствіяхъ. Соціальный человекъ подчиняетъ всѣ свои мысли и всѣ свои дѣйствія закону солидарности и въ сознаніи своего индивидуальнаго безсилія непрестанно помнитъ слова нашей литургіи: *самъ по себѣ я не способенъ совершать добра*; но даетъ этимъ словамъ болѣе широкій и болѣе гуманный смыслъ. Приемля дары природы, нравственную силу и интеллектуальную энергію чрезъ посредство людей, онъ все это усваиваетъ Богу, единственному подателю всѣхъ благъ. Такимъ образомъ, мысли о Богѣ и о людяхъ, въ союзѣ съ которыми онъ достигаетъ всѣхъ благъ, у него переплетаются и объединяются неразрывною связью. Для него становится невозможнымъ

¹⁾ Protestantisme et Socialisme въ «Revue Chrétienne» 1888 № 12, p. 899.

любить Отца Небеснаго, не любя въ то же время всѣхъ нашихъ братьевъ во Христѣ Іисусѣ, или же любить всѣхъ братьевъ, не любя Отца Небеснаго. Занятый исполненіемъ воли Божіей, онъ съ возрастающею энергіею ищетъ общаго блага, а потому пользуется всякимъ благопріятнымъ случаемъ войти въ союзъ (ассоціацію) съ подобными себѣ и смотритъ на ассоціацію, какъ на высшій свой долгъ.

Создавая подобнаго соціальнаго человѣка, протестантство не можетъ отказаться отъ своихъ традиціонныхъ задачъ, отъ воспитанія въ родѣ человѣческомъ индивидуальной свободы; оно должно только очистить этотъ индивидуализмъ и преобразовать его въ индивидуализмъ всемірный, который приведетъ къ истинному социализму, къ христіанскому братству. Отсюда для протестантства возникаетъ двойная задача: съ одной стороны, надобно, чтобы протестантскія церкви, воодушевленные и окрыленные общественнымъ идеаломъ, поставили главною своею цѣлію образовать какъ можно болѣе *соціальныхъ людей*; такъ какъ только подобные люди могутъ создать желательную соціальную реформу; съ другой же стороны, надобно, чтобы члены протестантскихъ церквей, но отнюдь не самыя церкви, приняли участіе во всѣхъ экономическихъ и нравственныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ созданію благопріятной среды для появленія и развитія соціальнаго человѣка. Какимъ же это образомъ? Каждая ассоціація, какъ бы ни была незначительна, но если она преслѣдуетъ разумную и нравственную цѣль, должна быть поддерживаема и воодушевляема всѣми протестантами. Развивая среди членовъ этой ассоціаціи разумность и привычку къ общественнымъ добродѣтелямъ, протестантство совершитъ великое дѣло, болѣе важное для человѣчества по своему косвенному вліянію, чѣмъ по своимъ непосредственнымъ результатамъ. Отсюда всякаго рода общества потребителей, кооперативныя ассоціаціи, ремесленные синдикаты, кружки для изученія соціальныхъ наукъ и пр., всѣ подобнаго рода союзы протестантства имѣютъ безусловное право на существованіе и безусловно должны быть поддерживаемы, развиваемы и охраняемы. Пусть каждый протестантъ примкнетъ къ любому союзу; а тамъ, гдѣ нѣтъ по-

добныхъ союзовъ, пусть приметъ на себя инициативу ихъ основанія, пусть разовьетъ ихъ идею, докажетъ необходимость ея осуществленія, и онъ совершитъ великое протестантское дѣло. Но такова практическая задача протестантства. Что же станется съ теоретическимъ протестантствомъ, съ протестантскою догматикою?

До сихъ поръ сущность протестантства полагали въ обращеніи условливаемомъ вѣрою, *sola fide*. Но это обращеніе было мистическое, сухое и безплодное; многимъ обращеннымъ можно было бы съ чистою совѣстію сказать: «лучше было бы, еслибы съ вами не совершилось ваше обращеніе». Истинное обращеніе состоитъ въ отверженіи прежней жизни и въ усвоеніи себѣ силою Христовою новыхъ началъ жизни, т. е. въ образованіи соціального человѣка и въ приготовленіи среды, въ которой онъ можетъ развивать свои соціальныя добродѣтели. Гораздо благоразумнѣе обратить человѣка не для неба, а для земли, гдѣ Богъ предназначилъ ему жить среди пзвѣстныхъ условій,—для земли, гдѣ Богъ требуетъ отъ него исполненія Своей воли: «да будетъ воля Твоя, якоже на небеси и на земли». Только такимъ образомъ мы приготовимъ и себя, и нашихъ ближнихъ для жизни на небѣ. Отсюда открывается, что многія протестантскія церкви, или лучше ихъ конфессіи, если только не всѣ, въ былыя времена начертали себѣ планы слишкомъ блѣдныя, задаются идеалами малопригодными для современнаго общества. Эти планы, идеалы и конфессіи были полезны, достойны уваженія, да частію и теперь еще неизбѣжны, такъ какъ они поддерживаютъ и развиваютъ индивидуальную свободу. Но они совершенно недостаточны для нашего времени, когда индивидуальная свобода должна преобразиться въ соціальную, когда люди должны сознать ясное свое братство во Христѣ Іисусѣ, когда надобно позаботиться объ устроеніи Царства Божія на землѣ.

Въ какомъ же отношеніи Царство Божіе будетъ находиться къ царствамъ земнымъ? Другими словами: въ какія отношенія должно стать новое или обновленное протестантство къ существующимъ наличнымъ царствамъ? Отношенія эти не могутъ быть иными, какъ только мирными и дружественными. Каждое государство имѣетъ задачею своею развитіе среди людей права и справедли-

вости. Очевидно, эта задача чисто педагогическая; а потому имѣть значеніе временное и преходящее. Въ тотъ моментъ, когда право и справедливость сдѣлаются общимъ достояніемъ, когда каждый человѣкъ не по внѣшнему принужденію, а по внутреннему убѣжденію будетъ охранять права свои и другихъ людей и во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ ближними будетъ руководиться законами справедливости,—педагогическая задача государства будетъ окончена, и въ существованіи отдѣльныхъ государствъ не будетъ уже никакой надобности. Когда же наступитъ это время? Это никому неизвѣстно; но оно должно наступить, потому что мы ежедневно молимся: «да прійдетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя якоже на небесахъ и на земли». Съ этой точки зрѣнія всякія попытки къ испроверженію государствъ являются дѣломъ не только безразсуднымъ и дерзкимъ, но и въ высшей степени непрактичнымъ и безчеловѣчнымъ. Въ наше время надобно заботиться не объ уменьшеніи власти государства, а напротивъ, объ укрѣпленіи и усиленіи его, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Вообще въ жизни государства надобно различать два рода дѣятельности: 1, дѣятельность ограничивающую индивидуальную свободу и 2, дѣятельность развивающую эту свободу при сношеніяхъ съ другими людьми. Перваго рода дѣятельность касается индивидуальной жизни подданнаго и говоритъ ему: «вѣрь такъ, а не иначе, одѣвайся въ такую, а не иную одежду, избирай такой, а не иной образъ жизни, подчиняйся такимъ, а не инымъ правиламъ жизни и т. п.». Государственныя предписанія или требованія этого рода, бывшія прежде многочисленными повсюду, въ наше время сокращаются и уменьшаются на Западѣ, и никто не сожалѣетъ о нихъ. Они отжили свое время на Западѣ. Государственная дѣятельность другого рода имѣетъ въ виду сношенія индивидуума съ другими людьми и требуетъ, чтобы онъ уважалъ свободу своихъ ближнихъ. При этомъ государственный законъ является охранителемъ общественной безопасности, мудрымъ посредникомъ договоровъ и всегдашнимъ покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ. Эта государственная функція повсюду еще слаба и несовершенна. Государственный законъ еще

долженъ достигать такого идеальнаго состоянія, чтобы каждый униженный и оскорбленный, въ какомъ бы состояніи ни находился, могъ жаловаться съ полною увѣренностію, что онъ будетъ услышанъ и защищенъ. Еще и теперь государства поступаютъ въ этомъ отношеніи слишкомъ робко и воздержано. Цѣлыя вѣка нужны были на то, чтобы государство осмѣлилось переступить семейный порогъ; его власть была ограничиваема властью отца семейства. Феодалыне господа съ силою протестовали противъ вмѣшательства царскихъ людей въ ихъ отношенія къ подчиненнымъ; самыя тяжкіе преступленія изъ привилегированныхъ сословіи не могли быть отданы въ руки правосудія безъ особеннаго королевскаго или папскаго разрѣшенія; господство монополій и привилегій было ненарушимо. Такъ было прежде, да такъ частію происходитъ это и теперь. И въ наше время, напримѣръ, большое производство терять не можетъ посѣщенія государственныхъ инспекторовъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ государственныхъ законовъ и предписаній въ отношеніи къ рабочимъ. И въ наше время надзоръ за правильнымъ распредѣленіемъ богатствъ не находится во власти государствъ. Вообще и въ наше время люди сильные въ какомъ либо отношеніи оспариваютъ у государства право вмѣшиваться въ ихъ дѣла; такъ что большинство остальныхъ людей, среди безчисленныхъ условій своей жизни, остаются внѣ охраны и защиты государственнаго закона. Такимъ образомъ педагогическая задача государствъ, призванныхъ развить и укрѣпить свободу индивидуумовъ, въ ихъ сношеніяхъ съ другими людьми, еще далеко не окончена и не выполнена. Государствамъ предстоитъ сдѣлать еще многое, очень многое въ этомъ отношеніи.

Для чего же нужна эта индивидуальная свобода? Другими словами: какое значеніе имѣетъ государство, призванное развить и укрѣпить эту свободу, при современномъ стремленіи европейскихъ обществъ къ ассоціаціямъ? Индивидуальная свобода служитъ предварительною и необходимою ступенью для образованія и реализованія истинно гуманныхъ ассоціацій. Ассоціація есть единственная среда, въ которой каждый индивидуумъ, развившійся до индивидуальной свободы, можетъ вполне проявить свои силы и

способности и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ стать въ своей жизни. Только въ той или иной ассоціаціи свободный индивидуумъ можетъ вполне проявить свою дѣятельность, въ которой онъ наиболѣе способенъ, расположенъ и опытенъ. Съ другой стороны, только свободный индивидуумъ, развившій и укрѣпившій свою индивидуальную свободу подъ разумнымъ и благотворнымъ руководствомъ государства, можетъ создать истинныя, прочныя и необходимыя ассоціаціи. Полнота нашей жизни тождественна съ полнотою индивидуальной свободы; а полнота нашей индивидуальной свободы тождественна съ полнотою нашей любви къ ближнимъ, съ полнотою нашей расположенности жить и трудиться съ другими, для другихъ и при помощи другихъ. Даже аскетическая жизнь для своего полного реализованія потребовала монастырской ассоціаціи, монастырскаго общежитія. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ привыкнетъ уважать свою свободу, т. е. свои права въ правахъ другихъ людей, царство принудительнаго закона постепенно будетъ уменьшаться; писанный законъ перейдетъ въ нравы, власть общественнаго мнѣнія сдѣлается болѣе вліятельною и сдерживающею, чѣмъ страхъ государственныхъ наказаній; добрыя примѣры и убѣжденія будутъ гораздо сильнѣе всѣхъ современныхъ намъ административныхъ и уголовныхъ предупрежденій преступленій. Вмѣстѣ съ этимъ значеніе протестантскаго государства болѣе и болѣе будетъ уменьшаться, и человѣкъ, созрѣвшій для индивидуальной свободы, перейдетъ изъ области принудительнаго или государственнаго закона въ область свободныхъ ассоціацій. Государство сольется съ этими ассоціаціями, или отождествится съ христіанскимъ социализмомъ. Когда же наступитъ это время? Конечно, еще не скоро. Во всякомъ случаѣ, протестантское государство призвано осуществить великую задачу; оно должно развить и укрѣпить индивидуальную свободу и этимъ расчистить дорогу для добровольныхъ ассоціацій, принять ихъ подъ свою охрану и способствовать ихъ возникновенію тамъ, гдѣ это уже возможно. Что же касается протестантскихъ церквей, то онѣ не должны оставаться блѣдными очерками будущихъ ассоціацій. Эти очерки были нѣкогда полезны, неизбѣжны, достойны уваженія; но

въ наше время они совершенно недостаточны. Протестанты не должны закрывать глазъ предъ новыми общественными потребностями. Они должны глубже вникнуть въ ученіе Христа и позаботиться объ образованіи христіанскихъ ассоціацій, тождественныхъ съ Царствомъ Божиимъ на землѣ ¹⁾.

Таковы протестантскіе идеалы или иллюзіи. Вообще протестанты допускаютъ христіанскій социализмъ, отличаютъ его отъ утопическаго или революціоннаго и думаютъ, что сліяніе социализма, протестантства и государства есть только вопросъ времени. Ученіе объ этомъ они вволятъ даже въ свои моральныя системы. Извѣстный, напримѣръ, протестантскій епископъ и богословъ, Мартензенъ, въ своемъ капитальномъ произведеніи «Die Christliche Ethik» (Христіанская нравственность) ²⁾ говоритъ, что хотя христіанство обѣщаетъ намъ блаженное состояніе только въ будущей жизни; тѣмъ не менѣе оно предлагаетъ намъ свою благотворную помощь въ борьбѣ и съ житейскими потребностями и нуждами, дабы такимъ образомъ царство земное могло отождествиться съ царствомъ Божиимъ, равно обнимая собою все потребности духовной и тѣлесной природы нашей. Христіанство признаетъ законъ общественной солидарности, по которому христіанское общество не должно никого исключать изъ круга своей заботливости и попечительности; между тѣмъ какъ современный либерализмъ говоритъ намъ: «каждый долженъ помогать себѣ самъ и на сколько хватитъ силъ конкурировать со всеми». Часто указываютъ на проклятіе, изреченное Богомъ первому человѣку при изгнаніи его изъ рая: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой» (Быт. гл. 3 ст. 19); но при этомъ забываютъ подлинный смыслъ этихъ словъ; забываютъ, что работающій въ потѣ лица *долженъ* имѣть хлѣбъ и *не долженъ* оставаться безъ хлѣба. Христіанство, напротивъ, учитъ насъ, что достоинъ дѣлатель мзды своей (Лук. 10, 7); такимъ образомъ, оно требуетъ, чтобы между трудомъ и вознагражденіемъ за трудъ установлено было правильное и спра-

1) Revue Chrétienne 1888 № 12. V. Protestantisme et Socialisme.

2) Соч. это переведено на русскій яз. въ 1890 г. подъ ред. г. Лопухина, хотя и съ нѣкоторыми передѣлками.

ведливое соотношеніе. Оно высказываетъ грозныя прещенія противъ своекорыстныхъ работодателей: «вотъ, говоритъ оно, плата удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіеть, и вопли жнецовъ дошли до ушей Господа Саваоѳа»; потому что «вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; откормили сердца ваши, какъ бы на день закланія»; потому что «вы осудили и убили праведнаго, который не противился вамъ» (Іаѳ. гл. 5, 4. 5). Но что особенно замѣчательно, Самъ Спаситель міра учитъ насъ, чтобы мы ежедневно испрашивали себѣ «хлѣба насущнаго» и при этомъ требуетъ, чтобы мы испрашивали его не индивидуально, не для себя только лично, но въ общественномъ смыслѣ, для всѣхъ: хлѣбъ *нашъ* насущный даждь *намъ* днесь. Только такимъ образомъ исполнится воля Божія на землѣ; только такимъ образомъ низойдетъ на землю Царство Божіе.

Отсюда ясно, что христіанское государство, если только хочетъ оставаться христіанскимъ, должно проникнуться этими же убѣжденіями. Въ союзѣ съ протестантскими церквами, оно должно позаботиться о разумномъ, справедливомъ, или, по крайней мѣрѣ, возможномъ рѣшеніи современной намъ соціальной задачи. Чуждаясь всѣхъ чрезмѣрныхъ и несправедливыхъ Лассалевскихъ требованій и притязаній, оно должно позаботиться объ учрежденіи рабочихъ ассоціацій, объ обезпеченіи членовъ ассоціацій въ старости или болѣзни, объ образованіи ихъ не только религіозно-нравственнымъ, но и техническомъ, объ устройствѣ для нихъ жилищъ, вспомогательныхъ кассъ и т. п. Конечно, многое на этомъ пути еще недостаточно ясно; но истина состоитъ въ томъ, что государство въ наше время не можетъ уже успокаивать себя политико-экономическими теоріями Адама Смита и держаться пресловутаго правила: «Laissez faire, laissez passer!» Иначе современное намъ либеральное государство можетъ подпасть болѣе тяжкимъ ударамъ, чѣмъ государство абсолютистическое въ 1789 году. Впрочемъ, Мартензень и на соціалистическое движеніе смотритъ какъ на временное, преходящее, вызываемое настоятельною нуждою бороться съ непомятымъ развитіемъ капитализма. По его мнѣнію, наступитъ нѣкогда время, когда индивидуальная свобода и жизнен-

ная формула этой свободы: *«въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой»* (Быт. гл. 3 ст. 19) и *«праздный хлѣба да не ястъ»* (2. Тесс. 3, 10), станетъ основнымъ закономъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, когда трудъ достигнетъ справедливой оцѣнки и будетъ совершенно достаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ жизненныхъ потребностей чело-вѣка. Когда же наступитъ это время? Тогда, когда чело-вѣкъ подчинитъ себѣ всѣ силы природы, когда усовершенствованная и удешев-ленная машина сдѣлается общимъ достоянiемъ, а не однихъ только фабрикантовъ и капиталистовъ, когда фабричное производство замѣ-нится поэтому ремесленнымъ или ручнымъ; словомъ, когда снова наступитъ золотой вѣкъ для чело-вѣчества. Такимъ образомъ протестанты не сомнѣваются, что развитiе индивидуальной свободы должно привести чело-вѣчество къ христіанскому социализму, а христіанскій социализмъ долженъ завершиться образованiемъ царства свободно-разумныхъ личностей, царства Божiя на землѣ. Протестантскія церкви и протестантскія государства должны будутъ слиться тогда во едино. Императоръ Вильгельмъ II, принявшій социализмъ подъ свое покровительство, является поэтому убѣжденнымъ, искреннимъ и послѣдовательнымъ протестантомъ. Иначе смотреть на это дѣло католики.

III.

Въ нѣдрахъ католической церкви тоже раздаются громкіе голоса въ пользу рабочихъ и, быть можетъ, громче чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Но эти голоса требуютъ исключительно папскаго рѣшенія этого вопроса и если допускаютъ государственное содѣйствiе при рѣшеніи его, то лишь вспомогательное и второ-степенное. Самъ папа говоритъ: *«намъ неоднократно уже представлялся случай касаться мимоходомъ социальнаго вопроса. И вотъ именно сознаніе нашего апостольскаго долга обязываетъ насъ разсмотрѣть упомянутый вопросъ въ настоящемъ посланіи обстоятельнѣе и подробнѣе, чтобы выяснить принципы рѣшенія его сообразно съ требованіями правосудія и совѣсти»*. Папа рѣзко расходится съ протестантскими воззрѣніями и прежде всего вооружается противъ протестантскихъ и социалистическихъ тео-

рій, утверждающихъ, будто всякая частная собственность раньше или позже должна быть упразднена, будто все частныя имущества должны перейти въ общія владѣнія, или по крайней мѣрѣ, управляться *земскими* или *государственными* властями; и будто лишь такимъ образомъ само собою совершится равномерное распредѣленіе богатствъ. Папа доказываетъ, что подобныя теоріи не только не могли бы положить конецъ конфликту, но, въ случаѣ практическаго примѣненія ихъ, нанесли бы ущербъ даже самимъ рабочимъ. Папа признаетъ подобное рѣшеніе вопроса въ высшей степени несправедливымъ, такъ какъ оно нарушаетъ права нынѣшнихъ владѣльцевъ имущества, искажаетъ обязанности государства и переворачиваетъ вверхъ дномъ все общественное зданіе. Итакъ, вопреки протестантамъ и нѣкоторымъ социалистамъ папа утверждаетъ, что рѣшеніе социальнаго вопроса принадлежитъ не земству или государству, а папѣ или собственно римско-католической церкви. Въ этомъ отношеніи папа вполне раздѣляетъ убѣжденія всехъ добрыхъ католиковъ и лишь кратко, мимоходомъ выражаетъ ту особенную теорію по этому предмету, которой держатся строгіе приверженцы католической церкви. Какая же это теорія?

Уже давно римско-католическіе писатели, ораторы, моралисты и даже представители власти утверждаютъ, что цѣль человеческой жизни состоитъ въ благополучіи (*bonheur*); но самое понятіе о благополучіи они нѣсколько видоизмѣняютъ. Они включаютъ въ него и временную, и вѣчную жизнь. Сообразно съ этимъ и папа признаетъ, что временное благополучіе человека условливается удовлетвореніемъ его врожденныхъ потребностей; и слѣдовательно, строгимъ охраненіемъ правъ собственности; но это удовлетвореніе и охраненіе не зависятъ отъ постановленій государственной власти, такъ какъ государство возникло позже появленія первыхъ людей. Эти потребности и ихъ охраненіе всецѣло дарованы или заповѣданы намъ Богомъ прежде возникновенія государствъ. При томъ же, благополучіе, говорятъ римско-католическіе писатели, разсматрѣваемое какъ послѣдняя и существенная цѣль жизни, состоитъ въ вѣчномъ блаженствѣ, про-

истекающемъ изъ общенія съ Богомъ; и лишь какъ второстепенная и побочная—во временномъ счастіи. Само собою разумѣется, что второстепенная и побочная цѣль должна находиться въ строгомъ подчиненіи въ отношеніи къ главной и существенной, и не должна полагать какихъ-либо препятствій достиженію этой послѣдней цѣли. Папа говоритъ даже, что съ точки зрѣнія вѣчнаго блаженства совершенно безразлично, будетъ ли человѣкъ въ земной жизни окруженъ богатствомъ и всѣми, такъ называемыми, дарами фортуны, или же онъ будетъ ихъ лишенъ; богатство служить иногда даже препятствіемъ къ полученію блаженства. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ рѣшительно не имѣетъ права совершать что-либо такое, что могло-бы давать ему временное счастіе съ лишеніемъ его вѣчнаго блаженства; отсюда-же слѣдуетъ, что опредѣленіе пригодности временнаго счастія, временныхъ благъ, для достиженія вѣчнаго счастія должно всецѣло находиться въ вѣдѣніи и распоряженіи духовенства, т. е. духовной власти. Только такимъ образомъ пріобрѣтается возможность творить добро и преграждается возможность творить зло. Это ограниченіе свободы, какъ не составляющее собою лишенія нашихъ законныхъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящее насъ по пути къ истинному назначенію, не должно вызывать съ нашей стороны ни жалобъ, ни сожалѣній, ни протестовъ. Надобно отдать свою свободу въ распоряженіе духовной власти, даже при заботахъ о временномъ благополучіи.

Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ католическіе руководители рабочихъ, какія дѣйствія приводятъ насъ къ достиженію нашей цѣли жизни и какія удаляютъ отъ этой цѣли?

Вотъ вопросъ, отвѣчать на который сейчасъ же, повидимому, готово сознаніе каждаго человѣка. Но опытъ показываетъ, какъ легко этотъ внутренній голосъ нашего сознанія заглушается страстію, интересомъ или невѣжествомъ. Поэтому Господь учредилъ въ этомъ мірѣ церковь вселенскую, обязанную твердо и неизмѣнно хранить истинныя понятія о добрѣ и злѣ, истинныя средства къ утвержденію въ людяхъ добра и охраненію ихъ отъ зла; и ея ученіе объ этихъ предметахъ обязательно для всѣхъ: оно обязательно какъ

для индивидуальныхъ людей, такъ и для цѣлыхъ обществъ и даже государствъ.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что государство не можетъ принимать въ основу своего законодательства понятія церкви о добрѣ и злѣ и руководствоваться ея распоряженіями, такъ какъ часто подданные его не принадлежать къ составу христіанскихъ обществъ. Очевидно, что возраженіе это можетъ идти только со стороны правительства не христіанскаго, не вѣрующаго, или заблуждающагося. Но подобное правительство, лишненное христіанской истины, глухое къ христіанскому пониманію права и справедливости, чуждое христіанскаго, т. е. церковнаго руководства въ своей дѣятельности, роковымъ образомъ осуждено видѣть страшное извращеніе сознанія его подданныхъ, равно какъ законодательства и общественной жизни. Правительство, состоящее изъ христіанъ и колеблющееся принять въ основу своего законодательства и своей жизни христіанскія (т. е. ультрамонтанскія) понятія о добрѣ и злѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе подданные его не принадлежать къ обществу христіанъ, поступаетъ совершенно такъ же, какъ если бы оно отказалось предохранять человѣка неразумнаго отъ неразумныхъ дѣяній на томъ единственно основаніи, что неразумный человѣкъ не сознаетъ своего неразумія. *Cogite intrare* столько же обязательно для церкви, какъ и для государства. Во всякомъ случаѣ истина не перестаетъ быть истиною отъ несочувствія къ ней тѣхъ людей, которымъ она возвѣщается, и божественное право для осуществленія добра въ мірѣ не имѣетъ надобности въ признаніи государства.

Въ наше время много говорятъ о свободѣ и сущность ея полагаютъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другому, какъ, напримѣръ, выражается объ этомъ французская «декларация правъ человѣка»; или въ правѣ дѣлать то, что нравится большинству людей. Нельзя, кажется, подыскать опредѣленія для тираніи болѣе точнаго, чѣмъ это. Именно отсюда возникаетъ не прекращающаяся борьба между церковію и революціоннымъ обществомъ или государствомъ. Жестокая борьба зла противъ добра, тираническихъ идей противъ церкви, обыкновенно готовится и

облегчается людьми,—христианами по имени и свободомыслящими въ практической жизни,—которые подъ предлогомъ болѣе свободнаго распространенія добра, выставляютъ своимъ девизомъ: *свобода для всѣхъ*, но въ то же время усиливаются провозглашать свой девизъ, какъ *свободу во всемъ*, что совершенно не одно и то же. Если свобода для всѣхъ и можетъ быть оправдываема до нѣкоторой степени естественнымъ правомъ, то свобода *во всемъ*, въ отношеніи къ церкви, добру, долгу, злу, не можетъ быть правомъ. Это широкая дверь для безпорядка, своеволія, анархіи, для всѣхъ страстей, для всѣхъ пороковъ, для всѣхъ преступленій, развивающихся тѣмъ съ большею быстротою, чѣмъ болѣе зло пріобрѣтаетъ свободы. Ясно поэтому, что свободомыслящіе люди въ христіанскомъ обществѣ суть злые враги общества, потому что они принимаютъ, прикрывая своею почетностію, общественнымъ положеніемъ и часто своею ловкостію, опасныя формулы, которыя непременно были бы отвергнуты, если бы были провозвѣдены завѣдомо заклятыми врагами христіанства.

Изъ этихъ общихъ положеній уже легко опредѣлить, какъ говорятъ ультрамонтанствующіе писатели, существенныя задачи государства и его отношеніе къ церкви во всѣхъ сферахъ жизни и примѣнительно къ рабочему вопросу. Ближайшая задача каждаго государства состоитъ въ обеспеченіи для людей извѣстныхъ выгодъ, а высшая и послѣдняя—въ доставленіи людямъ временныхъ средствъ для достиженія вѣчнаго блаженства, даруемаго при посредствѣ церкви. Отсюда слѣдуетъ, что государство имѣетъ право требовать отъ своихъ членовъ всего того, что необходимо для полнаго осуществленія его задачи, и наоборотъ, не имѣетъ права требовать того, что для него не необходимо. Этихъ же воззрѣній держится и папа.

Мы видѣли уже, что папа въ своей энцикликѣ признаетъ право собственности независимымъ отъ государства на томъ основаніи, что право это явилось прежде появленія самыхъ государствъ. То же самое папа утверждаетъ и о правахъ семейства, о правахъ отцовской власти, о правахъ наслѣдства и пр.; онъ признаетъ всѣ эти права независимыми отъ государства и, по меньшей мѣрѣ, равными правамъ государства. «Мы признаемъ права

эти, по меньшей мѣрѣ равными государственнымъ, такъ какъ семейное общество, говоритъ папа, обладаетъ по отношенію къ государству логическимъ и дѣйствительнымъ первенствомъ, распространяющимся также на сферу семейныхъ правъ и обязанностей. Если бы отдѣльные лица и семьи, входящія въ составъ государства, находили тамъ вмѣсто поддержки лишь препятствія, а вмѣсто увеличенія правъ, уменьшеніе ихъ, то, вмѣсто того, чтобы стараться о сохраненіи государственнаго общества, надо было бы желать разрушенія его. Поэтому было бы весьма серьезной и пагубной ошибкой допускать, чтобы государственная власть распространяла свой произволъ даже и на святилище семьи. Вообще, папская энциклика усваиваетъ государству только охрану, защиту и возстановленіе этихъ правъ, а не распоряженіе ими. То же самое надобно сказать и относительно области необходимыхъ государству предметовъ, но принадлежащихъ къ категоріи высшихъ идей, напримѣръ, научныхъ, религіозныхъ. Государство само по себѣ не имѣетъ права ни устанавливать, ни опредѣлять ихъ; потому что предметы эти тоже существуютъ независимо отъ государства. Притомъ же средства всегда должны быть пропорціональны съ цѣлю. Итакъ, недостаточно еще, чтобы что-нибудь было необходимо для членовъ государства, даже для всѣхъ ихъ въ совокупности, и чтобы только по одному этому государство доставляло имъ средства для достиженія всего необходимаго. Надобно, сверхъ того, чтобы это что-нибудь необходимое для членовъ было необходимо и самому государству для достиженія его собственной цѣли, и слѣдовательно, чтобы само государство могло добывать это необходимое. Если же члены государства своими индивидуальными усилями, или при помощи какого-либо высшаго общества, или даже при помощи обществъ низшихъ, свободно составленныхъ, сами могутъ достигать выгодъ въ томъ или другомъ случаѣ, то государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ собственное дѣло, потому что выгоды эти не вытекаютъ изъ государственной задачи, такъ какъ и безъ особой помощи государства вошедшія между собою въ союзъ сами могутъ достигать того, чего желаютъ. Итакъ, свободные союзы во всѣхъ сферахъ

жизни не собственно государственной, но подъ руководствомъ и контролемъ церкви, свободные союзы и рабочихъ при рѣшеніи своихъ экономическихъ вопросовъ, но подъ тѣмъ же церковнымъ руководствомъ и контролемъ,—вотъ единственно правильное отношеніе государства къ обществу при рѣшеніи социальныхъ и всякихъ другихъ вопросовъ. Государство можетъ и должно принимать участіе въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, но только въ той мѣрѣ, въ какой укажетъ это церковь. Въ какой же именно? Другими словами: въ какомъ отношеніи государство должно стоять къ церкви?

Согласно съ назначеніемъ и установленіемъ, которое Господу Богу благоугодно было даровать церкви, необходимо, чтобы всѣ люди могли достигать вѣчнаго блаженства; но столько же необходимо, чтобы вѣншее благосостояніе ихъ находилось въ гармоніи и согласіи съ этою цѣлю, чтобы государство помогало имъ въ устраненіи вѣншихъ препятствій, по своей природѣ способныхъ удалять людей отъ этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если непониманіе вѣчныхъ и временныхъ задачъ своей жизни, неумѣнье пользоваться надлежащими средствами для осуществленія ихъ, свободное распространеніе заблужденій, проповѣдь безнравственныхъ ученій, зрѣлище порочныхъ нравовъ и т. п. не мѣшаютъ извѣстнымъ людямъ спастись, то во всякомъ случаѣ во всемъ этомъ скрывается соблазнъ, могущій служить для многихъ дупъ поводомъ къ паденію, пренебреженію частнаго и общественнаго долга и къ вѣчной гибели. Церковь осуждаетъ это порочное направленіе, порицаетъ порочныя дѣянія, запрещаетъ совершеніе ихъ и подвергаетъ виновныхъ наказаніямъ, которыми располагаетъ. Но, увлекаемые своими страстями, люди очень часто смѣются надъ этими спасительными дѣйствіями церкви, равно какъ и надъ наказаніями въ будущей жизни, страшась единственно матеріальной силы, удары которой могутъ ощущать непосредственно. Церковь не можетъ употреблять какой-либо матеріальной силы; согласно съ планами Провидѣнія она не обладаетъ ни арміей, ни жандармами, ни другими средствами, необходимыми для матеріальнаго дѣйствія. Напротивъ того, гражданское общество располагаетъ

этою матеріальною силою, необходимою для вспомошествованія добру и прекращенія зла; отсюда слѣдуетъ, что только оно одно можетъ устранять вѣшнія препятствія, мѣшающія огромному числу людей совершать свое спасеніе. Если нѣкоторые люди могутъ спастись безъ него и даже вопреки ему; то огромное большинство, напротивъ, спасается или гибнетъ только подъ его вѣдѣніемъ. Это глубоко огорчаетъ католическую церковь нашихъ дней; ея голосъ заглушается шумомъ страстей; ея совѣты, указанія и распоряженія часто остаются безъ всякаго дѣйствія. Но этого не должно быть. Невозможно допустить, чтобы задача государства уничтожала повинненіе церкви; иначе пришлось бы предположить въ дѣлахъ Божіихъ, т. е. въ установленіи церкви и созданіи государства, возможность противорѣчія. Именно это происходитъ, когда государство требуетъ неповиновенія церковнымъ совѣтамъ, распоряженіямъ и установленіямъ. Съ другой стороны, нѣтъ власти авторитетнѣе церковной. Въ случаѣ разногласія между подданными и государствомъ, церковь имѣетъ право прекращать это разногласіе. Повиновеніе государству, когда его требованія законны, есть долгъ, а сопротивленіе, слѣдовательно, есть грѣхъ. Но исполненіе незаконныхъ требованій государства тоже есть грѣхъ. Все же носящее на себѣ характеръ грѣха принадлежитъ къ вѣдѣнію церкви ¹⁾.

Вообще не только папа, но и большинство католическихъ писателей, вопреки протестантамъ и нѣкоторымъ социалистамъ, не ждуть ничего хорошаго отъ современныхъ западно-европейскихъ либеральныхъ государствъ. Самый социализмъ они выводятъ изъ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу жизни этихъ государствъ. Гегель сказалъ: «государство есть дѣйствительный, наличный Богъ; оно есть осуществленіе божественной воли, оно есть духъ, выразившійся въ развитой формѣ и организаціи; имѣя неподвижную цѣль въ самомъ себѣ, государство обладаетъ поэтому высочайшими правами надъ отдѣльными личностями. Народъ, какъ государство, одаренъ безусловною властію на землѣ» ²⁾. Вотъ фор-

¹⁾ Эти мысли выражены въ палской энцикликѣ, въ «Revue catholique des institutions et du droit» и въ «Annales catholiques» 1883. См. статью M. G. Théry «L'Etat et la liberté».

мула, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ современныхъ намъ либеральныхъ государствъ. Но милосердый Богъ, говоритъ майнцскій епископъ Кеттелеръ, позаботился, чтобы деревья не доросли до неба и чтобы люди не создавали Вавилонской башни. Онъ сдѣлалъ социализмъ наследникомъ либеральныхъ государствъ. Социализмъ есть плоть отъ плоти и кость отъ костей либеральнаго государства. Если начала либерализма истинны, тогда и социализмъ правъ; если же начала его ложны, тогда и социализмъ не правъ. Все различіе между предкомъ и потомкомъ, между либеральнымъ государствомъ и социализмомъ, состоитъ только въ томъ, что социализмъ послѣдовательнѣе своего предка, что онъ логичнѣе, шире и рѣшительнѣе доводитъ до конца основныя начала либерализма. Итакъ, что же дѣлать при современномъ направленіи западно-европейской жизни? Очевидно, надобно возвратиться къ христіанскимъ началамъ жизни, подъ защиту и покровительство католической церкви: потому что будущее принадлежитъ не либераламъ, не социалистамъ, а только покорнымъ сынамъ католической церкви. «Наша задача, говоритъ тотъ же писатель, велика; столько же велика, какъ задача первенствующихъ христіанъ, боровшихся съ древнимъ язычествомъ и превратившихъ древній языческій міръ въ христіанскій. Намъ надобно бороться съ новымъ язычествомъ, такъ какъ идея либеральнаго гегельянскаго государства есть не что иное, какъ возстановленное язычество, какъ побѣда язычества надъ христіанствомъ»¹⁾. Если современное язычество спѣшитъ въ Капитолій, чтобы здѣсь запасаться оружіемъ противъ католической церкви и всего ея строя; то христіанамъ надобно отправляться въ Ватиканъ, чтобы тамъ черпать силы, наставленія и указанія для борьбы съ ожившимъ язычествомъ. Въ Ватиканѣ, и только въ Ватиканѣ надобно искать спасенія отъ современныхъ общественныхъ недуговъ. Что же Ватиканъ? Какими средствами папа думаетъ спасти современное общество отъ угрожающей опасности? Какія мѣры предлагаетъ онъ для уврачеванія общественныхъ золъ?

К. Истоминъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. «Liberalismus, Socialismus und Christenthum». Von W. E. T. Ketteler. 1871. Mainz. S. 19.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПО КОСМОЛОГІИ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА.

(Продолженіе *).

III.

Рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра съ точки зрѣнія теизма.

Не смотря на свою противоположность дуализмъ и пантеизмъ имѣютъ между собою ту общую и отличающую ихъ отъ теизма черту, что какъ тотъ, такъ и другой для объясненія происхожденія міра считаютъ необходимымъ допустить нѣкоторый субстратъ божественной мірообразующей дѣятельности, нѣчто, *изъ чего* долженъ образоваться міръ. Такой субстратъ дуализмъ видитъ въ самосущей матеріи, пантеизмъ въ самой субстанціи божества, которой міръ служитъ модификаціею. Но мы видѣли, что какъ то, такъ и другое предположеніе, ни сколько не объясняютъ происхожденія міра. Существенный недостатокъ дуализма въ томъ, что онъ противорѣчитъ истинному понятію о Богѣ, ограничивая его и по бытію и по совершенствамъ самосущею матеріею; существенный недостатокъ пантеизма въ томъ, что онъ противорѣчитъ понятію о мірѣ, который, какъ совокупность предметовъ и существъ ограниченныхъ, измѣнчивыхъ и несовершенныхъ, не можетъ быть проявленіемъ или видоизмѣненіемъ существа безусловнаго и всесовершеннаго. Избѣжать этихъ противорѣчій мы можемъ не иначе, какъ уничтоживъ самое понятіе о какомъ либо субстратѣ божественной

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1891 г. № 20.

мірообразующей дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ показала критика дуализма и пантеизма, Богъ не могъ произвести міра *изъ чего нибудь*, будетъ ли это что нибудь независимая отъ Бога матерія, или его собственная субстанція, то остается признать одно,— что для Бога не было никакого ни внѣшняго, ни внутренняго *ничто*, какъ субстрата творенія, что Онъ сотворилъ міръ не изъ чего-либо, *а изъ ничего*, единственно свободнымъ актомъ своей воли. Такимъ образомъ діалектическая необходимость признать—единственно возможное изъ двухъ мыслимыхъ предположеній о способѣ происхожденія міра отъ Бога, даетъ намъ надежное, косвенное доказательство истинны *творенія міра* ¹⁾, составляющей особенностью теизма, въ его отличіи отъ деизма и пантеизма.

Но мысль о твореніи міра, кромѣ косвеннаго или отрицательнаго доказательства, имѣетъ и положительное для себя основаніе въ самой идеѣ Божества, какъ существа неограниченнаго и абсолютно совершеннаго. Абсолютно неограниченное существо не можетъ испытывать никакихъ ограниченій или опредѣленій своей дѣятельности не только какимъ либо внѣ его лежащимъ бытіемъ (напр. самобытною матерію дуалистовъ), но и какимъ либо внутреннимъ, тяготѣющимъ надъ нимъ закономъ саморазвитія (какъ учатъ пантеисты). Его дѣйствія могутъ быть только слѣдствіемъ самоопредѣленія Его къ нимъ. Слѣдовательно, если міръ имѣетъ начало отъ Бога, то онъ не иначе могъ произойти отъ него, какъ посредствомъ, никакою ни внѣшнею, ни внутреннею необходимостію не обусловленнаго совершенно свободнаго акта Его воли, опредѣлившимъ его къ бытію—путемъ творенія.

Къ тому же заключенію приводитъ насъ и понятіе о Богѣ, какъ существѣ всесовершенномъ, Такому существу должна быть приписана и свобода всесовершенная, всемогущая. Но всесовершенная свобода и состоитъ въ возможности произвести что

¹⁾ Обычная прибавка къ термину: твореніе—*„изъ ничего“*, едвали необходима, такъ какъ она сама собою предполагается и подразумевается въ понятіи *творенія*, исключительно принадлежащемъ теизму; происхожденіе міра по теоріи дуализма собственно должно быть названо: *образованіемъ* міра, по теоріи пантеизма—*проявленіемъ* или раскрытіемъ абсолютнаго, но никакъ не твореніемъ его.

либо несуществовавшее прежде и обязанное своимъ существованіемъ единственно и исключительно этой свободѣ; абсолютно свободное дѣйствованіе есть творческое дѣйствованіе. И въ области бытія условнаго, міроваго, мы замѣчаемъ, что чѣмъ совершеннѣе причина, тѣмъ менѣе она имѣетъ нужды для произведенія должнаго дѣйствія въ причинахъ содѣйствующихъ или матеріальныхъ. Такъ напр. въ мірѣ духовномъ наша свобода представляетъ собою причинность болѣе совершенную и высшую, чѣмъ причинная связь явленій физическихъ,—именно потому, что здѣсь открывается возможность дѣйствованія самостоятельнаго, нѣчто аналогичное произведенію изъ ничего, такъ какъ мы можемъ свободно начать и прекратить рядъ, необусловленныхъ ни чѣмъ кромѣ нашего разума и воли, дѣйствій. Правда, свобода человѣка есть свобода ограниченная въ исполненіи желаемаго и внѣшними предметами и волею другихъ существъ; она представляетъ собою причинность болѣе совершенную только въ сравненіи съ механическою причинностію, господствующею во внѣшней природѣ. Но вполне совершенная причинность, истинно совершенная, т. е. божественная свобода, поэтому можетъ быть мыслима не иначе, какъ такая, которая не имѣетъ уже никакой нужды въ побочныхъ или постороннихъ причинахъ для осуществленія желаемаго и которая не можетъ быть стѣснена при этомъ осуществленіи ничѣмъ внѣ ее находящимся. Итакъ, абсолютно совершенная воля необходимо предполагаетъ возможность творенія, то есть не только внутренняго самоопредѣленія и саморазвитія, но и созданія внѣ ея лежащаго и отъ нея независимаго бытія. Безъ этого абсолютная воля не могла бы быть ни всесовершенною, ни всемогущею; Богъ не могъ бы ни совершить, ни произвести ничего кромѣ того, что дано или заключается въ его природѣ. Богъ былъ бы менѣе совершенъ, чѣмъ ограниченное духовное существо—человѣкъ, который, не ограничиваясь своимъ внутреннимъ саморазвитіемъ и субъективною жизнью представленій и мыслей, можетъ создавать или производить предметы отличные отъ себя и отдѣльные (напр. зданія, машины). Конечно, существенная разница здѣсь въ томъ, что человѣкъ производитъ изъ матеріала даннаго отвнѣ и предполагаетъ этотъ

матеріаль. Но въ томъ-то и состоитъ превосходство абсолютной и всемогущей воли предъ ограниченной, что она можетъ произвести не только объекты, отличные отъ себя, но и самыя,— такъ сказать, матеріаль, изъ котораго они должны быть произведены. Богъ есть Творецъ міра не только по формѣ, но и по самому существу.

Но возможность, могутъ сказать намъ, не есть еще дѣйствительность. Не отрицая для божественной свободы, какъ неограниченной, возможности произвести міръ изъ ничего, пантеизмъ можетъ сдѣлать попытку согласить и свое понятіе о происхожденіи міра съ мыслию объ абсолютности божественной свободы и сказать, что, въ силу самой этой неограниченности, Богу должна быть приписана возможность не только создать что либо изъ ничего, но и свободно развить себя самого въ иное, отличное отъ себя бытіе,—въ міръ. Но такое представленіе о свободномъ самоопредѣленіи Божества къ обнаруженію себя въ формахъ конечности, было бы рѣшительно не совмѣстимо съ понятіемъ о совершенствѣ Божества. Міръ конечности въ сравненіи съ абсолютнымъ есть бытіе несовершенное, а Богъ, не смотря на неограниченность своей свободы, не можетъ ни пожелать быть, ни стать бытіемъ несовершеннымъ. Онъ можетъ сотворить бытіе менѣе совершенное, чѣмъ онъ,—и въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія идеѣ абсолютнаго совершенства; но онъ не можетъ самъ стать несовершеннымъ, раскрывая себя въ мірѣ; въ этомъ заключалось бы самое рѣзкое противорѣчіе его самому себѣ.

Если теперь отъ понятія о Богѣ мы перейдемъ къ понятію о мірѣ, то и здѣсь найдемъ указаніе на происхожденіе его отъ Бога не инымъ какимъ либо способомъ, какъ путемъ творенія изъ ничего. Міръ есть бытіе условное и ограниченное, а потому и несовершенное; Богъ есть существо безусловное, простое и всесовершенное. Эти понятія составляютъ прямую противоположность между собою; между ними нѣтъ никакихъ посредствующихъ ступеней, никакого постепеннаго перехода, который облегчилъ бы для нашей мысли пониманіе происхожденія отъ безконечнаго—конечнаго, отъ единаго и простаго—сложнаго и множественнаго. Но если, съ одной стороны, безконечное

и конечное, какъ противоположныя, не могутъ быть соединены какою либо генетическою, внутреннею связью, если съ другой стороны, безусловное и безконечное (Богъ) должно быть признано въ то же время производящею причиною конечнаго, то очевидно эта причина по отношенію къ міру можетъ быть только внѣшнею трансцендентною, а не имманентною причиною; міръ конечный могъ произойти только вслѣдствіе свободнаго акта божественной воли, какъ бытіе не существовавшее прежде, но явившееся по волѣ Творца; міръ не возникъ изъ Бога, какъ необходимое проявленіе его сущности, но свободно созданъ имъ изъ ничего.

Указавъ теоретическія основанія мысли о твореніи міра, заключающіеся въ понятіяхъ о Богѣ и мірѣ, мы должны остановить наше вниманіе и на томъ доказательствѣ этой истины, которое можно назвать практическимъ и первая мысль о которомъ принадлежитъ Канту. Помимо другихъ недостатковъ существующихъ доказательства бытія Божія Кантъ указываетъ и на тотъ, что не одно изъ нихъ (не исключая лучшаго изъ нихъ—телеологическаго) не даетъ намъ вѣрнаго и полнаго понятія о Богѣ, какъ о Творцѣ міра, а не образователѣ только его изъ данной матеріи. Такое понятіе мы можемъ получить только тогда, когда на истину бытія Божія станемъ смотрѣть не какъ на теоретическій выводъ, а какъ на постулаты нашего нравственнаго сознанія. Для осуществленія возможности высочайшаго блага, какъ цѣли нашихъ нравственныхъ стремленій, необходимо признать высочайшее Существо, которое по степени добродѣтели или заслугъ разумныхъ существъ распредѣляло бы имъ счастье или блаженство; а такъ какъ такого распредѣленія мы часто не находимъ въ жизни настоящей, то оно должно имѣть мѣсто въ жизни будущей.

Кантъ спрашиваетъ затѣмъ, какія свойства должно имѣть это существо, чтобы быть въ состояніи осуществить требуемое практическимъ разумомъ соединеніе добродѣтели и счастья? Оно должно *хотѣть* этого соединенія и *мочь* совершить его. Изъ перваго предположенія онъ выводитъ моральныя совершенства божества: святость, благость, праведность; изъ втораго—такъ называемыя имъ динамическія: всемогущество, все-

вѣдѣніе, вездѣприсутствіе и др. Но динамическія свойства могутъ только тогда имѣть полное значеніе для нравственнаго сознанія, когда мы будемъ почитать Бога не только устройте-лемъ или образователемъ міра, но и Творцомъ его, виновникомъ не только формы, но и самой матеріи міра. Въ противномъ случаѣ насъ не можетъ оставить мысль, что независимая отъ него матерія можетъ оказаться непокорною его волѣ, не можетъ по этому оставить и сомнѣніе, можетъ ли Богъ исполнѣ осуществить свое намѣреніе соединить добродѣтель и счастье въ будущей жизни такъ, какъ требуется то идеею высочайшаго блага. Такимъ образомъ требуемая практическимъ разумомъ увѣренность въ осуществимости цѣли нравственности необходимо предполагаетъ твореніе міра Богомъ.

Что касается собственно до Кантова вывода понятія творенія, то его нельзя назвать особенно сильнымъ; противъ него можно сказать, что чистая матерія, съ представленіемъ которой соединяется мысль объ абсолютной пассивности и инерціи, не можетъ полагать препятствій къ осуществленію божественныхъ намѣреній. Она могла бы служить такимъ препятствіемъ, если бы мы видѣли въ ней положительное начало нравственнаго зла, по самой природѣ своей противоборствующее добру. При такомъ взглядѣ на матерію замѣчаніе Канта было бы дѣйствительно вѣрнымъ. Болѣе вѣрною остается, неразвита впрочемъ у Канта, общая мысль, что только понятіе о Богѣ, какъ *Творцѣ* міра, можетъ удовлетворить нашему нравственному чувству. Что касается до пантеистическаго и дуалистическаго воззрѣнія на происхожденіе міра, то, будучи проведены послѣдовательно, то и другое, хотя не въ одинаковой степени, угрожаютъ опасностию для истинной нравственности. Всего гибельнѣе въ этомъ отношеніи пантеизмъ. Какъ бы ни истощался онъ въ своихъ усиліяхъ оправдать съ своей точки зрѣнія различіе добра и зла и обязательность нравственнаго стремленія къ первому, всѣ его усилія сокращаются при столкновеніи съ основною мыслию этого направленія, что все есть проявленіе единой абсолютной субстанціи; отсюда прямо вытекаетъ равноправность добра и зла, какъ необходимыхъ моментовъ въ жизни абсолютнаго. Что касается до нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, то

для нея нѣтъ мѣста при пантеистическомъ воззрѣніи на міръ. Нравственность имѣетъ смыслъ только при предположеніи личной самостоятельности и свободы. Я могу стремиться къ нравственному совершенству только тогда, когда я убѣжденъ, что могу поступать такъ и иначе, хорошо или худо; на этомъ убѣжденіи основывается и нравственная вмѣняемость себѣ и другимъ тѣхъ или иныхъ поступковъ. Но эта вмѣняемость будетъ пустымъ самообольщеніемъ, если всѣ дѣйствія, какія я приписываю себѣ, на самомъ дѣлѣ не мои, но только сознательное или безсознательное выраженіе стоящаго надо мною закона жизни абсолютнаго. Мы жалкіе слѣпцы, когда воображаемъ будто дѣлаемъ или можемъ дѣлать что нибудь сами; въ дѣйствительности всѣ явленія пантеистическаго міра, какъ въ царствѣ природы, такъ и духа, суть необходимыя проявленія абсолютнаго. Но при такомъ рѣшительномъ детерминизмѣ, при такомъ отрицаніи индивидуальной самостоятельности и свободы, что можетъ служить для человѣка побужденіемъ къ нравственности? Личная жизнь и дѣятельность человѣка—ничтожная капля въ безбрежномъ потокѣ абсолютнаго. Если она идетъ вопреки этому потоку (если только это возможно), то она можетъ назваться ничтожною, но ни какъ не противонравственною въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Она то же, что какое-либо мимолетное явленіе въ природѣ (наприм. паденіе листка съ дерева) въ сравненіи съ общимъ ходомъ жизни вселенной. Это явленіе безъ слѣда погибнетъ въ пучинѣ абсолютнаго и ни личной отвѣтственности, ни личныхъ результатовъ для самаго человѣка оно имѣть не будетъ, потому что уничтожая самостоятельность индивидуума, пантеизмъ, конечно, не можетъ допустить и личнаго существованія души за предѣлами жизни настоящей. Такимъ образомъ пантеизмъ не представляетъ намъ никакихъ дѣйствительныхъ мотивовъ къ нравственному усовершенствованію. Напротивъ, послѣдовательное проведеніе пантеистическаго принципа ведетъ къ индифференцизму, къ сознанию роковой необходимости добра и зла и къ оправданію увлеченія послѣднимъ силою неизбѣжнаго, выше человѣка и его фиктивной свободы стоящаго, закона абсолютной жизни,—закона, который ни чѣмъ не лучше языческаго рока или судьбы.

Отъ такихъ крайнихъ выводовъ, конечно, свободенъ дуализмъ, потому что предполагаемая самостоятельность матеріи, даже въ смыслѣ начала противодѣйствующаго добру, не отнимаетъ у человѣка ни возможности, ни обязанности противодѣйствовать ему. Но, какъ показываетъ исторія религіи, и здѣсь возможны уклоненія отъ чистоты нравственнаго идеала, какъ скоро преувеличивается объемъ, сила и значеніе этаго противодѣйствующаго добру міроваго принципа. Здѣсь подъ видомъ борьбы съ матеріею является часто ложный аскетизмъ, неправильное воззрѣніе на низшую, чувственную сторону человѣческой природы, какъ на нѣчто безусловно порочное и требующее уничтоженія, забвеніе въ борьбѣ съ чувственностію объ истинномъ источникѣ зла, который заключается въ духовной природѣ человѣка—и пренебреженіе чисто моральнымъ усовершенствованіемъ; борьба съ мнимымъ врагомъ—чувственнымъ міромъ отвлекаетъ вниманіе человѣка отъ его дѣйствительнаго врага, заключающагося въ немъ самомъ и даетъ усиливаться ему.

Истина творенія міра, устанавливая правильный взглядъ на матеріальный и духовный міръ, какъ на низшее и высшее произведеніе одной и той же воли Творца, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прочное основаніе истинной нравственности, такъ какъ съ одной стороны, утверждая (вопреки пантеизму) относительную самостоятельность и свободу человѣка, дѣлаетъ и возможнымъ и обязательнымъ достиженіе нравственнаго совершенства; съ другой, отрицая самостоятельное бытіе міровой основы (вопреки дуализму), освобождаетъ нашу мысль отъ всякаго рода сомнѣній въ возможности достигнуть такого совершенства въ виду мнимой силы противостоящаго не только намъ, но и самому Божеству принципа несовершенства и зла.

Не смотря на то, что мысль о твореніи есть необходимый логическій результатъ несостоятельности другихъ возможныхъ предположеній о началѣ міра, она издавна возбуждала не мало возраженій и недоразумѣній.

а) Противъ ученія о твореніи обыкновенно выставляютъ идущее еще отъ древности и получившее видъ аксіомы положеніе:

изъ ничего не бызаетъ ничего ¹⁾). Мысль о твореніи изъ ничего составляетъ самое рѣзко логическое противорѣчіе этой аксіомѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ другія теоріи происхожденія міра имѣютъ несомнѣнное преимущество предъ теоріею творенія, такъ какъ или въ первобытной матеріи (дуализмъ), или въ самой субстанціи абсолютнаго (пантеизмъ) онѣ указываютъ то *ничто*, изъ чего образовался міръ.

Прежде всего возникаетъ сомнѣніе, составляетъ ли приведенное выше положеніе дѣйствительную аксіому, отрицаніе которой абсолютно не мыслимо безъ противорѣчія законамъ логики? Не есть ли это положеніе простое, индуктивнаго свойства обобщеніе, составленное на основаніи фактовъ, дѣйствительно наблюдаемыхъ нами способовъ происхожденія окружающихъ насъ предметовъ и явленій міра, въ которомъ, повидимому, все происходитъ изъ чего-нибудь? Но если такъ, то мы не имѣемъ никакого права возводить общее заключеніе отъ наблюдаемыхъ нами явленій въ непреложную аксіому и распространять ее на все мыслимое и возможное бытіе, не доступное нашему опыту. Индукція, какъ извѣстно, какъ бы сильна ни была, приводитъ только къ вѣроятнымъ, но не къ несомнѣннымъ истинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы широкъ ни былъ кругозоръ нашего опытнаго наблюденія, мы далеко не знаемъ и не можемъ знать всей вселенной въ безграничномъ протяженіи ея въ пространствѣ и времени, и потому не можемъ эмпирически доказать, чтобы гдѣ-либо и когда-либо невозможно было возникновеніе чего-либо изъ ничего, если только найдена будетъ сила, которая можетъ произвести такое явленіе. Для доказательства этой мысли мы должны бы сослаться не на тотъ только фактъ, что въ кругу доступныхъ нашему наблюденію явленій ничто не возникаетъ изъ ничего, но на то, что самая абстрактная мысль о такомъ возникновеніи противорѣчитъ разуму и не можетъ быть допущена, не смотря на то, подтверждается ли она опытомъ или нѣтъ. Но этого сказать нельзя, такъ какъ подобнаго рода происхожденіе вещей вполне мыслимо, хотя наглядно и не представимо. Нѣтъ

1) «Ἐξ οὐδενὸς γίνεταὶ οὐδέν». Arist.

ничего невозможнаго для мысли предполагать, напр., что въ той или другой, недоступной нашему наблюденію, части вселенной возникло новое небесное тѣло, котораго прежде не было, если только дано условіе для такого возникновенія въ волѣ всемогущаго Творца.

Противъ этого замѣчаютъ иногда, что абстрактная возможность появленія чего-либо новаго во вселенной, не условливаемого предыдущимъ, не можетъ быть на дѣлѣ допущена потому, что при данныхъ законахъ природы каждое независимое отъ нихъ новое явленіе чего-либо разрушило бы весь существующій порядокъ природы, измѣнило бы его строго законосообразное теченіе. Но это замѣчаніе имѣло бы нѣкоторый смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что настоящій порядокъ вселенной абсолютно не разрушимъ, и не можетъ быть измѣненъ, даже творческою силою созданія чего-либо новаго. Если же этого утверждать нельзя, то нельзя отрицать и возможности даже въ предѣлахъ даннаго состава вселенной возникновенія чего-либо изъ ничего творческою силою.

Но если происхожденіе чего-либо изъ ничего нельзя считать не мыслимымъ даже для настоящаго порядка вещей, то такое происхожденіе необходимо должно быть признано для объясненія абсолютнаго начала міра. Допустимъ, что въ существующей вселенной не возникаетъ и не можетъ возникнуть чего-либо изъ ничего, такъ какъ для появленія новыхъ предметовъ и явленій даны уже достаточныя условія въ прежде существовавшихъ предметахъ, съ которыми они должны быть связаны причинною связью. Но такъ какъ по закону разума, цѣль условливающихъ другъ друга причинъ не можетъ простирается въ безконечности, то рождается вопросъ, откуда и изъ чего произошли самыя первыя условія бытія міровыхъ предметовъ, напр. первоначальная матерія ихъ съ присущими ей основными силами? Какъ понимать происхожденіе не тѣхъ или иныхъ конкретныхъ предметовъ, но того первоначальнаго *ничто*, изъ чего они явились? Такъ какъ за самыми первыми условіями бытія міра нѣтъ уже ничего, то они и могли возникнуть только *изъ ничего* и при томъ одно изъ двухъ: или случайно,

или творческою волею Существа всемогущаго. Но если первое предположеніе не мыслимо, то остается принять только второе.

Вообще, положеніе: „изъ ничего не бываетъ ничего“, можетъ имѣть значеніе, и то не раціональной аксіомы, а только эмпирическаго закона природы, лишь въ отношеніи къ происхожденію вещей условныхъ, какъ скоро даны первыя условія ихъ бытія. Но оно не можетъ быть приложено къ объясненію происхожденія самыхъ этихъ условій,—начала міра вообще. Если же этому положенію желаютъ придать характеръ дѣйствительной аксіомы, то оно должно быть формулировано такъ: „само собою изъ ничего не можетъ произойти ничего“, или проще: „безъ всякой причины не бываетъ ничего“. Но очевидно, что этой аксіомѣ противорѣчитъ не ученіе о твореніи міра изъ ничего, такъ какъ оно во всемогущей волѣ Божіей находитъ достаточную причину его происхожденія, но скорѣе всего матеріализмъ, такъ какъ его самобытная и вѣчная матерія не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго основанія къ образованію міра.

б) Мы сказали, что мысль о твореніи міра вполне соотвѣтствуетъ истинному понятію о Богѣ и мірѣ. Противники идеи творенія думаютъ открыть въ ней противорѣчіе какъ тому, такъ и другому понятію.

Необходимый предикатъ каждой силы, будетъ ли то реальная міровая сила или трансцедентная (Богъ), есть дѣятельность; „сила, которая не дѣйствуетъ и существовать не можетъ“. Но допуская актъ творенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ, что до этого акта творческая сила не дѣйствовала или что то же—не существовала, такъ какъ сила не мыслима безъ дѣйствія. Точно также мы должны допустить, что эта сила перестала существовать и послѣ акта творенія; значитъ она явилась внезапно и безъ всякаго повода лишь на одинъ моментъ творенія и затѣмъ исчезла. „Но если творческая сила не могла существовать прежде возникновенія (творенія) вещей, если ея не могло быть и послѣ такого возникновенія, если, наконецъ, не мыслимо, чтобы она обладала только моментальнымъ существованіемъ... то для насъ не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что міръ не можетъ быть сотворенъ, но что онъ вѣченъ“¹⁾.

1) Büchner. Kraft und Stoff. 1864, p. 5—7.

Смыслъ этого возраженія, очевидно, тотъ, что допуская твореніе, какъ нѣкоторый временный актъ въ жизни трансцендентной силы, мы должны признать эту силу не дѣятельною до и послѣ этого акта, что равняется будто бы уничтоженію самой этой силы, такъ какъ не дѣятельная сила не существуетъ. Но, очевидно, и то, что это возраженіе могло бы быть разомъ устранено, еслибы мы признали Бога, не моментально только, но вѣчно творящею силою. Оно собственно направлено не противъ мысли о возможности творенія вообще, но только противъ мысли о сотвореніи міра въ одинъ данный пунктъ безконечнаго времени. Но Богъ можетъ быть мыслимъ вѣчно творящею силою вѣчно творимаго міра. Затѣмъ это выраженіе основывается на ложномъ предположеніи, будто каждая сила не можетъ существовать иначе, какъ въ своемъ дѣйствіи. Если наука даже въ области физическихъ силъ отличаетъ потенциальную и кинетическую ихъ энергію, если въ духовномъ мірѣ силы, способности, таланты могутъ существовать въ душѣ и не обнаруживаясь въ соотвѣтствующихъ себѣ дѣйствіяхъ, то почему нельзя допустить и существованія трансцендентной творческой Силы, до и послѣ акта творенія, какъ силы заключающей въ себѣ возможность и способность творенія, хотя и не обнаруживающей себя реальнымъ творчествомъ? Думать иначе, значило бы то же, что утверждать будто способность, напримѣръ, поэтическаго творчества существуетъ у поэта только въ моментъ созданія поэтическаго произведенія, а до и послѣ этого созданія, ея вовсе не существуетъ? Наконецъ, представленное нами возраженіе исходитъ изъ той ложной мысли, будто актомъ творчества исчерпывается вся сущность и содержаніе высочайшей трансцендентной Силы и что за отсутствіемъ этого акта исчезаетъ и самая Сила. Но творчество не есть единственное проявленіе жизни высочайшей абсолютной причины міра. Какъ существо абсолютное, она включаетъ въ себѣ абсолютную полноту внутренней жизни и дѣятельности, независимо отъ существованія акта воли, вызвавшей въ бытіе міръ. По отношенію къ абсолютной жизни и дѣятельности актъ творчества, будетъ ли онъ моментальнымъ, періодическимъ или вѣчнымъ, будетъ составлять только одинъ изъ моментовъ беско-

вечной жизни, который не можетъ быть такимъ всецѣлымъ выраженіемъ жизни абсолютнаго, съ отсутствіемъ котораго исчезало бы и самое понятіе о немъ.

с) Что касается до понятія о мірѣ, то идея творенія изъ ничего, по мнѣнію противниковъ этой идеи, ведетъ къ уничтоженію его самостоятельности и законосообразности. По мнѣнію Фихте, ученіе о твореніи вноситъ въ понятіе о Богѣ абстрактную свободу или произволъ и тѣмъ самымъ существованіе міра понимаетъ какъ дѣло случая ¹⁾. „Какъ бы мы ни пытались мыслить что-либо опредѣленное въ понятіи изъ ничего сотвореннаго міра, онъ навсегда останется нѣкотораго рода видоизмѣненнымъ *ничто*, обманчивымъ, волшебнымъ призракомъ, который также можетъ исчезнуть въ ничто, какъ и возникъ отсюда словомъ Творца“ ²⁾. „Какъ произведеніе міра изъ ничего дѣлаетъ спорнымъ вопросъ о самостоятельности міра, такъ точно и абстрактная свобода творческаго акта существенное отношеніе міра къ Богу дѣлаетъ случайнымъ и внутреннюю его законосообразность лишаетъ всякаго основанія, такъ какъ произвольно сдѣланный распорядокъ въ каждое мгновеніе можетъ быть снова уничтоженъ, что по церковному ученію и имѣетъ мѣсто въ чудесахъ. Въ этомъ отношеніи свободный актъ творенія есть только первое чудо (*Urwunder*), которое отворяетъ двери для всѣхъ другихъ чудесъ, такъ какъ оно въ принципѣ разрушаетъ мысль о самостоятельности и законосообразности міра“ ³⁾.

Можетъ показаться удивительнымъ, что упрекъ теоріи творенія въ томъ, что она не обезпечиваетъ самостоятельности и законосообразности міра, чаще всего встрѣчается у философовъ болѣе или менѣе пантеистическаго направленія, тогда какъ именно это направленіе, будучи послѣдовательно проведено, уничтожаетъ его самостоятельность. Признавать міръ проявленіемъ единой, абсолютно и истинно сущей субстанціи, ея феноменомъ или моментомъ въ ея развитіи, отрицать истину

¹⁾ Anweis. zum sel. Leben. Werke. V, 479.

²⁾ Snell, Schöpfung d. Menschen. 66.

³⁾ O. Ppfleiderer, Religionsphilosophie. 1878. p. 489.

бытія конкретнаго, ужели значить утверждать самостоятельность міра? Но дѣло становится понятнымъ, когда вспомнимъ, что теизмъ признаетъ міръ дѣломъ *свободной воли* Творца, понятіе о которой совершенно чуждо пантеизму и замѣняется понятіемъ *имманентной необходимости*. На первый взглядъ дѣйствительно кажется, что міръ больше обезпечивается въ своемъ существованіи, какъ скоро признается необходимымъ проявленіемъ абсолютнаго, а не актомъ свободной воли Творца, такъ какъ по отношенію къ ней онъ является чѣмъ-то случайнымъ, что могло бы быть и не быть, быть такъ и иначе. Но на самомъ дѣлѣ ошибка пантеизма здѣсь въ томъ, что онъ въ интересахъ своей системы постоянно смѣшиваетъ понятіе свободы съ понятіемъ произвола. Божественная воля не есть то же, что случайный и безосновный произволь; она есть воля существа всесовершеннаго и находится въ тѣснѣйшей связи и единеніи со всѣми прочими свойствами и совершенствами Творца,—Его безконечнымъ разумомъ и благостію; она есть разумная и святая воля. Но если мы такъ станемъ смотрѣть на божественную волю, вызвавшую міръ изъ небытія въ бытіе, то въ ней найдемъ самую полную и надежную гарантію самостоятельности и законосообразности міра. Вызванный въ бытіе изъ ничего, онъ не можетъ быть поэтому и самъ ничтожнымъ или призракомъ, такъ какъ основа и причина его бытія заключается не въ этомъ не существующемъ *ничто*, а въ положительномъ актѣ божественной воли, произведеніемъ которой можетъ быть только положительное, реальное бытіе. Какъ положенное разумною, и потому не измѣнчивою и не колеблющеюся въ своихъ рѣшеніяхъ волею Божества, міръ въ самомъ способѣ своего происхожденія находитъ ручательство и за свое дальнѣйшее существованіе и за неизмѣнность установленныхъ для него законовъ бытія. Ибо абсолютно совершенное существо можетъ ли произвести такое бытіе и такіе законы его, которые затѣмъ по ихъ несовершенству и негодности оказались бы подлежащими измѣненію или уничтоженію?

Какъ на возраженіе противъ этой мысли, намъ указываютъ на понятіе *чуда*, первое зерно котораго будто бы заключается въ понятіи творенія изъ ничего и которое, будучи допущено,

грозитъ опасностью постояннаго нарушенія законовъ природы, а съ ними и самостоятельности міра. Но понятіе чуда въ обыкновенномъ, религіозномъ смыслѣ слова не состоитъ ни въ какой существенной связи съ такъ называемымъ чудомъ первоначальнаго творенія. Оно предполагаетъ уже существующій и при томъ, не по волѣ Божества, измѣнившійся къ худшему, и потому нуждающійся въ исправленіи сверхъестественною силою порядокъ вещей¹⁾. Твореніе міра, конечно, можетъ быть названо чудомъ, въ смыслѣ его непостижимости; но эта непостижимость акта творенія для насъ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о самостоятельности міра и его законовъ. Не въ этомъ смыслѣ называютъ твореніе чудомъ, когда видятъ въ этомъ понятіи опасность для самостоятельности міра; этимъ хотятъ сказать лишь то, что міръ, не составляющій абсолютно необходимаго проявленія Божества, но вызванный въ бытіе единственно Его волею, точно также можетъ быть уничтоженъ этою волею, какъ и созданъ ею; точно также и законы міра, будучи установлены Его волею, могутъ быть свободно измѣнены ею,—а въ этомъ и состоитъ понятіе чуда. Правда, съ абстрактной, чисто метафизической точки зрѣнія, мы должны признать такую возможность и съ этой точки зрѣнія существованіе міра считать бытіемъ случайнымъ. Но такая возможность остается для насъ простою абстрактною возможностью какъ скоро вспомнимъ, что божественная свобода не есть бессмысленный произволь, но въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется разумомъ, благостію, неизмѣнностію и другими свойствами божеской природы и что въ этихъ свойствахъ заключается ручательство сохраненія разъ созданнаго Богомъ міра. Метафизической возможности уничтоженія міра или измѣне-

1) Оправдывать такое воззрѣніе на существующій строй міра и доказывать возможность чудесъ,—не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Замѣтимъ только, что для того, чтобы понятіе чуда (въ точномъ смыслѣ слова) выставить какъ возраженіе противъ самостоятельности и законосообразности міра, нужно предварительно доказать, что оно не возстановляетъ, но имѣнно разрушаетъ строй природы. Но относительно истинныхъ и достовѣрныхъ исторически чудесъ, паптеизмъ этого доказательства дать не можетъ. О возможности чудесъ,—см. Нач. основанія философіи. 1891. стр. 188—191.

нія его законовъ здѣсь противостоятъ моральная, какъ выражается Лейбницъ, невозможность подобнаго факта.

Такимъ образомъ въ понятіи творенія, какъ акта божественной воли, заключается достаточная гарантія самостоятельности міра съ его законами. Такой гарантіи вовсе не даетъ намъ, какъ думаетъ, пантеизмъ своимъ ученіемъ о мірѣ, какъ *необходимомъ* моментѣ въ развитіи абсолютнаго; потому что этотъ необходимый моментъ, въ большей части пантеистическихъ системъ, есть только временное, преходящее и не истинное явленіе въ жизни абсолютнаго. Начиная съ индѣйской философіи, которая признаетъ міръ призракомъ, временно помрачающимъ жизнь Брамы, и кончая философіей Гартмана, который видитъ въ мірѣ слѣпое, неразумное порожденіе стремящейся къ бытію воли, всѣ почти пантеистическія системы заканчиваютъ ученіемъ о возвращеніи абсолютнаго изъ своего странствованія по ступенямъ міроразвитія, изъ своего инобытія къ себѣ самому, къ чистому и нераздѣльному единству до-мірнаго бытія. Можно ли находить въ такомъ ученіи гарантію самостоятельности міра и не гораздо ли состоятельнѣе то ученіе, которое въ непреложности воли Творца, вызвавшаго міръ къ бытію, видитъ залогъ вѣчнаго его существованія?

d) Предшествующія возраженія противъ понятія творенія принадлежали матеріализму и пантеизму. Теперь остановимъ наше вниманіе на тѣхъ возраженіяхъ, какія выставляетъ противъ этого ученія третье изъ господствующихъ современныхъ направленій—позитивизмъ, который по отношенію къ занимающему насъ вопросу наиболѣе философское свое выраженіе находитъ въ агностицизмѣ Спенсера.

Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ философіи, сущность которой состоитъ въ томъ, что она познаваемымъ признаетъ только міръ явленій съ его эмпирическими законами, а всѣ остальные, чисто метафизическіе вопросы относить въ область непостижимаго и никогда поэтому недоступнаго познанію, главное возраженіе ея противъ понятія творенія будетъ состоять въ указаніи непонятности и непостижимости этого понятія. И дѣйствительно къ этой непонятности творенія и сводятся всѣ возраженія противъ него Спенсера. По его мнѣнію, можно слѣ-

латъ только три мыслимыя предположенія о началѣ міра: или онъ существуетъ самъ собою, или онъ сотворилъ самъ себя, или онъ созданъ какою-либо внѣшнею ему силою; первое предположеніе принадлежитъ атеизму, второе—пантеизму, послѣднее—теизму. Не входя въ изслѣдованіе, какое изъ этихъ трехъ предположеній болѣе вѣроятно, Спенсеръ рѣшаетъ только вопросъ: какое изъ нихъ „болѣе понятно въ истинномъ смыслѣ слова“?

Разсматривая каждое изъ этихъ трехъ предположеній съ этой точки зрѣнія, онъ не даетъ никакого преимущества ни одному изъ нихъ; всѣ они одинаково непонятны и неудобопріемлемы для мышленія вслѣдствіе заключающихся въ нихъ противорѣчій.

Оставимъ въ сторонѣ Спенсерову критику атеистической (матеріалистической) и пантеистической теорій происхожденія міра. Сущность теистической теоріи, по мнѣнію Спенсера, состоитъ въ томъ предположеніи, „что небо и земля сотворены внѣшнею имъ силою подобнымъ же образомъ, какъ какая-нибудь утварь дѣлается рукою ремесленника. Такая гипотеза не есть произведеніе однихъ только богослововъ, но принадлежитъ и большинству философовъ прошедшаго и настоящаго времени“. Главный недостатокъ этой гипотезы, конечно, тотъ, что она не имѣетъ ничего себѣ соотвѣтствующаго въ дѣйствительномъ опытѣ и не можетъ быть проверена опытомъ; но и независимо отъ этого она заключаетъ въ себѣ много непонятнаго.

1. Ремесленникъ или художникъ производитъ вещи изъ даннаго матеріала; но откуда взялась матерія, изъ которой „великій Артистъ“, „Художникъ“ произвелъ міръ? Произведеніе такой матеріи изъ ничего составляетъ совершенную тайну.
2. Другое затрудненіе возникаетъ, какъ скоро мы перейдемъ отъ матеріальныхъ вещей къ тому, что ихъ содержитъ,—отъ матеріи—къ пространству. Откуда произошло пространство? Теорія творенія должна предположить, что пространство также сотворено Богомъ, какъ и матерія. „Но невозможность понять такое происхожденіе пространства такъ очевидна, что никто не осмѣлится утверждать ее“. Въ самомъ дѣлѣ, если пространство сотворено, то его не было прежде; но никакими усиліями

ума мы не можемъ вообразить себѣ несуществованіе пространства, будетъ ли то въ прошедшемъ или будущемъ. Если же несуществованіе пространства абсолютно непонятно, то отсюда слѣдуетъ, что и сотвореніе пространства также немислимо.

3. Наконецъ, какъ скоро мы предполагаемъ внѣшнюю Силу или Дѣятеля, сотворившаго міръ, то необходимо возникаетъ вопросъ: откуда же взялся этотъ самый дѣятель? Такъ какъ онъ не могъ ни сотворить самъ себя, ни быть созданнымъ инымъ какимъ-либо дѣтелемъ, то теизмъ обыкновенно предполагаетъ, что этотъ дѣятель есть непроисшедшій, самосуцій. Но понятіе о самосуществованіи совершенно для насъ непостижимо. Если мы отвергаемъ атеистическую гипотезу потому, что она признаетъ самосуществованіе міра, то на томъ же основаніи мы не можемъ допустить и теистической гипотезы,—допустить самосуществованіе какой-либо Силы внѣ міра, такъ какъ и здѣсь, какъ и тамъ, одинаково не мыслимо существованіе чего либо безъ начала и безъ всякой предшествующей причины ¹⁾.

Въ представленной нами критикѣ теистическаго ученія о происхожденіи міра на первый взглядъ представляется удивительнымъ то, что такой, во всякомъ случаѣ остроумный, мыслитель, какъ Спенсеръ, прежде чѣмъ подвергать критикѣ это ученіе, не позаботился правильнѣе выяснить и опредѣлить какъ самое это ученіе, такъ и понятія съ нимъ соприкосновенныя. Такъ, уже въ первомъ своемъ возраженіи, онъ понимаетъ это ученіе такъ, какъ едвали понимало его то большинство теологовъ и философовъ, о которомъ онъ говоритъ. Въ томъ-то и состоитъ особенность теизма, признающаго міръ твореніемъ Божіимъ, что онъ вовсе не допускаетъ мысли, будто міръ созданъ Богомъ точно такъ же, какъ художникъ создаетъ свои произведенія, т. е. изъ предлежащей ему матеріи. Подобный образъ возрѣнія принадлежитъ дуализму и поэтому то возраженіе, которое Спенсеръ направляетъ противъ теизма, вовсе не затрагиваетъ его и всецѣло касается лицъ дуалистической гипотезы. Вопросъ: откуда взялась первобытная матерія, дѣйствительно можетъ быть предложенъ дуализму, потому что

¹⁾ Н. Spencer. *Premiers principes*. Trad. p. Cazelles. 1888. p. 26—38.

матерія, какъ начало инертное и пассивное, не можетъ ни создать сама себя, ни быть началомъ самостоятельнымъ; она по этому предполагаетъ какую либо причину своего существованія. Такъ какъ дуализмъ не можетъ указать такой причины въ самой матеріи, то по необходимости долженъ предположить, что причина ея происхожденія заключается въ другомъ, противоположномъ ей, активномъ началѣ бытія—Богѣ. Матерія, какъ первичная форма или основа физическаго бытія, можетъ быть только происшедшею, сотворенною Богомъ, что и утверждаетъ теизмъ. Въ понятіи творенія матеріи міра Богомъ заключается такъ же мало противорѣчія, какъ и вообще въ понятіи происхожденія каждаго ограниченнаго, условнаго и имѣющаго начало бытія предмета, отъ Существа безусловнаго. Если вообще мыслима и допустима высочайшая причина всякаго условнаго бытія, то вполне мыслима и возможность происхожденія отъ нея матеріи,—и въ понятіи послѣдней не заключается ничего особеннаго, что возбуждало бы нерѣшимый будто-бы для теизма вопросъ объ ея происхожденіи.

Точно также, выставляя на видъ какъ возраженіе противъ теоріи творенія вопросъ, откуда взялось пространство, Спенсеръ долженъ бы сначала выяснить вопросъ, что онъ здѣсь понимаетъ подъ именемъ пространства, чтобы судить затѣмъ, заключаетъ ли оно въ себѣ противорѣчіе идеѣ творенія. Ему не безызвѣстно, конечно, что въ философіи существуетъ не одно мнѣніе относительно этого предмета и что не во всякомъ изъ этихъ мнѣній заключается противорѣчіе понятію творенія. Если пространство есть, какъ учатъ субъективисты (Кантъ и др.), форма нашего чувственнаго воззрѣнія, то вопросъ о происхожденіи его не представляетъ затрудненій; оно произошло также и оттуда-же, откуда произошло и наше ощущающее я, съ а priori данными ему формами познанія, къ числу которыхъ на ряду съ категоріями и идеями принадлежитъ и пространство съ временемъ, какъ формы чувственнаго познанія. Признакъ безконечности, заключающійся въ понятіи пространства, также не можетъ возбудить затрудненій, такъ какъ эта безконечность не есть что-либо реальное, а только особенность извѣстной формы познанія существа конечнаго и

ограниченнаго.—Если же пространство, какъ учать другіе философы, есть не субъективная только форма познанія, но реальное свойство вещей или форма ихъ существованія, то, очевидно, не можетъ быть пространства внѣ и независимо отъ вещей или прежде ихъ; не можетъ быть реально безконечнаго пространства. Форма или свойство не можетъ существовать внѣ тѣхъ вещей, свойства или форму которыхъ оно составляетъ. При такомъ возрѣніи вопросъ о происхожденіи пространства не можетъ представить затрудненій; оно произошло также какъ и вещи, которыхъ форму оно составляетъ, какъ и весь міръ,—путемъ творенія. Дѣйствительное затрудненіе возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ реальное существованіе *безконечнаго* пространства, и на это затрудненіе давно уже указывали философы, хотя оно и не касается прямо и непосредственно ученія о твореніи міра. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ безконечное пространство, то для признающихъ абсолютное начало бытія—Существо безконечное, повидимому, возникаетъ неизбежная дилемма: или признать два безконечныхъ, что не мыслимо; или считать такое пространство свойствомъ единаго безконечнаго существа. Къ такому заключенію, какъ извѣстно, и пришелъ Спиноза, который протяженіе, такъ же какъ и мышленіе, считалъ модусами абсолютной субстанціи. Конечно, отъ этой дилеммы отдѣлаться было бы не трудно простымъ отрицаніемъ существованія безконечнаго пространства. Но здѣсь возникаетъ новое затрудненіе: идея безконечнаго пространства не есть какое-либо фиктивное произведеніе нашего воображенія; она *необходимо* и существенно принадлежитъ нашему разуму; мы не можемъ мыслить какого-либо ограниченнаго пространства не предполагая, что за нимъ существуетъ новое пространство и т. д.; вообще не можемъ мыслить пространства иначе какъ безконечнымъ. Самое отрицаніе такого пространства является немислимымъ; въ концѣ концовъ оно повело бы къ отрицанію самой достовѣрности нашего познанія, еслибы мы стали отрицать самыя существенныя требованія нашего мышленія. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло оказывается, что это затрудненіе не такъ неразрѣшимо для теизма, какъ кажется. Разрѣшено

оно можетъ быть съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего и признавая реальную бесконечность пространства, мы вовсе не обязываемся, какъ думаютъ, или признавать два бесконечныхъ, или считать пространство, вмѣстѣ съ Спинозою, модусами бесконечной субстанціи и впадать въ пантеизмъ. И допуская отдѣльность Бога отъ міра, мы можемъ мыслить міръ, какъ бесконечное обнаруженіе творческой воли божества, а Бога, какъ существо вѣчно дѣятельное и вѣчно творящее; при этомъ, бесконечно творимомъ, міръ очевидно и формы его бытія (пространство и время) могутъ быть бесконечными, не теряя своей условности и зависимости отъ Бога по происхожденію. Существованіе условно-бесконечнаго (міра—въ формѣ цѣлаго, развивающагося въ бесконечномъ пространствѣ и времени) не противорѣчитъ существованію единаго безусловно-бесконечнаго. Но если существованіе такого міра, по основательнымъ причинамъ не допустимо, то возможна другая точка зрѣнія, объясняющая признакъ бесконечности въ понятіяхъ пространства (и времени). Пространство есть форма не только внѣ насъ лежащаго бытія, но и нашего познанія; она имѣетъ не только объективное, но и субъективное значеніе. Но въ послѣднемъ отношеніи она не можетъ быть абсолютно тождественною съ формою бытія вещей; иначе мы, вмѣстѣ съ идеалистами, должны бы признать тождество мышленія и бытія, субъективнаго и объективнаго. Поэтому вполне мыслимо, что пространство можетъ быть конечнымъ реально, внѣ нашего я, и бесконечнымъ, какъ наше понятіе, въ нашемъ умѣ. Такой признакъ бесконечности въ субъективномъ понятіи о пространствѣ, не будучи фантомомъ воображенія, вполне обуславливается организаціею нашей познавательной способности и имѣетъ существенное гносеологическое значеніе. Въ силу самаго строя нашей разумной природы наше познаніе не стѣснено и не ограничено предѣлами бытія, даннаго въ наличной дѣйствительности, внѣшняго и внутренняго опыта. Оно простирается не только на реальное, но и на мыслимое или *возможное* бытіе. Но область возможнаго бытія очевидно не ограничена; мы можемъ представить себѣ бесконечное множество тѣлъ, которыя по самому свойству внѣшняго бытія должны быть мыслимы не иначе, какъ протяжен-

ными (что напр. имѣетъ мѣсто въ геометріи); но для осуществленія такихъ представленій необходима умственная идея безконечнаго пространства. Такимъ образомъ мы можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ философовъ, которые безконечное пространство (и время) признаютъ формою не реальнаго, а возможнаго бытія.

Но значеніе разсматриваемаго нами понятія безконечнаго пространства не ограничивается тѣмъ, что оно есть субъективная форма одного только возможнаго бытія. Такъ какъ пространство и время суть необходимыя формы не только бытія, но и познанія ограниченнаго, какимъ только и можетъ быть наше, человѣческое познаніе, то очень естественно ожидать, что эту единственно возможную для насъ гносеологическую форму мы станемъ прилагать и къ познанію того бытія, которое по существу своему не ограничено этою формою,—бытія абсолютнаго, вѣчнаго, божественнаго. Мы должны будемъ прилагать ее необходимо, такъ какъ иной формы познанія кромѣ ограниченной у насъ нѣтъ, и такъ какъ для существа ограниченнаго и условнаго не можетъ быть доступно полное воспріятіе или созерцаніе вѣчнаго и безконечнаго. Но такъ какъ эта форма въ то же время не адекватна воспринимаемому содержанию, ибо безусловное не можетъ быть бытіемъ, ограниченнымъ временемъ и пространствомъ, то единственный способъ по возможности уничтожить эту не-адекватность состоитъ въ томъ, что мы, прилагая эту форму къ абсолютному, расширяемъ ее до безконечности и сколько возможно уравниваемъ ее съ нимъ, т. е. вѣчное и безконечное мыслимъ въ формѣ безконечно текущихъ моментовъ времени и безпредѣльнаго пространства. Съ этой точки зрѣнія безконечное время есть не что иное, какъ движущійся образъ или символъ неподвижной вѣчности, а безграничное пространство—образъ истинной безконечности. Отсюда видно, что глубочайшаго основанія того явленія, что пространству и времени мы приписываемъ признакъ безконечности, мы должны искать не въ чемъ иномъ, какъ въ принадлежащей нашему уму идеѣ безконечнаго. Эта идея, составляющая преимущество высшей духовно разумной природы человѣка, простираетъ свое вліяніе на всѣ по-

знавательныя его силы, въ томъ числѣ и на способность представленія. Мы не только созерцаемъ, мыслимъ, но и представляемъ безусловное, вѣчное, неизмѣнное. Но какъ скоро мы представляемъ его, то не иначе можемъ сдѣлать это, какъ въ формахъ свойственныхъ представленію и бытію, которое посредствомъ его познается, т. е. въ временно-пространственныхъ формахъ расширенныхъ до безконечности. Поэтому, если бы мы бытіе безусловное мыслили даже какъ существо личное, то и тогда, представляя это существо, нѣкоторыя свойства его, напр. вѣчность и вездѣприсутствіе, мы должны представить себѣ въ видѣ безконечно идущихъ моментовъ времени и въ видѣ наполненія или проникновенія безконечнаго пространства. Хотя нашъ разумъ въ своихъ *понятіяхъ* возвышается надъ этою ступенью представленія и сознаетъ его неадекватность, но такъ какъ человѣкъ есть въ то же время не только мыслящее, но и представляющее существо, то онъ и не можетъ никогда освободиться и отрѣшиться отъ этой гносеологической формы. Безконечное пространство есть необходимая субъективная форма представленія истинно безконечнаго ¹⁾.

Что касается до третьяго возраженія Спенсера, то оно имѣетъ слишкомъ мало прямого отношенія къ вопросу о происхожденіи міра, чтобы на немъ стоило долго останавливаться,—и вообще поражаетъ своею странностью. Твореніе міра, утверждаетъ Спенсеръ, предполагаетъ бытіе самосущей, независимой отъ міра Силы—Творца міра; но самосуществованіе такой Силы не мыслимо; слѣдовательно не мыслимо и твореніе міра. Подобнаго рода заключеніе, конечно, было бы справедливо, если бы предварительно была доказана вѣрность предшествующей посылки, такъ какъ твореніе міра можетъ имѣть смыслъ только при предположеніи, что существуетъ высочайшая причина міра. Но входитъ въ обсужденіе вопроса о мыслимости или немыслимости существованія абсолютной, высочайшей причины бытія,—которая не можетъ быть мыслима

¹⁾ Болѣе подробное разъясненіе вопроса о безконечности пространства и времени см. въ нашемъ изслѣдованіи «Пространство и время», въ журн. «Вѣра и Разумъ» за 1886 г. № 24.

иначе какъ самосуцею, такъ какъ она есть причина абсолютная и первая,—значило бѣ уклоняться въ сторону отъ ближайшаго предмета нашего изслѣдованія. Обоснованіе мысли о существованіи высочайшей самосуцей причины бытія и притомъ понимаемой въ смыслѣ тезиса,—есть дѣло, такъ называемыхъ, доказательствъ бытія Божія ¹⁾. Для насъ достаточно здѣсь отмѣтить только противорѣчіе, въ которое впадаетъ Спенсеръ. Доказывая не мыслимость какого бы то ни было самосуществованія, будетъ ли то самосуществованіе матеріи міра, или отличной отъ міра Силы ²⁾, онъ въ то же время со всею рѣшительностію утверждаетъ *положительное* существованіе абсолютнаго (хотя и непознаваемого нами) бытія, на ряду съ бытіемъ условнымъ,—и въ этомъ поставяетъ отличительную черту своей философіи отъ обыкновеннаго скептицизма и позитивизма, который, утверждая только фактическое существованіе условнаго, отказывается признать достовѣрность существованія безусловнаго, считая его однимъ простымъ отрицаніемъ условности ³⁾. Но какъ скоро допущена не только мыслимость, но и

¹⁾ О доказательствахъ бытія Божія,—см. рядъ нашихъ изслѣдованій въ «Правосл. Обзор.» за 1884—1889 г. Кратко—«Начальныя основанія философіи». 1891 г. стр. 117—154.

²⁾ *Premiers Principes*. p. 26, 27.

³⁾ Полемику противъ ученія Гамильтона и Малсели, считавшихъ понятіе абсолютнаго простымъ отрицаніемъ понятности или простымъ несуществованіемъ бытія условнаго и относительнаго, Спенсеръ говоритъ: «Замѣтимъ прежде всего то, что всѣ умозаключенія, посредствомъ которыхъ намъ доказываютъ относительность познанія, уже отчетливо предполагаютъ положительное существованіе нѣкотораго предмета по ту сторону относительнаго. Говорить, что мы не можемъ познать абсолютнаго,—значитъ уже тѣмъ самымъ просто утверждать, что есть абсолютное. Когда мы отрицаемъ возможность познанія сущности абсолютнаго, мы уже молча допускаемъ *существованіе* его и уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что абсолютное было присуще нашему духу, не какъ ничто или отрицаніе, но какъ нѣкоторая вещь... Ноумень, который обыкновенно противопоставляется феномену, повсюду и неизбѣжно мыслится какъ реальность. Совершенно невозможно понять, какимъ образомъ наши познанія могли бы имѣть своимъ предметомъ только явленія, не допуская и не понимая въ тоже время реальности, которой эти явленія служатъ отображеніемъ» (*Premiers Principes*. 77. 78). Въ другомъ мѣстѣ самъ Спенсеръ резюмируетъ окончательный выводъ своего изслѣдованія объ относительномъ и безотносительномъ, такимъ образомъ: «Самое утвержденіе, что всякое познаніе относительно, заключаетъ въ себѣ скрытое утвержденіе, что существуетъ безотносительное... Относительное

положительное существованіе абсолютнаго, безусловнаго, безотносительнаго, то совершенно невозможно понять, какимъ образомъ можетъ оказаться немислимымъ самосуществованіе этого безусловнаго. Вѣдь сущность относительнаго и условнаго бытія въ томъ и состоитъ, что оно можетъ существовать не само собою, но только въ отношеніи къ какому-либо другому бытію, условливается имъ какъ причиною своего бытія. Сущность бытія безусловнаго и безотносительнаго въ томъ и состоитъ, что оно въ противоположность первому, можетъ существовать независимо отъ какого-либо отношенія къ другому, независимо отъ какихъ-либо условій или причинъ своего существованія. Быть абсолютнымъ и быть самосущимъ—одно и то же; съ уничтоженіемъ самосуществованія уничтожается и абсолютность; абсолютное становится условнымъ, существующимъ отъ другаго и подъ условіемъ другаго. Итакъ, одно изъ двухъ,—или Спенсеръ, въ рѣзкомъ противорѣчій съ самимъ собою долженъ отвергнуть самое существованіе абсолютнаго, какъ положительной реальности, или признать его самосуществованіе, какъ не только вполне мыслимый, но и реальный фактъ; а съ такимъ признаніемъ очевидно исчезаетъ вся сила его возраженія противъ ученія о твореніи міра.

Итакъ, изъ трехъ возраженій Спенсера противъ ученія о твореніи, ни одно не можетъ быть признано состоятельнымъ. Остается только одна общая исходная мысль этихъ возраженій,—мысль о непонятности для нашего разума самаго акта творенія, какъ возникновенія чего-либо изъ ничего; опытъ не представляетъ ничего подобнаго и такой способъ происхожденія невообразимъ и неностижимъ для насъ. Эта же самая мысль неоднократно высказывалась и другими противниками идеи творенія. Твореніе изъ ничего, говорятъ, рѣшительно не представимо и не мыслимо для насъ. Идея творенія собственно есть не философская, а религіозная идея; впервые высказана она

само по себѣ непонятно, если оно не находится въ отношеніи къ реальному безотносительному. Не допустивъ реальности безотносительнаго, мы должны бы признать, что самое относительное и есть абсолютное, въ чемъ заключается противорѣчіе... Вообще, намъ невозможно отдѣлаться отъ признанія реальности скрытой за видимостью явленій и изъ этой невозможности вытекаетъ наша неразрушимая вѣра въ эту реальность. (85).

въ бытописаніи Моисея. Если философы иногда и принимаютъ ее, то съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ, какъ послѣднюю попытку объяснить начало міра, вынужденную несостоятельностью другихъ теорій. Понятіе творенія въ сущности есть понятіе отрицательное и только какъ такое можетъ быть допущено въ философіи. Оно выражаетъ лишь ту мысль, что міръ не образовался самъ собою, не есть формированіе только Богомъ готовой матеріи, не есть развитіе самой природы божественной, но произошелъ отъ Бога какимъ-то особымъ актомъ его Существа. Но въ чемъ состоитъ этотъ актъ, какъ возможно происхожденіе отъ Бога новой субстанціи, которая однакоже не есть его субстанція,—это теорія творенія оставляетъ въ полной темнотѣ. Ничто, т. е. твореніе изъ ничего, заключаетъ Шеллингъ, есть самый тяжелый крестъ для разума.

Не отрицая въ принципѣ основной мысли, заключающейся въ этомъ выраженіи, мы должны замѣтить прежде всего, что непонятность или непостижимость даннаго факта или понятія сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ къ отрицанію истины даннаго факта или понятія, какъ скоро находятся другія уважительныя основанія принять его. Непонятность вообще можетъ быть двухъ родовъ: простая *непредставимость* извѣстнаго факта или явленія, при данномъ состояніи нашихъ познаній,—и отсюда кажущаяся его невозможность; и *непостижимость*, какъ невозможность согласить его съ законами нашего мышленія, или съ неоспоримыми фактами нашего сознанія. Перваго рода непонятность—дѣло условное, и ни какъ не можетъ служить доказательствомъ невозможности чего-либо для насъ непредставимаго. Напр., до открытія силы тяготѣнія къ центру земли, люди ни какъ не могли понять, какимъ образомъ при шарообразности земли люди или предметы могли бы держаться на противоположной намъ сторонѣ ея, не обладая свойствомъ липкости или не будучи чѣмъ-либо прикрѣплены къ ея поверхности. Очевидно, что подобнаго рода непонятность естественно должна заключаться въ ученіи о твореніи міра изъ ничего, такъ какъ при настоящемъ порядкѣ вещей, гдѣ онѣ происходятъ изъ данныхъ прежде причинъ или условій, мы не видимъ ничего подобнаго, а не видя и представить себѣ не можемъ. Но это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ къ отрица-

нію возможности первоначальнаго происхожденія вещей изъ ничего. „Нельзя не удивляться“, справедливо замѣчаетъ Милль въ своей Логикѣ, „что такая важность иногда придается обстоятельству немыслимости, когда столько опытовъ показываютъ, что наша способность или неспособность представить себѣ вещь заключаетъ въ себѣ очень мало общаго съ возможностью вещи самой въ себѣ; что она есть собственно дѣло весьма случайное и зависитъ отъ минувшей исторіи и привычекъ нашего ума. Въ человѣческой природѣ нѣтъ болѣе общепризнаннаго факта, чѣмъ испытываемое сначала крайнее затрудненіе представить себѣ что либо возможнымъ, что противорѣчитъ давнишнему и привычному опыту или даже укоренившимся привычкамъ мысли. И это затрудненіе есть необходимый результатъ основныхъ законовъ человѣческаго ума; даже самый изощренный умъ не свободенъ отъ общихъ законовъ нашей способности представленія... Исторія науки представляетъ замѣчательные примѣры того, что наиболѣе образованные люди отвергали нѣкоторыя вещи, какъ невозможныя по своей немыслимости, тогда какъ потомство этихъ людей нашло ихъ совершенно легко мыслимыми. Было время, когда люди чрезвычайно развитаго ума и наиболѣе освободившіеся отъ предрасудковъ не могли вѣрить существованію антиподовъ, не могли представить себѣ, вопреки прежнему сочетанію идей, силу тяжести дѣйствующею не внизъ, а вверхъ“ и т. п. ¹⁾).

Но положимъ, говорятъ, непредставимое не есть еще невозможное. Тѣмъ не менѣе возможность наглядно представить данный фактъ или явленіе есть важное достоинство нашей мыс-

¹⁾ Милль, «Система Логикъ». Пер. Лаврова. 1865. Т. 1, стр. 282—284. «Если бы что нибудь, теперь непостижимое нами, было показано намъ какъ фактъ, то, пожалуй, мы и сами наняли бы себя способными постигнуть его. Мы подвергались бы даже опасности впасть въ противоположную ошибку и признать отрицаніе этого факта непостижимымъ. Въ исторіи науки встрѣчается много случаевъ, когда то, что считалось однажды непостижимымъ и что постигать люди научились съ большимъ трудомъ, до такой степени отвердѣло потомъ въ узахъ неразрывной ассоціаціи, что люди науки стали думать, что одно это только и постижимо, а непостижимы именно противорѣчащія ему гипотезы, въ которыя вѣрило все человѣчество и въ которыя, вѣроятно, и до сихъ поръ вѣрить огромное болышинство... Итакъ непостижимость есть чисто условная вещь, возникающая отъ умственныхъ аптецедентовъ человѣческаго духа въ нѣкоторый отдѣльный періодъ и не можетъ просвѣтить насъ относительно возможности въ природѣ чего-либо».

ли, которое дѣлаетъ ее болѣе удобопріемлемою для разума, чѣмъ мысль, которая совершенно лишена этого качества. Въ этомъ отношеніи другія теоріи происхожденія міра имѣютъ несомнѣнныя преимущества предъ ученіемъ о твореніи изъ ничего.

Правда, какъ дуалистическая, такъ и пантеистическая теоріи имѣютъ въ свою пользу нѣкоторыя аналогіи дѣйствительнаго происхожденія вещей въ мірѣ,—первая произведеніе человѣкомъ различныхъ вещей изъ даннаго матеріала, послѣдняя,—органическое развитіе. Здѣсь мы имѣемъ точки сближенія съ опытомъ, съ тѣмъ, что мы видимъ и что, какъ кажется намъ, понимаемъ ¹⁾. Но очевидно, что этого рода понятность низшаго сорта, если можно такъ выразиться; это ясность представленія, сравненія, а не философскаго понятія. Съ этою понятностію или лучше,—наглядностію, мы переносимся съ высшаго на низшій уровеньъ познанія, изъ сферы понятія въ сферу представленія. Если же придаемъ этому сравненію больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, принимаемъ эти аналогіи серьезно и строго, то неминуемо впадаемъ, какъ то и случилось съ дуализмомъ и пантеизмомъ, въ противорѣчія и безвыходныя затрудненія. Мы ограничиваемъ Божество,—смѣшиваемъ его съ міромъ. Что выигрывается въ ясности представленія, то теряется въ истинѣ понятія.

Впрочемъ, что касается до аналогій и вытекающей отсюда своего рода понятности или лучше—представимости предмета, то и теорія творенія не совершенно лишена этого достоинства. Въ области реальнаго бытія найдутся нѣкоторыя аналогіи и тому происхожденію чего либо изъ ничего, понятіе о которомъ такъ затруднительно для мысли. Обратите вниманіе на область болѣе совершеннаго, и потому болѣе близкаго къ

¹⁾ Хотя въ сущности каждый естественный процессъ происхожденія вещей для насъ далеко непонятенъ. На опытѣ мы видимъ только процессъ во времени чередующихся отдѣльныхъ фактовъ, но не самый способъ перехода ихъ изъ одного въ другой. Такъ, напримѣръ, въ химіи два тѣла соединились образуютъ новое, непохожее на нихъ тѣло; мы видимъ факты, но какъ и *отчего* образовалось новое тѣло, не понимаемъ. Точно также для насъ въ сущности непонятенъ и процессъ образованія растенія изъ сѣмени, животнаго изъ зародыша. Мы напрасно думаемъ, будто уясня болѣе и болѣе подробности этого процесса (напр. въ эмбриологіи человѣка) и сопровождающія его вѣшнія условія, скольконибудь подвигаемся къ дѣйствительномъ пониманіи сущности этого процесса.

всесовершенному, духовнаго бытія и на акты нашей ограниченной свободы. Если эта свобода не пустое слово, то каждый истинно свободный актъ не есть ли положеніе чего-либо новаго, не вытекающаго необходимо изъ прежде данныхъ условій. Не начинаемъ ли мы этимъ актомъ, по крайней мѣрѣ въ психической жизни, новаго ряда явленій, не условленныхъ ничѣмъ, кромѣ нашей свободы? Далѣе, совершеннѣйшія произведенія нашего разума и воли въ области науки, искусства, общественной жизни, ужели суть необходимые только результаты прежде данныхъ условій, простая ихъ комбинація, въ которую не вошло ничего новаго кромѣ бывшихъ прежде? Не создаетъ ли здѣсь духъ человѣка въ его высшемъ развитіи, такъ называемый геній, чего-либо совершенно новаго,—не происходитъ ли и здѣсь нѣчто изъ ничего? Не вводятся ли здѣсь въ жизнь, если не новыя какія либо матеріальныя существа, то новыя идеи, новыя комбинаціи матеріальныхъ элементовъ, напр. въ созданіяхъ искусства и техники? Не даромъ актъ созданія гениальныхъ произведеній называютъ *творчествомъ*, терминомъ, которымъ обозначается абсолютное созданіе вещей Богомъ. Въ этомъ духовномъ творествѣ мы поистинѣ видимъ нѣкоторую аналогію съ процессомъ созданія изъ ничего.

Конечно, эта аналогія не должна имѣть значенія больше, чѣмъ сколько нужно для нѣкотораго уясненія дѣла; искать въ ней ключа къ объясненію самаго процесса творенія міра изъ ничего, въ области философскаго мышленія, было бы напраснымъ трудомъ. Принимая ее во всей строгости, мы натолкнулись бы на затрудненія не меньшія тѣхъ, въ какія впадаетъ дуализмъ и пантеизмъ.

Кромѣ непонятности даннаго факта, зависящей отъ невозможности представить его наглядно, вслѣдствіе отсутствія аналогичныхъ съ нимъ явленій въ опытѣ, есть, какъ мы замѣтили, еще другаго рода, дѣйствительная непонятность, происходящая или отъ противорѣчія какой-либо мысли законамъ нашего разума, или отъ естественной неспособности нашего ограниченнаго разума обнять умомъ какой-либо фактъ, превышающій его силы. Мы не можемъ напр. понять, какъ какая либо вещь можетъ существовать и не существовать, данное понятіе быть истиннымъ и въ то же время ложнымъ, какое либо

явленіе имѣть причину и въ то же время не имѣть ея и т. п. Мы не можемъ понять своимъ ограниченнымъ разумомъ бытія абсолютнаго и неограниченнаго, потому что здѣсь нѣтъ соотвѣтствія между познающимъ и познаваемымъ; вполне понять безконечное можетъ только существо безконечное; въ силу этого высочайшему Существому мы приписываемъ предикатъ *непостижимости*. Въ какомъ изъ этихъ двухъ отношеній можетъ быть названъ непонятнымъ актъ творенія? Очевидно не въ первомъ; мы старались доказать, что мысль о твореніи міра не только не представляетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго разуму, но вполне оправдывается съ точки зрѣнія здоровой философіи. Итакъ, она можетъ заключать въ себѣ элементъ непостижимости только въ томъ отношеніи, что выражаетъ собою фактъ, по существу своему превышающій силу ограниченаго, человѣческаго разумѣнія. Такой элементъ мы охотно признаемъ въ ученіи о твореніи и онъ дѣйствительно долженъ существовать въ немъ, въ силу того, что актъ творенія есть актъ воли абсолютной и всемогущей. Для насъ совершенно непонятно, *какъ* не сущее прежде становится сущимъ, какъ вслѣдствіе простаго акта божественной воли можетъ явиться бытіе отличное и отдѣльное отъ Бога по существу? Нѣтъ, по выраженію Шеллинга, никакого моста, по которому мы могли бы перейти отъ небытія къ бытію; такой переходъ можетъ быть мыслимъ только какъ внезапный актъ, непостижимый скачекъ (Sprung).

Но такого рода непостижимость акта творенія никакъ не можетъ служить препятствіемъ для принятія понятія о твореніи въ область философіи. Задача философіи не въ томъ, чтобы отвергать все непостижимое и усиливаться дѣлать понятнымъ то, что по существу не доступно для человѣческаго пониманія, но въ томъ, чтобы изъ возможныхъ рѣшеній извѣстнаго вопроса избирать то, которое представляется наиболѣе удовлетворительнымъ для разума, хотя бы это рѣшеніе и не было полнымъ и окончательнымъ. Съ этой точки зрѣнія, теистическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра есть единственно обязательное для разума. Мы видѣли, что другія рѣшенія совершенно несостоятельны; противъ нихъ стоитъ единственно возможная теорія, которую несмотря на ея достоинство, можно упрекнуть лишь въ томъ, что объясняя *многое*, она не объяс-

нять *всею* въ данномъ вопросѣ. Но что разумнѣе и обязательнѣе для разума: принять ли теорію, которая хотя имѣетъ нѣкоторую темную сторону, но не противорѣчитъ ни мышленію, ни опыту; или допустить теоріи, которыя хотя на первый взглядъ кажутся болѣе ясными, но при ближайшемъ разсмотрѣніи ничего не объясняютъ, напротивъ запутываются въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ? Теорія творенія міра въ сравненіи съ другими имѣетъ по крайней мѣрѣ ту понятную сторону, что вполне удовлетворительно объясняетъ отношеніе производящей причины къ ея произведенію. Въ свободномъ творческомъ актѣ божественной воли мы находимъ достаточную причину происхожденія міра; такой актъ вполне согласенъ какъ съ идеею о Богѣ, какъ существѣ всесовершенномъ, такъ и съ понятіемъ о мірѣ. Законосообразность и гармонія въ мірѣ, равно какъ и существованіе въ немъ духовныхъ существъ (чего не можетъ объяснить матеріализмъ) находятъ свое основаніе въ высочайшемъ совершенствѣ Творца; а ограниченность міра и его недостатки (чего не можетъ объяснить пантеизмъ) объясняются отдѣльностью міра отъ Бога, какъ его творенія, а не проявленія его собственной природы.

Ученіе о твореніи міра упрекаютъ иногда въ томъ, что, основываясь главнымъ образомъ на указаніи недостатковъ другихъ теорій происхожденія міра, само страдаетъ тѣми же недостатками. Такъ, защитники творенія въ вину пантеизму ставятъ то, что онъ не можетъ объяснить происхожденія ограниченности, несовершенствъ и зла въ мірѣ. Міръ такой, каковъ онъ есть, не можетъ быть съ своими недостатками развитіемъ абсолютно совершенной субстанціи—Бога, слѣдовательно онъ можетъ быть только Его твореніемъ. Но, говоря, и допуская идею творенія, вы ничего не выигрываете противъ пантеизма. Раждается вопросъ: какимъ образомъ Богъ—существо всесовершенное, могъ *создать* бытіе несовершенное, съ возможностью появленія въ немъ зла? Если изъ несовершенствъ міра вы заключаете, что онъ не можетъ быть модификаціей Божества, то отсюда же вы должны заключать, что онъ не можетъ быть и Его твореніемъ, потому что несовершенное твореніе не достойно совершеннаго Творца.

Правда, и теорія творенія сама по себѣ и внѣ связи съ другими философскими понятіями не рѣшаетъ окончательно

вопроса о происхожденіи несовершенствъ и зла въ мірѣ. Но очевидно несправедливо то, будто затрудненія, касающіяся примиренія несовершенства міра съ совершенствомъ Творца, одни и тѣ же и для пантеизма и для теизма. Иное дѣло сказать, что самыя несовершенства міра суть видоизмѣненія или проявленія божественной природы, и иное дѣло признать, что они заключаются въ бытіи совершенно отличномъ и отдѣленномъ отъ Бога. Въ послѣднемъ случаѣ предполагается возможность объяснить ихъ изъ самихъ особенностей сотвореннаго бытія, какъ сотвореннаго; въ первомъ—такая возможность рѣшительно исключается. Въ самомъ дѣлѣ, теорія творенія устраняетъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ самыхъ важныхъ неразрѣшимыхъ для пантеизма вопросовъ,—о такъ называемой конечности или ограниченности міра. Трудно понять, какимъ образомъ абсолютное могло принять на себя формы ограниченія; но вполне понятно, что міръ, какъ *твореніе*, долженъ не быть божествомъ, слѣдовательно, долженъ былъ явиться ограниченнымъ; иначе онъ долженъ бы быть тождественъ съ Богомъ. Такимъ образомъ уже въ самомъ понятіи творенія заключается рѣшеніе вопроса объ его ограниченности; а если съ понятіемъ ограниченности необходимо соединяется мысль и о его несовершенствѣ, въ сравненіи съ абсолютно совершенною природою Творца, то вотъ мы имѣемъ ключъ и къ объясненію несовершенствъ въ мірѣ,—ключъ, который совершенно затерянъ въ пантеизмѣ. Теорія творенія сама по себѣ не рѣшаетъ только вопроса о происхожденіи въ мірѣ такихъ несовершенствъ, которыя зависятъ не отъ одной только ограниченности его, но и отъ другихъ, не вытекающихъ прямо изъ понятія ограниченности причинъ,—то есть теорія творенія не объясняетъ намъ происхожденія нравственнаго зла въ мірѣ. Но и здѣсь она подаетъ нѣкоторую надежду на объясненіе этого явленія, тогда какъ въ пантеизмѣ, отрицающемъ отдѣльное отъ абсолютнаго бытіе вещей, мы должны отъ нея отказаться. Эта надежда заключается въ понятіи относительной самостоятельности и свободы, которая составляетъ принадлежность разумныхъ существъ въ мірѣ; здѣсь мы можемъ найти независимый отъ Бога по своему происхожденію источникъ нравственнаго зла.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО.

(ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА).

Человѣкъ возвышается надъ міромъ живыхъ существъ земныхъ, между прочимъ, тѣми „высшими чувствами“, которыя свойственны только ему и лежатъ въ основѣ величайшихъ проявленій творческой дѣятельности его духа. Изъ нихъ весьма важное значеніе въ духовной жизни его имѣетъ „чувство эстетическое“, подъ именемъ котораго разумѣется особый классъ душевныхъ волненій, съ рѣзко выдающимся характеромъ пріятности, удовольствія, — чувствованій, возбуждаемыхъ въ человѣкѣ такъ называемою красотою — въ природѣ, въ жизни человека и въ искусствѣ, или — „прекраснымъ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Красота, прекрасное — въ прежнее и еще очень недавнее время представлялась, какъ нѣкоторое сверхчувственное, идеальное — метафизическое начало, какъ отраженіе въ конечномъ мірѣ явленій — безконечной, абсолютной, идеальной красоты. Въ связи съ такимъ представленіемъ, въ человѣческомъ духѣ признавалось существованіе особаго органа для воспріятія этого начала — врожденная, прежде всякаго опыта данная, идея красоты, наряду съ идеями — истины, добра, Бога и т. п. Какъ начало метафизическое, „прекрасное“ — и самое чувство его — было предметомъ философскаго умозрѣнія, достояніемъ метафизики. Красота и чувство красоты не подвергались психологическому анализу, на основаніи опыта и наблюденія. Но за-то, въ связи съ ученіемъ объ искусствѣ, метафизика „прекраснаго“ сформировалась въ особую науку, извѣстную подъ именемъ

эстетики... Съ паденіемъ метафизики и метафизической эстетики въ послѣдней ихъ, весьма грандіозной и заманчивой, формѣ—гегелианства, получила преобладаніе еще раньше явившаяся мысль, что прекраснаго *an und für sich* вовсе нѣтъ, что оно есть субъективный процессъ, что идея его—очень сложная—получается эмпирически, что въ основѣ его лежитъ чувство тоже очень сложное, требующее самаго тщательнаго наблюденія и анализа, что отъ этого эмпирическаго изслѣдованія и анализа чувства зависитъ научное пониманіе прекраснаго и объясненіе искусства. Подъ вліяніемъ этой мысли теорія искусства, эстетика, превращается изъ метафизической въ опытную науку. Основую ея служатъ, при этомъ, фізіологическія и психологическія наблюденія надъ чувствомъ эстетическимъ ¹⁾. Первый опытъ довольно подробнаго изслѣдованія и анализа чувства эстетическаго въ психологіи является у Гербарта и его послѣдователей, затѣмъ у Вундта, у Бэна и Спенсера. Въ этихъ и другихъ изслѣдованіяхъ собрано и обработано много довольно точныхъ научныхъ данныхъ относительно прекраснаго и его чувства, и психологія обогатилась интересною главою объ эстетическихъ чувствованіяхъ. Усиливающееся сознаніе громаднаго значенія въ жизни человѣка этихъ чувствованій и ихъ главнаго возбудителя—искусства, послѣ кратковременнаго презрѣнія къ нимъ, особенно рѣзко выразившагося въ нашей литературѣ; указаніе Дарвиномъ важной роли, которую будто бы играло чувство красоты въ самомъ процессѣ образованія животныхъ организмовъ и человѣка, — все это, естественно, съ особенною силою привлекаетъ философовъ и естествоиспытателей къ изслѣдованію въ этой области и обезпечиваетъ дальнѣйшій успѣхъ этого отдѣла психологіи.

¹⁾ Образцами такого построенія эстетики, правда, еще только зарождающейся, могутъ служить: «Научные принципы изящныхъ искусствъ» (*Principes scientifiques des beaux arts*), Брюкке и Гельмгольца; *Uorchule der Aestetik*, Fechner'a, — съ преобладаніемъ чисто психологическаго наблюденія и анализа. Въ нашей литературѣ въ томъ же родѣ есть произведенія, какъ: «Психофизическія основанія эстетики», 1878 г., Велямовича, сводящаго прекрасное къ полезному; «Фізіологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты» (1878), Оболенскаго.

Чувство эстетическое обуславливается въ своемъ происхожденіи нѣкоторыми свойствами внѣшнихъ предметовъ и нашихъ внутреннихъ состояній или, точнѣе, своеобразнымъ дѣйствіемъ ихъ на нервы и душу. Чувство это относится, по своему характеру, къ разряду пріятныхъ по преимуществу; можно сказать, что оно абсолютно пріятно. Правда, отсутствіе въ предметѣ свойствъ, возбуждающихъ эстетическое волненіе, а тѣмъ болѣе присутствіе его антагонистовъ, свойствъ, оскорбляющихъ эстетическое чувство, производитъ непріятное состояніе, непріятное чувство—безобразія и т. п.; но это состояніе не принято называть эстетическимъ (оно становится эстетическимъ чрезъ смѣхъ). Безусловная пріятность эстетическаго чувства уже отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ пріятностей, всегда связанныхъ съ непріятными состояніями разнаго рода; напр., самое пріятное изъ другихъ чувствованій—любовь—весьма часто связано съ непріятностью отсутствія взаимности и т. п. непріятностями. Характеристическія особенности предметовъ, способныхъ возбуждать эстетическое чувство и обуславливающихъ его пріятность, состоятъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, они непосредственно-прямо, сами собою, своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній и воспоминаній,—возбуждаютъ въ насъ удовольствіе. Этимъ они рѣзко отличаются отъ предметовъ такъ называемыхъ полезныхъ, видъ которыхъ и обладаніе которыми также возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство, но не прямо, а въ силу представленія о тѣхъ удовольствіяхъ и выгодахъ, какія они намъ доставляютъ и могутъ доставлять. Правда, предметъ полезный можетъ и непосредственно возбуждать пріятное чувство и, слѣдовательно, съ чувствомъ пользы можетъ соединиться чувство эстетическое,—соединиться пріятное съ полезнымъ; но это будутъ два разныя чувства, явившіяся въ сочетаніи по смежности. Полезный предметъ можетъ быть безобразнымъ и не только не возбуждать эстетическаго чувства, но даже можетъ, какъ говорится, оскорблять его,—точнѣе,—возбуждать противоположное ему состояніе; и наоборотъ, предметъ возбуждающій эстетическое чувство можетъ быть и бываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ—совершенно бесполезнымъ, т. е. стоящимъ внѣ

всякой связи съ потребностями жизни, съ интересами личности рода. Этимъ, далѣе, эстетическая пріятность отличается отъ пріятности чувствъ гнѣва, любви и т. п., которыя стоятъ въ прямой связи съ самосохраненіемъ личности и рода. Вторая характеристическая особенность предметовъ, возбуждающихъ эстетическое чувство, состоитъ въ томъ, что они не заключаютъ въ себѣ прямо и непосредственно никакихъ свойствъ, принадлежностей, способныхъ возбуждать сильныя непріятныя состоянія. По крайней мѣрѣ, эти свойства должны быть доведены до послѣдняго мінімум'а. Правда, самый прекрасный предметъ, т. е. обладающій всѣми свойствами, способными возбуждать эстетическое чувство, въ силу какихъ-нибудь непріятныхъ опытовъ, съ нимъ связанныхъ, можетъ непріятно дѣйствовать; но это будетъ лежать внѣ самаго предмета, будетъ съ нимъ въ случайной связи, не нарушающей его эстетической природы. Этимъ свойствомъ изъ области эстетическаго исключается все грязное, безнравственное и т. п. Стремленіе имѣть объекты эстетическаго чувства, возбудителей его съ этимъ характеромъ, есть одинъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ къ искусственному созданію прекраснаго, которое въ природѣ часто соединяется съ непріятнымъ,—есть одно изъ главныхъ причинъ художественнаго творчества во всѣхъ областяхъ. Третья характеристическая особенность предметовъ эстетическаго волненія состоитъ въ томъ, что пользованіе или, точнѣе, наслажденіе ими не ограничивается однимъ или нѣсколькими индивидуумами: ими всегда можетъ наслаждаться неограниченное число людей, или, вообще, всѣ люди, оставляя ихъ цѣлыми и неприкосновенными, не истребляя и не уничтожая ихъ. Этою чертою предметы, возбуждающіе эстетическое чувство, также отличаются отъ всѣхъ другихъ предметовъ, доставляющихъ и могущихъ доставлять намъ удовольствіе. Однимъ и тѣмъ же кускомъ (пищи, лакомства) не могутъ наслаждаться не только нѣсколько людей, но даже двое и т. п. Оттого всѣ эти удовольствія порождаютъ соперничество и затѣмъ вражду между людьми. Они служатъ источникомъ раздора и разъединяютъ людей. Между тѣмъ, прекраснымъ видомъ, прекрасною картиною, музыкальною піэсою, поэтическимъ произведеніемъ мо-

гутъ наслаждаться милліоны людей,—всѣ въ одинаковой степени, или кто какъ можетъ, смотря по природнымъ свойствамъ и по степени развитія. Отъ этого предметы наслажденія не дѣлаются хуже, и ихъ не убываетъ. Отсюда смягчающая нравы сила прекраснаго, или, точнѣе, чувствъ возбуждаемыхъ имъ, и цивилизующая, гуманизирующая сила изящнаго искусства. Въ области эстетическаго чувства нѣтъ никакого мѣста враждебности, нѣтъ никакого повода къ ней. Люди здѣсь не мѣшаютъ другъ другу. Напротивъ, чѣмъ больше людей вмѣстѣ предаются эстетическому наслажденію, тѣмъ оно сильнѣе у каждаго изъ участниковъ—въ силу симпатіи. Не возбуждая вредныхъ, враждебныхъ чувствъ, не давая мѣсто ихъ развитію и, такимъ образомъ, отрицательно, при частомъ возбужденіи, подавляя ихъ, или ослабляя, эстетическое волненіе способствуетъ положительно возбужденію благожелательныхъ и возвышенныхъ волненій, по закону гармоніи или сродства въ области чувствованій: оно производитъ общій подъѣмъ всей жизни духа и потому-то, между прочимъ, служитъ лучшимъ источникомъ вдохновенія. Этимъ свойствомъ—изъ круга эстетическихъ исключаются объекты низшихъ чувствъ: ихъ всеобщность только прозрачная. Предметы эти лежатъ въ области слуха, зрѣнія и отчасти осязанія и мускульнаго чувства.

Ознакомившись съ особенностями предметовъ, возбуждающихъ эстетическое чувство, свойствами, дѣлающими эти предметы прекрасными, мы неизбежно встрѣчаемся теперь съ вопросомъ: какъ являются эти свойства, которыя, какъ и всякія свойства, суть дѣйствія предметовъ на нашъ организмъ и на нашу душу? Въ чемъ состоитъ, слѣдовательно, дѣйствіе на организмъ и душу объектовъ эстетическаго чувства?

Дѣйствіе это представляетъ, по самому существу дѣла, двѣ стороны, или два момента: дѣйствіе непосредственно на органы чувствъ внѣшнихъ предметовъ—естественныхъ и искусственныхъ,—дѣйствіе въ сферѣ ощущенія, или, точнѣе, чувственнаго воспріятія, и дѣйствіе на умъ и, вообще, на высшія силы и, въ свою очередь, воздѣйствіе ума на внѣшніе предметы—дѣйствіе красоты въ сферѣ духовной. Первое даетъ начало и основу такъ называемой физической красотѣ, второе—кра-

сотѣ въ области идей или представленій,—духовной красотѣ въ этомъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ—дѣйствіе чисто физическое или психофизическое; во второмъ оно осложняется умственными операціями—сравненія, воспроизведенія разнаго рода и особенно-операціями творческихъ построеній, или фантази, волненіями. Въ силу этого мы разсмотримъ сначала красоту физическую или психофизическую—въ области чувствъ, составляющихъ проводники эстетическаго возбужденія въ области слуха, зрѣнія и чувства мускульнаго; затѣмъ—красоту, протекающую изъ сочетанія съ физическими возбудителями внутреннихъ дѣятельностей—мысли, чувствъ и особенно—фантази.

Эстетическія волненія возникаютъ первоначально и въ низшихъ своихъ, простѣйшихъ формахъ, въ связи съ ощущеніями и чувственными воспріятіями—въ области слуха, зрѣнія и мускульнаго чувства—движеній, давая въ этомъ случаѣ начало сознанію присутствія въ природѣ такъ называемой физической красоты и побуждая къ созданію прекрасныхъ формъ въ искусствѣ. Съ этой точки зрѣнія, эстетическое волненіе есть особый видъ удовольствія, специфическій характеръ котораго, сравнительно со всѣми другими удовольствіями, опредѣляется тѣмъ, что оно есть специально удовольствіе гармоніи, исключительно связано съ воспріятіемъ, именно, гармоническихъ сочетаній звуковъ, цвѣтовъ и зрительныхъ формъ,—также движеній, при чемъ гармонія формъ и движеній обыкновенно называется симметриею. Подъ именемъ гармоніи—симметріи разумѣется такое сочетаніе звуковъ, зрительныхъ формъ и движеній въ одно болѣе или менѣе обширное, но всегда легко и удобно воспринимаемое цѣлое, части котораго, съ одной стороны, сходны между собою, даже тождественны и совпадаютъ взаимно, съ другой—представляютъ нѣкоторую разницу, не нарушающую этого сходства и не препятствующую совпаденію. Такимъ образомъ, гармонія, или чувство—сознаніе гармоніи, дающее начало эстетическому волненію, затѣмъ идеѣ красоты физической и самой этой красотѣ, сводится къ одновременному или послѣдовательному воспріятію сходствъ въ различіяхъ, или какъ выражаются эстетики, единства въ разнообразіи. Въ области звуковъ искусственно—въ музыкѣ—гармонія осуще-

ствляется въ согласіи, консонансѣ отдѣльныхъ звуковъ, въ правильномъ слѣдованіи и чередованіи отдѣльныхъ консонансовъ и цѣлыхъ группъ ихъ—въ такъ называемомъ ритмѣ, въ чередованіи высокихъ и низкихъ тоновъ, называемыхъ мелодіею, даже въ слабыхъ диссонансахъ, которыми гармонія не нарушается, только оттѣняется и становится рельефнѣе и отчетливѣе, увеличивая разнообразіе при единствѣ. Въ человѣческой рѣчи гармонія осуществляется въ правильномъ чередованіи слоговъ различной длины, удареній, также согласій, называемыхъ риѳмами: всѣ эти элементы гармоніи въ рѣчи, всякій въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, производятъ рѣчь музыкальную, или стихи. Въ области цвѣтовъ гармонія доселѣ не разложена на составные элементы. Считаются гармоническими такъ называемые дополнительные другъ къ другу цвѣта, т. е. изъ сочетаній которыхъ получается бѣлый цвѣтъ,—это: красный и зеленовато-синій, или голубой, оранжевый и синій; голубой, желтый и синій; голубой, зеленовато-желтый и фіолетовый. Гармонія формъ состоитъ въ согласіи фигуръ пространственныхъ въ ихъ прямой соизмѣримости, напр., въ правильно раздѣленномъ линіями четверугольникѣ, кругѣ и во всякой другой геометрической фигурѣ. Это симметрія въ собственномъ смыслѣ. Затѣмъ слѣдуетъ сочетаніе формъ по такъ называемому „золотому сѣченію“ (goldene Schnitt) или дѣленіе по „золотому правилу“, которое гласитъ: „цѣлое должно относиться къ большей части своей, какъ эта послѣдняя—къ меньшей“. Это дѣленіе аналогично съ ритмомъ въ музыкѣ, размѣромъ въ стихахъ. Какъ въ естественныхъ, такъ и искусственныхъ произведеніяхъ, отличающихся красотою формъ и возбуждающихъ описываемое элементарное эстетическое волненіе,—оба эти элемента сочетаются въ одно цѣлое (т. е. симметрія простая и симметрія, возникающая изъ раздѣленія по золотому правилу). Красота физическая человѣческой фигуры, животныхъ и растительныхъ формъ сводится къ этому, именно, сочетанію элементовъ красоты пространственной. Человѣческая, напр., фигура, съ одной стороны — двусторонне симметрична, съ другой—она пропорціональна, или построена по золотому правилу. Всякое нарушеніе порядка въ ту или другую сторону дѣлаетъ тѣло че-

ловѣческое физически безобразнымъ. Симметрия и пропорциональность частей составляетъ также и красоту физическую лица. Нарушеніе ея въ томъ или другомъ отношеніи дѣлаетъ лицо некрасивымъ, даже безобразнымъ (отсутствіе уха или глаза, одна щека слишкомъ выпуклая, другая впалая и т. п.). По отношенію къ движеніямъ имѣетъ значеніе, *mutatis mutandis*, все сказанное касательно формъ, тѣмъ болѣе, что самыя формы физическія воспринимаются при помощи движенія и суть какъ бы отвердѣвшія движенія нашего организма, отмѣченныя мускульнымъ чувствомъ. Надобно замѣтить, что ко всѣмъ этимъ основамъ красоты физической присоединяется еще привычка къ тому или другому роду гармоническихъ сочетаній во всѣхъ областяхъ. Привычка облегчать воспріятіе сложнаго гармоническаго цѣлаго повышаетъ и самое волненіе (эстетическое), подъ вліяніемъ этого воспріятія. Этимъ объясняется неоднаковое понятіе о красотѣ у различныхъ расъ и даже народовъ и отдѣльныхъ классовъ общества, хотя сюда входитъ, какъ увидимъ, нѣсколько другихъ факторовъ чисто психическаго характера, ассоціацій съ фигурою представленій психическихъ и физическихъ качествъ пріятныхъ почему-либо, также—случайно сформировавшагося вкуса—моды. При этомъ самыми красивыми признаются въ каждой расѣ индивидуумы, въ которыхъ характеристическія особенности расы, народа, класса общества—во всей фигурѣ или въ лицѣ, особенности, постоянно воспринимаемыя и ставшія привычными—повышаются, не нарушая общихъ законовъ симметріи. Европейцу кавказскаго племени нравится бѣлый цвѣтъ кожи, длинныя, прямыя и слегка завивающіеся волосы, овальные большіе глаза, прямой и слегка загнутый носъ, тонкія губы и проч. Негръ считаетъ человѣка красавцемъ, когда цвѣтъ кожи приближается къ цвѣту чернаго дерева, носъ до-нельзя приплюснуть, бѣлки глазъ блещутъ бѣлизною, губы необычайно толсты, волосы курчавы, какъ шерсть у овцы и проч. Человѣкъ монгольской расы считаетъ верхомъ красоты — голову кверху суженную (рѣдкою вверхъ), конусообразную, узкіе глаза, выдавшіеся скулы и пр. Искусственное увеличеніе красоты идетъ въ томъ же направленіи. Европейецъ — бѣлится, негръ—чернится, монголь

увеличиваетъ желтизну кожи; европеецъ расчесываетъ волосы и симметрически располагаетъ ихъ, негръ всклокочиваетъ и старается сдѣлать ихъ шапко-образными, монголь брѣетъ голову и оставляетъ на макушкѣ косу въ видѣ хвоста, чтобы увеличить остроконечность своей головы и т. п. Разнаго рода уродованія тѣла для украшенія, составляютъ при этомъ дѣло случайно возникающей моды, хотя, опять стоятъ въ нѣкоторой связи съ характерными особенностями того или другаго типа красоты (прокалываніе носовыхъ хрящей, ушей, удлиненіе черепа и т. п.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ чувство красоты человѣческаго лица и фигуры сводится къ гармоническому сочетанію частей тѣла или лица, только части эти имѣютъ различный характеръ, строеніе у различныхъ расъ. Эти, именно, различія, въ силу привычки, становятся основами пріятности для расы, обладающей ими, и отвратительными для другой, привыкшей къ другимъ составнымъ частямъ гармоническаго цѣлаго. Основа чувства красоты остается неизмѣнною, всюду тождественною, или, какъ говорятъ метафизики, абсолютною,—измѣняются только побочные, несущественные акцессуары и черты, пріятность которыхъ зависитъ отъ привычки, дѣлающей легкимъ воспріятіе постоянно испытываемаго. То же самое можно наблюдать и въ искусственныхъ прекрасныхъ формахъ у разныхъ расъ и народовъ (напр., въ архитектурныхъ произведеніяхъ): вездѣ гармонія, симметрія—необходимое условіе.

Красота физическая сводится, такимъ образомъ, къ воспріятію гармоніи въ звукахъ и цвѣтахъ и къ симметріи линій и величинъ пространственныхъ, также къ гармоніи и симметріи движеній. Причина пріятности воспріятія гармоническаго и симметрическаго въ предметахъ заключается въ особенной легкости нервной и душевной дѣятельности при этомъ. Направленіе и характеръ траты нервной силы остаются при воспріятіи гармоническаго и симметрическаго, въ цѣломъ, одними и тѣми же, и каждая послѣдующая форма дѣятельности готовится предыдущею, предопредѣляется ею и какъ бы ожидается; но съ тѣмъ вмѣстѣ въ каждый моментъ форма траты силы разнится, приводятся въ дѣятельность новые нервные элементы, а не тѣ, которые работали въ предыдущей формѣ. Этимъ устраняется всякое утомленіе нервовъ: они попеременно-

но работаютъ и отдыхаютъ. Характеръ элементовъ гармоническаго или симметрическаго цѣлаго, какъ мы видѣли, можетъ быть весьма различенъ,—собственно говоря,—можетъ разнообразиться до безконечности. При этомъ большая или меньшая пріятность воспріятія симметрическихъ и гармоническихъ сочетаній того или другаго характера зависитъ отъ привычки къ тому или другому характеру элементовъ. Привычка въ этомъ случаѣ производитъ особенную легкость воспріятія того, что часто воспринимается. Гармоническое или симметрическое сочетаніе звуковъ, цвѣтовъ, величинъ и движеній такого рода, которые рѣзко воспринимались или вовсе не воспринимались въ предшествовавшемъ опытѣ, воспринимается съ усиленіемъ и трудомъ. Этимъ пріятность гармоніи или симметріи ослабляется или даже вовсе устраняется и переходитъ въ чувство непріятности, даже отвращенія. На указанномъ сейчасъ принципѣ основывается, какъ мы видѣли, объясненіе различій въ понятіи о красотѣ у людей различныхъ расъ, народовъ, обществъ, положеній и т. п. Къ этому фактору присоединяется, конечно, нѣсколько другихъ дѣятелей чисто духовныхъ—ассоціацій разнаго рода.

Чувство красоты—эстетическое—повышается, становится полнѣе и напряженнѣе, когда воспріятіе физической красоты осложняется и дополняется разнаго рода чисто духовными состояніями пріятнаго характера, которыя вызываются физически-прекраснымъ,—цѣлымъ или какою-либо его частью и даютъ физической причинѣ то, что называется обыкновенно внутреннимъ содержаніемъ. Эстетическій характеръ такого осложненія, помимо прибавки къ существующему удовольствію новаго, имѣетъ своею причиною также и гармонію своего рода—гармоническое сочетаніе съ физической красотой внутреннихъ, чисто субъективныхъ состояній, такъ называемую гармонію формы съ содержаніемъ.

Сочетаніе съ физически-прекраснымъ пріятныхъ идей, волненій, стремленій и дѣйствій и образованіе этимъ путемъ его содержанія, совпадающаго и гармонирующаго съ формою, происходитъ—просто и естественно—въ силу того, что, напр., звуки всякаго рода, также зрительныя-пространственныя и цвѣтныя формы, формы всякаго рода движеній—открываютъ намъ

внутреннее существо вещей и—прежде всего—существо живыхъ, одушевленныхъ, служатъ знаками, символами ихъ внутреннихъ состояній и измѣненій, которыя мы толкуемъ по аналогіи съ своими собственными внутренними состояніями и измѣненіями, состоящими у насъ въ связи съ подобнаго же рода звуками, формами и движеніями. Потому есть звуки, формы и движенія простые по своему составу и неотличающіеся гармонією,—которыя прямо возбуждаютъ въ насъ пріятныя волненія, пріятныя представленія, желанія и т. п. Такъ, тихіе, замирающіе звуки, такъ называемые нѣжные, способны вызывать пріятное въ высшей степени настроеніе и даже волненіе нѣжности; тотъ же самый эффектъ имѣютъ и цвѣта, называемые нѣжными, тихія, плавныя движенія, фігуры дѣтей, миниатюрныхъ красивыхъ животныхъ и т. п. Звуки сильные, постепенно—*crescendo*—возрастающіе, вызываютъ прямо пріятное чувство силы и внутренней мощи; то же самое производитъ вся сильная фігура атлета, массивнаго предмета—зданія, горы, моря, бури. Звуки протяжные, заунывные, выраженія тихой грусти въ фигурѣ, видъ красивой развалины, пустыннаго ландшафта—вызываютъ пріятное возбужденіе особаго рода грусти, задумчивости. Звукъ веселаго смѣха, трелей, журчанія воды, щебетаніе птицъ, пляска и прыганье—возбуждаютъ прямо веселое настроеніе. Полетъ птицъ, движеніе облаковъ, вѣтры и т. п. могутъ вызывать пріятное чувство свободы; чувство это можетъ вызываться и нѣкоторыми звуками. Въ виду такой прямой связи звуковъ, зрительно-пространственныхъ и цвѣтовыхъ формъ, также формъ движенія съ пріятными душевными состояніями,—становится вполне понятнымъ, какимъ образомъ прекрасно сочетанное физическое цѣлое, гармоническая совокупность формъ, цвѣтовъ и движеній всею цѣлостью своею можетъ быть направлена къ тому, чтобы возбудить удовольствіе нѣжности, любви, или чувства силы и могущества, свободы, вызвать радость, веселость, пріятную грусть и т. п. Неизмѣнно возбуждая во всякомъ человѣкѣ или въ массѣ людей съ развитымъ вкусомъ въ томъ или другомъ отношеніи—то или другое волненіе, физическое прекрасное будетъ казаться само нѣжнымъ, могучимъ, грустнымъ, радостнымъ, веселымъ. Такъ обыкновенно и бываетъ. какъ прямо свидѣтельствуютъ всѣ языки:

человѣкъ переносить свое внутреннее состояніе, какъ свойство,—въ причину и дѣятеля, его вызывающаго неизмѣнно, помѣщаетъ свое чувство въ объективную совокупность звуковъ, формъ, движеній,—и говорить, что они проникнуты такимъ-то или такимъ чувствомъ, воплощаютъ его въ себѣ. Когда въ подобнаго рода произведеніи природы или искусства весь его составъ — стройно, полно, безъ всякой фальши, диссонанса и уклоненія въ сторону способенъ вызывать данное чувство пріятное, или, говоря метафизически, воплощать его въ себѣ, носить его въ себѣ, какъ свое духовное содержаніе, свою душу,—тогда при воспріятіи физически-прекраснаго, возникаетъ само собою добавочное волненіе чисто эстетическаго характера—чувство гармоніи формы и содержанія, единства ихъ при различіи по природѣ, чувство сліянія въ одно живое цѣлое разнороднаго по существу. Такимъ образомъ, простое само по себѣ—не-эстетическое удовольствіе нѣжности, силы, радости и т. п., соединяясь съ двойнымъ чувствомъ гармоніи, само получаетъ возвышенный, чисто эстетическій характеръ, а цѣлое, составленное изъ этихъ трехъ элементовъ, слитыхъ въ нераздѣльное единство, получаетъ характеръ красоты высшаго порядка, красоты одухотворенной, или — духовной. Само собою понятно, что такое идеальное сочетаніе встрѣчается нечасто—какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ. Понятное также дѣло, что одно произведеніе природы или искусства можетъ вызывать и всѣ указанные пріятныя чувства и часть ихъ, опять—въ гармоническомъ сочетаніи. Тогда удовольствіе эстетическое будетъ еще полнѣе, потому что получится новая гармонія, новое единство въ разнообразіи, новое, болѣе сложное, живое, одушевленное цѣлое. При этомъ удовольствіе еще усилится переходами отъ одного волненія, пріятнаго къ другому, потому что такое разнообразіе само по себѣ пріятно, исключая всякое утомленіе.

Какъ бы то ни было, въ описанномъ сочетаніи физическая красота одухотворяется и повышается, и мы такъ привыкаемъ къ этому одухотворенію, такъ настойчиво ищемъ его въ физически—прекрасномъ, что отсутствіе его въ гармоническомъ физически возбуждаетъ въ насъ неудовольствіе, даже отвращеніе (напр., красивое лицо, безъ опредѣленнаго выраженія какого-

либо духовнаго, внутренняго, пріятнаго содержанія; наборъ стройно сочетанныхъ музыкальныхъ фразъ, звучные стихи— безъ живой оригинальной мысли и чувства и т. п.). Мало того, присутствіе въ предметѣ духовнаго содержанія, вызовъ имъ въ насъ пріятныхъ душевныхъ возбужденій миритъ насъ съ отсутствіемъ въ предметѣ физической красоты и гармоніи, заставляетъ забывать и игнорировать даже безобразіе. Такъ, некрасивое лицо какъ-бы украшается выраженіемъ, напр., счастья, радости, вѣжности, силы духа, энергіи. Когда духовное содержаніе вполне не соотвѣтствуетъ внѣшней формѣ и прямо вызываетъ въ насъ чувство неудовольствія, воспріятіе самой большой красоты физической становится тягостнымъ и вполне непріятнымъ.

Эстетическое удовольствіе духовной красоты повышается еще побочными, во многихъ случаяхъ, возбужденіями пріятнаго характера, возникающими по ассоціаціи, при воспріятіи прекраснаго предмета. Эти ассоціаціи имѣютъ или часто личный характеръ, или общественный, національный и даже общечеловѣческой. Живое возникновеніе ихъ и сила удовольствія, ими вызываемаго и дополняющаго чисто эстетическое наслажденіе, зависитъ отъ подъема всѣхъ силъ духа, подъ вліяніемъ эстетическаго удовольствія, которое какъ бы ищетъ всюду себѣ поддержки. Состоятъ они изъ пріятныхъ воспоминаній—изъ собственной жизни, изъ исторіи своего народа или челоуѣчества,—гармонизирующихъ съ характеромъ воспринимаемаго прекраснаго и вызываемаго имъ волненія или настроенія; изъ возбужденія пріятныхъ желаній и стремленій, которыя влекутъ за собою творческія построенія пріятныхъ условій собственной жизни,—ряды живыхъ образовъ и мечтаній; изъ возбужденія энергической дѣятельности мысли, опять, въ гармоніи съ даннымъ прекраснымъ и т. п. Въ силу чистой своей субъективности, духовная красота, оставаясь, какъ и красота физическая, безотносительною по своей сущности, по своему составу, одинаковою у всѣхъ людей, подвергается, какъ и послѣдняя, измѣненіямъ, зависящимъ отъ особенностей матеріала, входящаго въ составъ ея у людей различнаго характера, разныхъ національностей, разныхъ общественныхъ положеній и, опять, отъ привычки воспринимать гармоническое сочетаніе формы и содержанія такого, а не другаго характера. Этимъ объясняется

то, что на одного человѣка производитъ болѣе сильное впечатлѣніе воплощеніе въ прекрасномъ силы, величія, свободы,—другой—наслаждается болѣе выраженіемъ печали,—третій—радости, невинности, простодушія и т. п. Отъ этого же зависятъ существованіе національной музыки, живописи, архитектуры, особенностей національнаго вкуса къ картинамъ природы. Мелодія, картина, приводящія въ восторгъ русскаго человѣка, не вызовутъ такого волненія у француза, нѣмца, вызовутъ даже, пожалуй, эстетическое страданіе, и наоборотъ.

Но и этимъ не исчерпывается еще духовная красота и средства, ея усиливающія и разнообразящія. Одухотворяя звуки, формы, движенія своимъ чувствомъ, своими мыслями и желаніями, воспоминаніями и навыками, одухотворяя, такимъ образомъ, всю природу, человѣкъ еще олицетворяетъ ее и тѣмъ создаетъ новое гармоническое отношеніе къ ней и новый источникъ эстетическаго наслажденія. Олицетвореніе предметовъ и явленій природы вызываетъ у человѣка само-собою и естественно въ самыя раннія эпохи его развитія, въ качествѣ объясненія, гипотезы и оставляетъ глубокіе слѣды во всѣхъ языкахъ, переполненныхъ метафорами, олицетвореніями. Но, теряя постепенно это свое первоначальное значеніе, оно остается какъ источникъ эстетическаго удовольствія и обнимаетъ собою всѣ сферы бытія. Олицетворяются всѣ отдѣльные предметы и явленія физическаго мира, явленія личной и общественной жизни человѣка, племени и народа, вся, наконецъ, природа. Причина высокаго наслажденія, вызываемаго такими олицетвореніями, въ связи съ красою, зависитъ отъ того, что въ нихъ уничтожается разладъ между разумнымъ духомъ и бессознательною природою,—получается своего рода сліяніе, единеніе духа съ внѣшнимъ міромъ, т. е. гармонія противоположностей,—осуществляется, въ фантазіи, гармонія самаго высокаго порядка. Въ извѣстной степени созданіе такой гармоніи доступно всѣмъ людямъ; но она достигаетъ своей полноты только у людей съ богатою фантазіею и особаго рода чутьемъ—у такъ называемыхъ поэтовъ, которые являются въ этомъ смыслѣ толкователями природы, помогающими остальнымъ людямъ войти съ ней въ живое общеніе и гармоническое соотношеніе.

Физически-прекраснымъ формамъ дается соответствующее

содержаніе духовное, при помощи сочетанія съ ними, пріятныхъ волненій разнаго рода,—сочетанія гармоническаго—объединенія и сліянія формы съ содержаніемъ. То-же самое достигается и путемъ чисто интеллектуальнаго акта олицетворенія природы и жизни человѣческой, конечно, въ образахъ, способныхъ возбуждать удовольствіе, которое при этомъ увеличивается еще пріятнымъ чувствомъ родства, гармоніи съ не разумнымъ и даже мертвымъ механическимъ бытіемъ, уничтоженія разлада между этимъ послѣднимъ и человѣческимъ духомъ. Къ этому же разряду нужно отнести построеніе идеальнаго совершенства формъ человѣческой личности—изображеніе гармоническаго сочетанія высшихъ силъ духа (Созерцаніе гармоніи въ ходѣ природы и міровой жизни). Но эстетическое волненіе можетъ быть возбуждаемо даже тяжелыми и непріятными по своей природѣ чувствованіями, каковы—страхъ, ужасъ гнѣвъ, ненависть, горе, разочарованіе, мученія совѣсти и т. п., также мрачными, даже отвратительными образами и картинами—демоновъ, злодѣевъ, преступленій, нравственнаго паденія и униженія человѣка и т. п. Только волненія эти въ этомъ случаѣ должны стать—такъ или иначе—пріятными и возвышать человѣка, наслаждающагося ими. Возможность превращенія непріятнаго и отвратительнаго въ пріятное основывается на томъ, что состоянія и свойства эти, созерцаемыя нами въ другихъ и воспринимаемыя только идеально, могутъ быть, какъ извѣстно, пріятными, возбуждая душевную дѣятельность, давая возможность иногда испытывать незнакомыя почти волненія, т. е. новыя,—также пріятное чувство своего превосходства и своего положенія. Когда удовольствія такого рода возбуждаются дѣйствительными страданіями и униженіемъ живымъ существъ,—они не имѣютъ эстетическаго характера, потому что должны осложняться неудовольствіемъ, которое можетъ перейти прямо въ страданіе при симпатическомъ поставленіи себя на мѣсто страдающихъ и униженныхъ. Если же этого не бываетъ, то получается нехорошее чувство—злорадство или унижительное для существа разума состояніе неспособности понимать бѣдствіе и страданіе другихъ людей и существъ (неразумныхъ). Въ силу этого, чисто эстетическое удовольствіе отъ (созерцанія) непріятнаго и тягостнаго воз-

можно только при созерцаніи его въ художественныхъ произведеніяхъ искусства, когда дѣйствительное страданіе отсутствуетъ и дано только въ идеѣ, образѣ—въ статуѣ, картинѣ, поэмѣ, драмѣ, романѣ и т. п. Но даже и при этомъ—осуществленіе его въ душѣ созерцающаго требуетъ довольно высокаго уровня умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія. Иначе и поэтическое изображеніе страданій и униженія вызоветъ впечатлѣніе дѣйствительности, пораждая дѣйствительное страданіе или дурные инстинкты и чувства, которые, какъ такіе, уже исключаются изъ области эстетическаго.

Къ области эстетическихъ волненій относится также чувство смѣшнаго, съ его видами—комическимъ и юморомъ, которыя возбуждаются воспріятіемъ любаго рода гармоніи въ дисгармоніи всякаго рода—въ природѣ и искусствѣ. Волненіе это имѣетъ особое, специальное физическое выраженіе, отъ котораго получило названіе,—очень тонкое и сложное по своему строенію—съ внутренней, психической стороны. Хотя выраженіе чувства „смѣшнаго“—рефлексъ смѣха связанъ съ другими волненіями—съ простымъ удовольствіемъ, радостью, злорадствомъ и т. п.; но, по своимъ психическимъ причинамъ и, вѣроятно, и физиологическимъ, здѣсь онъ есть нѣчто особое, непохожее на смѣхъ удовольствія и радости. Тамъ онъ возникаетъ изъ особаго расположенія мускуловъ лица—удобнаго, легкаго, пріятнаго, гармонирующаго съ внутреннимъ состояніемъ и повышенной дѣятельности нервной системы. Здѣсь онъ является результатомъ особаго соотношенія душевныхъ дѣятельностей и особаго состоянія нервной системы, и имѣетъ близкое родство съ рефлексомъ смѣха, возбуждаемымъ щекотаніемъ, которымъ вызывается удовольствіе своего рода и страданіе вмѣстѣ. И смѣхъ здѣсь направленъ скорѣе къ заглушенію, нейтрализаціи страданія, чѣмъ къ увеличенію выраженія и поддержкѣ удовольствія. Кромѣ того, смѣхъ эстетическій, какъ и чувство смѣшнаго свойственны одному только человѣку, тогда какъ смѣхъ удовольствія наблюдается и у животныхъ: не имѣя чувства „смѣшнаго“, животные также не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ смѣха и подъ вліяніемъ щекотанія.

Веніаминъ Снегиревъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Ноября № 22. 1891 года.

Содержаніе. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Положеніе о стипендіи въ Харьковской Духовной Семинаріи имени протоіерей Аполлонія Солодовникова.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта —Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1890/91 учебный годъ.—Отъ Совѣта того-же Училища.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, отъ 1-го Ноября 1891 года, за № 5261.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Представленіе Вашего Преосвященства, отъ 9-го минувшаго октября за № 215, въ коемъ ходатайствуете: а) объ учрежденіи въ Харьковской духовной семинаріи стипендіи имени умершаго протоіерей гор. Валокъ, Харьковской епархіи, Аполлонія *Солодовникова* на $\frac{1}{2}$ сѣ капитала въ 3000 руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію Солодовникова и заключающагося въ срочномъ (по іюнь 1896 г.) билетѣ Харьковскаго купеческаго банка на сумму 2000 руб., въ семи билетахъ государственнаго банка на 900 руб. и въ одномъ билетѣ 1-го внутренняго сѣ выигрышаи займа, каковой капиталъ имѣеть быть внесенъ, по окончаніи срока билету купеческаго банка, на вѣчное время въ государственный банкъ, и б) объ утвержденіи проекта положенія о сей стипендіи. Приказали: по разсмотрѣніи настоящаго ходатайства, Святѣйшій Синодъ, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9-го мая 1881 года (Церк. Вѣст. № 25—

26), опредѣляетъ: 1) учредить въ Харьковской духовной семинаріи стипендію имени умершаго протоіерея г. Валокъ Аполлонія Солодовникова на $\frac{0}{100}$ съ завѣщаннаго имъ для сего капитала въ три тысячи рублей и 2) проектъ положенія о сей стипендіи утвердить; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ копій съ положенія о стипендіи для руководства, въ потребныхъ случаяхъ, Правленію Харьковской Семинаріи.

Положеніе о стипендіи въ Харьковской Духовной Семинаріи имени протоіерея Аполлонія Солодовникова.

§ 1.

Стипендія учреждается на проценты съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго Харьковской духовной семинаріи протоіереемъ Аполлоніемъ Солодовниковымъ, заключающагося въ настоящее время въ разныхъ процентныхъ бумагахъ и имѣющаго быть въ 1896 г. помѣщеннымъ въ государственный банкъ на вѣчное время.

§ 2.

Стипендіатъ избирается Правленіемъ Семинаріи изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ воспитанниковъ семинаріи духовнаго происхожденія, изъ уроженцевъ Харьковской епархіи, преимущественно г. Валокъ и Валковскаго уѣзда, и утверждается епархіальнымъ Преосвященнымъ.

§ 3.

Если стипендіатъ по усѣхамъ и поведенію окажется не достойнымъ стипендіи, то оная передается другому, достойнѣйшему воспитаннику.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства въ гор. Харьковѣ открыто Харьковское Уѣздное Отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Въ составъ сего отдѣленія вошли нижеслѣдующія лица: Предсѣдатель—протоіерей Харьковской Усѣкновенской, на городскомъ кладбищѣ, церкви, Павелъ Ковалевскій; члены: священники Харьковскихъ церквей: Андрей Балановскій, Василій Лихницкій, Василій Поповъ; слоб. Казачьей Лопани свящ. Филаретъ

Автоновъ, слоб. Русскихъ Тишковъ священ. Іоаннъ Кипріановъ, слоб. Липецъ свящ. Митрофанъ Шебатинскій, г. инспекторъ народныхъ училищъ И. Я. Литвиновъ; учителя Харьковскаго духовнаго училища: Н. Н. Любарскій и В. В. Марченко, купцы города Харькова: А. Н. Хлѣбниковъ и С. Я. Толкачевъ. Кромѣ сихъ лицъ, на основаніи существующихъ положеній, непремѣнными членами Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія состоятъ оо. окружные наблюдатели церковно-приходскихъ школъ и гг. земскіе начальники Харьковскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское епархіальное попечительство проситъ оо. благочинныхъ епархіи взыскать съ священно-и-церковно-служителей епархіи и представить въ попечительство опредѣленные XIII епархіальнымъ съѣздомъ духовенства взносы въ пользу семействъ умершихъ: а) протоіерея Николаевской церкви, с. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Алексія Иннокова, священника Анненской церкви, с. Андреевки, Волчанскаго уѣзда, Алексія Попова и б) псаломщика Ахтырско-Богородичной церкви, с. Бугаевки, Изюмскаго уѣзда, Леонтія Дзюбанова.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ

за 18⁹⁰/91 учебный годъ.

1. Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ Училищѣ, сравнительно съ концомъ 18⁸⁹/90 учебнаго года, въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

а) По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ помощницы воспитательницъ, по окончаніи годичнаго срока своей службы, выбыли изъ училища, и на ихъ мѣста, постановленіемъ Совѣта отъ 5 мая 1890 года, опредѣлены на 18⁹⁰/91 учебный годъ окончившія курсъ въ маѣ 1890 года дѣвочки: Ксенія Дахнѣвская, Анна Лашкарева, Серафима Пономарева 1-я, Серафима Пономарева 2-я, Антонина Приходькова, Елена Соколова и Софія Уманцова.

б) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 8 августа 1890 г. учи-

тельница приготовительнаго класса М. Д. Покидайлова, по причинѣ вступленія въ замужество, уволена отъ службы въ Училищѣ, и на ея мѣсто опредѣлена окончившая курсъ въ Харьковской Маріинской женской гимназіи, дочь протоіерей, дѣвица Таисія Андреевна Щелкунова.

в) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 12 сентября 1890 года помощница воспитательницы Софія Уманцова уволена, по прошенію, отъ службы въ училищѣ, и на ея мѣсто опредѣлена окончившая курсъ въ училищѣ въ маѣ того же года, дѣвица Евгенія Бутковская.

г) Вслѣдствіе открытія съ начала отчетнаго года параллельныхъ отдѣленій въ приготовительномъ и первомъ классахъ, постановленіями Совѣта отъ 31 августа, 6 сентября, 12 сентября и 25 октября 1890 года опредѣлены: учительницею приготовительнаго параллельнаго класса окончившая курсъ въ частномъ пансіонѣ г. Харькова и выдержавшая въ испытательной комиссіи при Харьковскомъ Университетѣ спеціальнѣйшій экзаменъ на право преподаванія географіи, дочь священника Антоинна Папкратьевна Иванова; воспитательницами въ параллельныхъ отдѣленіяхъ приготовительнаго и перваго классовъ—окончившія курсъ въ Училищѣ дѣвицы: Ольга Θεодоровна Вертеловская и Елисавета Андреевна Курасовская; помощницами воспитательницъ въ тѣхъ же параллельныхъ отдѣленіяхъ окончившія курсъ въ Училищѣ въ маѣ 1890 года дѣвицы: Евгенія Павлова и Аполлиарія Жданова; преподаваніе Закона Божія въ приготовительномъ параллельномъ классѣ и всѣхъ вообще учебныхъ предметовъ въ 1-мъ параллельномъ классѣ распределено между наличными преподавателями Училища, за исключеніемъ уроковъ чтенія въ послѣднемъ классѣ, которые, за неимѣніемъ свободнаго времени у наличнаго учителя этого предмета въ Училищѣ, предоставлены воспитательницѣ этого класса.

д) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 15 ноября 1890 года уволень, по прошенію, п. д. эконома въ училищѣ, мѣщанинъ Н. К. Невдаховъ, и на его мѣсто 10 декабря того же года опредѣлень п. д. эконома бывший помощникъ учителя городского Волоколамскаго училища, потомственный почетный гражданинъ Петръ Петровичъ Грандицкій.

е) Резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 20 декабря 1890 г. утверждены избранные Совѣтомъ училища на вакантыя, за смертію Н. А. Чикина и А. В. Гордѣенко, должности почетнаго блюстителя по хозяйственной части и попечительницы училища потомственный почетный гражданинъ Павелъ Павловичъ Рыжовъ и жена инженеръ-подполковника Марія Басилевна Шевцова.

ж) Для обученія воспитанницъ-сиротъ V и VI классовъ Училища, согласно постановленію Совѣта отъ 29 октября 1890 года, утвержденному

Его Высокопреосвященствомъ 8 ноября того же года, игрѣ на скрипкѣ, начальницею Училища приглашенъ обучавшійся въ С.-Петербургской консерваторіи Александръ Ивановичъ Колесниковъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ, къ концу 18⁹⁰/91 учебнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ Училищѣ лицъ:

А) Составъ Совѣта.

1. Предсѣдатель Совѣта, священникъ Харьковскаго кафедральнаго собора Тимошей Ивановичъ *Буткевичъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ 300 р. и лично ему добавленные XII съѣздомъ епархіальнаго духовенства 200 р.,—всего 500 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 августа 1883 года.

2. Начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна *Геймигъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 500 руб. и 100 р. ежегодной награды, всего 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

3. Инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ Іоновичъ *Онниковъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ 500 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

4. Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Николаевской церкви, Панкратій Дмитриевичъ *Ивановъ*; студентъ семинаріи; жалованья получаетъ 120 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 сентября 1881 года.

5. Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Свято-Духовской церкви, Николай Платоновичъ *Мощенко*; студентъ семинаріи; жалованья получаетъ 120 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 сентября 1883 года.

6. Почетный блюститель по хозяйственной части, потомственный почетный гражданинъ Павелъ Павловичъ *Рыжовъ*; служитъ безвозмездно; въ настоящей должности съ 20 декабря 1890 г.

7. Попечительница училища, жена инженеръ-подполковника Марія Васильевна *Шевцова*; служитъ безвозмездно; въ настоящей должности съ 20 декабря 1890 года.

8. И. д. дѣлопроизводителя Совѣта, онъ-же и писмоводитель, діаконъ Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣкновенской церкви, Теофанъ Дмитриевичъ *Черняевскій*; онъ-же служитъ при Богослуженіи въ училищной церкви; окончилъ курсъ духовнаго училища; жалованья получаетъ по обѣмъ должностямъ 400 р. и за совершеніе Богослуженія 60 руб.,—всего 460 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 декабря 1884 года.

Б) Преподаватели и преподавательницы обязательныхъ предметовъ.

1. Закона Божія въ III, IV, V и VI классахъ и церковно-славянскаго языка въ IV и V классахъ, инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ *Онниковичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 14 уроковъ (въ III классѣ по 50 руб., а въ остальныхъ классахъ по 75 руб. за урокъ) всего 950 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 г.

2. Того же предмета въ обоихъ отдѣленіяхъ приготовительнаго и I класса и во II классѣ, священникъ Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣвновенской церкви Георгій Ивановичъ *Волобуевъ*; оиъ же совершаетъ Богослуженіе въ Училищной церкви; окончилъ курсъ духовной семинаріи; жалованья получаетъ за 18 уроковъ (въ приготовительномъ классѣ по 35 р., а въ I и II классахъ по 50 р.) 810 р. и за совершеніе Богослуженія 120 р.,—всего 930 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1871 года.

3. Русскаго языка въ I нормальномъ и II классахъ Николай Васильевичъ *Гошинъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 октября 1887 года.

4. Того же предмета въ I параллельномъ и IV классахъ, Михаилъ Андреевичъ *Кокоревъ*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 7 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 525 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 августа 1888 года.

5. Того же предмета въ III, V и VI классахъ, преподаватель греческаго языка въ Харьковской Духовной Семинаріи, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ *Добронравовъ*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 11 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 825 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1883 года.

6. Арифметики, геометріи, физики и космографіи въ I нормальномъ V и VI классахъ, преподаватель тѣхъ же предметовъ въ Харьковской частной женской гимназіи г-жи Филипсъ, Яковъ Михайловичъ *Колосовскій*; кандидатъ Университета; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (въ I классѣ по 50 р., а въ V и VI по 75 руб. за урокъ) 1025 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1887 года.

7. Арифметики въ I параллельномъ, II, III и IV классахъ, преподаватель математики въ Харьковской женской гимназіи, Василій Николаевичъ *Мощенко*; кандидатъ Университета; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (въ I, II и III классахъ по 50 р., а въ IV классѣ по 75 р. за урокъ) 825 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 октября 1889 года.

8. Всеобщей и русской гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ, преподаватель церковной исторіи въ Харьковской Духовной Семинаріи, статскій совѣтникъ Алексѣй Ѳеодоровичъ *Вертеловскій*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 9 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 675 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

9. Географіи въ IV, V и VI классахъ, священникъ Харьковской Христо-Рождественской церкви, Андрей Ѳеодоровичъ *Балановскій*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 октября 1886 года.

10. Того же предмета во II и III классахъ, воспитательница Училища, Людмила Евелмовна *Дьякова*; слушала спеціальныя курсы, исторіи и географіи въ Харьковской женской гимназіи; жалованья получаетъ за 4 урока (по 50 руб. за урокъ) 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

11. Дидактики въ V и VI классахъ, преподаватель философій и педагогики въ Харьковской Духовной Семинаріи, статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Страховъ*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 3 урока (по 75 р. за урокъ) 225 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

12. Учитель церковнаго пѣнія въ обоихъ отдѣленіяхъ I класса, во II, III, IV, V и VI классахъ, протоіерей Харьковской Троицкой церкви, Стефанъ Ивановичъ *Петровскій*; окончилъ курсъ Духовной Семинаріи; жалованья получаетъ за 14 уроковъ (по 40 р. за урокъ) 560 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1861 года.

13. Учитель чистописанія въ I нормальномъ II, III и IV классахъ и рисованія во всѣхъ классахъ, учитель тѣхъ же предметовъ въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ, губернскій секретарь Деметій Осиповичъ *Ланевскій*; выдержалъ спеціальныя экзамены въ испытательной комиссіи при Харьковскомъ Университетѣ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 35 р. за урокъ) 420 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 21 августа 1874 года.

14. Учительница того же предмета въ 1 параллельномъ классѣ, воспитательница того же класса, дѣвица Елисавета Андреевна *Курасовская*; окончила курсъ ученія въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 4 урока (по 35 р. за урокъ) 140 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

15. Учительница русскаго языка, чистописанія и церковнаго пѣнія въ приготовительномъ нормальномъ классѣ, дѣвица Таисія Андреевна *Щел-*

кунова; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 13 уроковъ 505 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 августа 1890 года.

16. Учительница тѣхъ же предметовъ въ приготовительномъ параллельномъ классѣ, дѣвица Антонина Понкратьевна *Иванова*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ и выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы въ испытательной комиссіи при университетѣ; жалованья получаетъ за 13 уроковъ 505 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 31-го августа 1890 года.

17. Учительница руководѣлій, дѣвица Меланія Дмитриевна *Чернявская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16-го августа 1877 года.

17. Учительница руководѣлій, вдова коллежскаго секретаря Александра Ивановна *Соколова*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 года.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Журнальнымъ опредѣленіемъ Совѣта отъ 23 октября н. г. за № 68, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, а) на бесплатную вакансію имени протоіерея Аноллонія Солодовникова принята воспитанница—сирота, дочь умершаго псаломщика, Дюбова Анастасія (пригот. норм. класса); б) на вакансію съ уменьшеною платою на 18⁹¹/₉₂ учебный годъ приняты слѣдующія воспитанницы: Добрецкая Анна (4 класса), Оеденко Любовь (1-го парал. класса) и Козловская Марія (2 парал. класса); в) отказано просителямъ въ приѣмъ дочерей ихъ на бесплатныя вакансіи за неимѣніемъ таковыхъ священникамъ: Александру Стефановскому, Θεодору Хижнякову, Василию Твердохлѣбову, Іоанну Селезневу, діакону Макарію Черняеву и псаломщикамъ: Григорію Носову и Василию Пересыпкину; г) отказано просителямъ въ приѣмъ дочерей ихъ на вакансію съ уменьшеною платою по той-же причинѣ священникамъ: Павлу Реутскому, Іоанну Проскурникову, Митрофану Стефановскому, Андрею Николаевичу, Петру Измайлову,

Георгію Гревезирскому, Іоанну Богославскому, діакону Теодору Любодовскому и псаломщикамъ: Іоанну Краснокутскому, Константину Попову и Стефану Саговскому.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

19-го сего ноября въ Правленіе Семинаріи священникомъ Іоанно-Предтечевской церкви слободы Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда, Николаемъ Ѳедоровымъ, доставлено 10 рублей, пожертвованныхъ причтомъ сей церкви на устройство общежитія при Семинаріи.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семинаріи.

Епархіальныя извѣщенія.

Опредѣленъ священникомъ Троицкой церкви сл. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Алексій *Стаховскій*.

— Опреѣленъ діакономъ Успенской церкви сл. Климовки, Сумскаго уѣзда, псаломщикъ Успенской церкви сл. Межприча, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Базилевскій*.

— Опреѣленъ штатнымъ діакономъ къ Старобѣльской Соборной Покровской церкви, состоявшій на вакансіи псаломщика при означенной церкви діакопъ, Ѳеодоръ *Аксентьевъ*; на праздное же псаломщицкое мѣсто при той же церкви переведенъ діакопъ Іоанно-Предтечевской церкви, сл. Лютовки, Богодуховскаго уѣзда, Александръ *Краснокутскій*.

— Уволенъ, по болѣзни, псаломщикъ Воскресенской церкви города Сумъ, діакопъ Павелъ *Григорьевъ*, за штатъ, согласно прошенію.

— Протоіерей Троицкой церкви сл. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, Георгій *Стаховскій*, волею Божіею умеръ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: по Изюмскому уѣзду—къ Николаевской церкви с. Цареборисовой отставной рядовой Семенъ Георгіевъ *Хижнякъ* и къ Николаевской церкви с. Шабельковки дворянинъ Николай Константиновъ *Шабельскій*; къ Варваровской церкви с. Искрковщины, Сумскаго уѣзда, кр. Петръ Антоніевъ *Соляникъ*, къ Воскресенской церкви, гор. Сумъ, купецъ Павелъ Григоріевъ *Черняевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Назначенія на митрополичьи кафедры въ Кіевъ и Москву.—Служи о новыхъ важныхъ мѣропріятіяхъ.—Новые православные храмы.—Передвижныя церкви.—Присоединеніе Воронежской губерніи къ наиболѣ пострадавшимъ отъ неурожая мѣстностямъ.—Государственная лотерея въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.—Публичныя чтенія профессоровъ Харьковскаго университета съ благотворительною цѣлю.—Харьковское благотворительное братство.—Сочувствіе дѣтей страждущимъ отъ неурожая.—Примѣръ, достойный подражанія.—По поводу частныхъ пожертвованій въ пользу страдающихъ отъ неурожая соотечественниковъ.—Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича.—Созваніе всѣхъ губернаторовъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей въ Петербургъ.—Вывѣшиваніе на станціяхъ вѣдомостей о цѣнахъ на хлѣбъ.—Организація общественныхъ работъ съ благотворительною цѣлю.—Устройство бесплатныхъ чайныхъ при школахъ.—Устройство учительскихъ семинарій при монастыряхъ.—Введеніе въ курсъ земскихъ школъ агропомпическихъ свѣдѣній.—Учрежденіе почвеннаго комитета.—По поводу новаго международнаго языка.—Замѣщеніе учительскихъ должностей въ Балтійскомъ краѣ.—Несчаствіе на Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ.—Опасность путешествій.—Смертность на земномъ шарѣ.—Мѣры противъ зараженія чахоткой.

По сообщеніямъ столичныхъ газетъ, въ 17 день ноября н. г. митрополиту Московскому Іоанникію Всемиловитѣйше повелѣно быть митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, а архіепископу Холмско-Варшавскому Леонтію — митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ.

— «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что въ настоящее время всѣ силы нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій крайне напряжены; съ 16 ноября вездѣ кипятъ работы, и, какъ можно надѣяться, вскорѣ предстоитъ во всѣхъ областяхъ администраціи цѣлый рядъ новыхъ важныхъ реформъ и мѣропріятій.

— По словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Св. Синода будетъ обсуждаться вопросъ о сооруженіи православныхъ храмовъ въ мѣстностяхъ, наиболѣ зараженныхъ расколомъ. Мѣра эта считается одною изъ важнѣйшихъ къ воссоединенію съ православною церковью. Она была уже примѣнена въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, и дала весьма благопріятные результаты.

— По сообщеніямъ газетъ, начальникъ Волынской губерніи, Е. О. Янковскій, находитъ нужнымъ устройство на Юго-Западныхъ дорогахъ передвижныхъ церквей въ вагонахъ. Нельзя не отнестись, говоритъ газетъ «Волынь», — съ полнымъ сочувствіемъ и благодарностью къ предначертанію г. губернатора. Громадное большинство нашихъ желѣзно-дорожныхъ станцій расположены на пустырьѣ, вдали отъ населенныхъ пунктовъ съ православными храмами. Около вокзаловъ быстро стали группироваться строенія, и теперь образовались крупныя селенія, но, конечно, безъ церкви, и этому на-

селенію, живущему обыкновенно лихорадочною жизнью, примѣнительно къ желѣзнодорожнымъ порядкамъ, конечно, не всегда есть возможность отлучаться въ сосѣднія селенія, часто для настоящей религіозно-нравственной нужды. Желѣзнодорожная служба, конечно, не знаетъ ни дня, ни ночи, не знаетъ и воскреснаго дня. Но разъ будутъ устроены передвижныя церкви въ вагонахъ, онѣ будутъ напоминать людямъ о религіозныхъ ихъ обязанностяхъ и тѣмъ самымъ не мало будутъ способствовать поднятію религіозно-нравственнаго уровня большой массы лицъ, такъ или иначе тѣсно соприкасающихся къ желѣзнодорожному дѣлу.

— Святѣйшій Синодъ, вслѣдствіе представленія преосвященнаго Воронежскаго о полномъ неурожаѣ въ епархіи и увѣдомленіи министра внутреннихъ дѣлъ о причисленіи Воронежской губерніи къ наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая мѣстностямъ, предписалъ епархіальнымъ комитетамъ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ назначить въ распоряженіе Воронежскаго епархіальнаго комитета двѣ части пожертвованій, какъ и въ другіе комитеты епархій наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая.

— По свѣдѣніямъ столичныхъ газетъ, разрѣшена благотворительная лотерея въ пользу голодающихъ: 1.200,000 билетовъ по 5 рублей. Допускается уплата по частямъ. Количество выигрышей 2,928, изъ коихъ главный 100,000 рублей, второй 50,000 рублей, третій 25,000 р., десять по 10,000 руб., 15 по 5,000 руб., 100 по 1,000 руб., 200 по 500 руб., 2,600 по 250 руб. Тиражъ состоится въ присутствіи депутатовъ петербургскаго дворянства, губернскаго земства, городского управленія. Уплата выигрышей черезъ 14 дней послѣ тиража. Послѣ года выигрыши считаются недѣйствительными. Въ настоящее время билеты уже отпечатаны, всѣ подготовительныя распоряженія по выпуску этой лотереи уже сдѣланы и продажа билетовъ будетъ начата 5 декабря. Билеты могутъ быть продаваемы съ разсрочкой взносовъ на пять уплатъ, которыя производятся по пяти купонамъ, отпечатаннымъ при билетахъ. Продажу билетовъ предполагается поручить всѣмъ правительственнымъ мѣстнымъ и столичнымъ учрежденіямъ, почтовымъ и телеграфнымъ конторамъ, отдѣленіямъ государственнаго банка и частнымъ банкамъ и банкирскимъ конторамъ.

— Несчастье, постигшее русскую землю, нашло себѣ откликъ и сочувствіе въ сердцахъ всѣхъ сыновъ русской земли. Отъ Царя и до низшаго его вѣрноподаннаго всѣ откликнулись на зовъ общественнаго бѣдствія. Каждый несетъ свою лепту на алтарь жер-

твоприношенія, по мѣрѣ его силъ и избытка. Такою лептою представляется и рядъ публичныхъ чтеній, предпринятыхъ профессорами Императорскаго Харьковскаго университета. Профессоровъ, пожелавшихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, оказалось такъ много, что учрежденъ особый комитетъ для завѣдыванія и распредѣленія времени, пособій и средствъ. Чтенія начались еще съ начала октября и идутъ непрерывно по воскресеньямъ вечеромъ. Мѣстомъ чтеній служатъ актовъ залъ университета.

— Въ Харьковѣ возникло новое Общество подъ названіемъ: «Харьковское благотворительное братство для пособія пострадавшимъ отъ неурожая». По уставу, братство для достиженія своей цѣли словесно и письменно чрезъ своихъ членовъ приглашаетъ къ пожертвованіямъ всякаго рода, а также и собираетъ ихъ. Кромѣ того, оно имѣетъ право устраивать публичныя чтенія, концерты, выставки, благотворительныя базары. Приобрѣтаемыя тѣмъ или инымъ путемъ средства Братство имѣетъ употреблять на пособія, какъ тѣмъ лицамъ, которыя являются въ Харьковъ изъ пострадавшихъ мѣстностей для своего пропитанія, такъ и тѣмъ отдельнымъ семьямъ, хуторамъ, деревнямъ, которые находятся на мѣстахъ бѣдствія. При этомъ предполагается не единовременная, а длительная помощь определеннымъ семьямъ и поселеніямъ — ни въ какомъ случаѣ не деньгами, а прямо предметами продовольствія, одежды и т. п., въ границахъ, конечно, необходимости и подъ надлежащимъ контролемъ со стороны администраціи и самаго Братства. На членовъ Братства возлагается нравственная отвѣтственность удѣлять въ пользу достиженія его цѣли: а) 50% карточныхъ и другихъ подобныхъ выигрышей, б) 25% съ цѣны покупаемыхъ каждымъ для личнаго употребленія табаку и вина, в) 10% съ расхода на увеселенія, а также на предметы моды и роскоши и г) 5% со стоимости конфетъ и другихъ предметовъ роскоши въ дѣлѣ продовольствія, сообразно, конечно, личнымъ взглядамъ каждаго на предметы моды и роскоши вообще. Въ виду большой затруднительности для многихъ высчитывать указанные проценты, члены Братства могутъ разъ навсегда опредѣлить извѣстный взносъ, не менѣе, однако, двухъ рублей въ мѣсяцъ. Но членами-сотрудниками Братства могутъ быть всѣ, кто пожелаетъ содѣйствовать достиженію Братствомъ его цѣли, какимъ бы то ни было способомъ — личнымъ трудомъ, денежными взносами, хотя бы въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ въ мѣсяцъ, но съ необходимою для дѣла правильностью и постоянствомъ.

— Въ газетѣ «Донск. Рѣчь» помѣщено слѣдующее письмо учителя Каранчевскаго (Донецкаго округа) приходскаго училища г. Манохина: «Недавно, въ зданіи училища, по окончаніи занятій, послѣ молитвы, я предложилъ учащимся дѣтямъ, чтобы они попросили своихъ родителей пожертвовать въ пользу голодающихъ, кто что можетъ: пшеницу, рожь, хлѣбъ печеный и проч., причемъ рассказалъ, какое бѣдствіе испытываютъ въ настоящее время пострадавшіе отъ неурожая. Нѣкоторые мальчики и дѣвочки плакали. И что же? Юныя сердца ихъ сумѣли повліять на своихъ родителей. На другой день рано (нѣкоторыя съ восходомъ солнца) дѣти начали нести въ училище, кто въ ведрѣ, кто въ сумкѣ, свои жертвы, и такимъ образомъ было собрано: около полчетверти пшеницы, четверть ржи, пудъ пшеничной муки, около пуда ржаной, сорокъ хлѣбовъ и 1 руб. 7 к. деньгами. Собранное въ скоромъ времени будетъ отослано по принадлежности. Совѣтовалъ бы и просилъ бы всѣхъ своихъ сослуживцевъ произвести подобный сборъ. Съ міра по ниткѣ—голому рубашка».

— Довольно большое число петербургскихъ семей, какъ передаютъ «Спб. Вѣд.», согласилось отказаться отъ устройства на рождественскихъ праздникахъ елокъ, обративъ расходованныя на елки деньги въ пользу голодающихъ.

— Взывая о помощи голодающему населенію, нѣкоторыя газеты съ грустью указываютъ на апатичное отношеніе нашего общества къ постигшему Россію испытанію. «Новое Время» напоминаетъ всѣмъ сколько-нибудь состоятельнымъ людямъ великій нравственный долгъ, который возлагается на всѣхъ постигнувшихъ Россію бѣдствіемъ. Указывая на то, что крупныя пожертвованія русскихъ богачей положительно составляютъ единичные и исключительные факты, газета спрашиваетъ, что значитъ это странное и прискорбное явленіе. Развѣ русскіе богачи не русскіе люди? Развѣ не Россіи обязаны они своими иногда колоссальными богатствами, которыя измѣряются десятками и сотнями тысячъ, даже милліонами годового дохода? Другая газета, указывая на то, что многіе оказываются неотзывчивыми на народное горе, говоритъ: «зато мы ужасно боимся, какъ бы голодающіе не избаловались отъ нашей помощи. Да, мы ужасно боимся этого и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдимъ за поведеніемъ этихъ несчастныхъ, не могущихъ прожить безъ хлѣбной ссуды. Вотъ въ одномъ мѣстѣ крестьянинъ пропилъ выданную ему на обѣмненіе полей ссуду—и поэтому поводу немедленно поднимается крикъ на всю Россію и фактъ

этотъ ставится въ вину всѣмъ 20 милліонамъ голодающихъ. Одинъ помѣщикъ хотѣлъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ голодающихъ, нанять корчевать лѣсъ за такую цѣну, которая даже и прокормиться не даетъ возможности, и когда крестьяне отказались отъ такой работы, помѣщикъ счелъ возможнымъ заявить этотъ взумившій его фактъ на земскомъ собраніи, а затѣмъ этотъ фактъ пошелъ гулять по всей Россіи, выставляясь примѣромъ лѣности и баловства голодающихъ».

— По Высочайшему повелѣнію учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича особый комитетъ, чтобы обезпечить частной, въ пользу неурожайныхъ мѣстностей, благотворительности соотвѣтственное направленіе и необходимое единство дѣйствій; членами комитета повелѣно быть генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, дѣйствительному тайному совѣтнику Побѣдоносцеву, ст.-секретарямъ Островскому, Дурново, генераль-адъютанту графу Воронцову-Дашкову, гофмейстеру графу Строгонову и тайному совѣтнику фонъ-Плеве, съ возложеніемъ на послѣдняго завѣдыванія дѣлопроизводствомъ въ совѣщаніяхъ комитета, а также для исполненія порученій. Августѣйшимъ Предсѣдателемъ приглашаются лица, кои своими познаніями и опытностью могутъ принести пользу дѣлу помощи нуждающимся. Комитетъ принимаетъ пожертвованія и обращаетъ ихъ по назначенію, при содѣйствіи существующихъ на мѣстѣ учреждений; наблюдаетъ за правильнымъ употребленіемъ пожертвованій и принимаетъ мѣры къ согласованію благотворительной дѣятельности съ распоряженіями мѣстныхъ начальствъ и учреждений.

— По словамъ «М. Вѣд.», вскорѣ предстоить созваніе всѣхъ губернаторовъ пострадавшихъ отъ неурожая районовъ въ Петербургъ, для совѣщанія о мѣропріятіяхъ въ пользу голодающихъ съ особымъ «исполнительнымъ комитетомъ», который съ генераль-лейтенантомъ Анненковымъ, въ качествѣ завѣдующаго общественными работами, получилъ весьма широкія полномочія.

— Въ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ получено распоряженіе департамента желѣзныхъ дорогъ о вывѣшиваніи на станціяхъ доставляемыхъ министерствомъ финансовъ вѣдомостей о цѣнахъ на хлѣбъ. До свѣдѣнія министерства путей сообщенія дошло, что вывѣшиваніе упомянутыхъ вѣдомостей на нѣкоторыхъ станціяхъ производится крайне неаккуратно, а иногда свѣдѣніе и вовсе не вывѣшивается. Поэтому управляющій министерствомъ подтверждаетъ прежнее распоряженіе, чтобы по мѣрѣ полученія

таблиць о цѣнахъ на хлѣбъ таковыя неотлагательно были вывѣшываемы на видныхъ мѣстахъ въ пассажирскихъ и товарныхъ конторахъ станцій и оставались на мѣстѣ впредь до полученія новыхъ таблиць, а прежнія должны быть сохраняемы для справокъ грузоотправителей въ теченіе одного года.

— «Нов. Вр.» передаетъ, что рѣшено приступить къ организаціи общественныхъ работъ въ широкихъ размѣрахъ для предоставленія заработковъ населенію пострадавшихъ отъ неурожаа мѣстностей. На первомъ мѣстѣ въ числѣ этихъ работъ стоитъ устройство въ пострадавшихъ мѣстностяхъ различнаго рода путей сообщенія: желѣзнодорожныхъ, шоссейныхъ и т. п., а также исправленіе и улучшеніе существующихъ путей сообщенія, въ томъ числѣ и рѣчныхъ. Кромѣ того, имѣются въ виду значительныя заготовочныя работы въ казенныхъ лѣсахъ и нѣкоторыхъ другихъ. Общее распорядительство всѣми этими работами и организація ихъ возложены, по слухамъ, на извѣстнаго генерала Анненкова, строителя Закаспійской военной дороги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорятъ, въ Петербургѣ образуется особое учрежденіе, имѣющее завѣдывать дѣломъ общественныхъ работъ. Это начинаніе имѣетъ цѣлью обезпечить рабочему населенію пострадавшихъ мѣстностей возможность кормиться трудами рукъ своихъ и, конечно, поставить продовольственное дѣло на самый выгодный для страны путь.

— Въ собраніи экономистовъ 20 ноября въ Петербургѣ продолжался докладъ вопроса о характерѣ и цѣляхъ общественныхъ работъ; докладъ съ особенною подробностью останавливался на необходимости дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ новаго у насъ типа — конныхъ и съ легкими паровыми двигателями, пролагаемыхъ по существующимъ шоссейнымъ и грунтовымъ дорогамъ. Докладъ полагалъ полезнымъ ввѣрить инициативу и исполненіе такихъ предприятий земствамъ, предоставивъ имъ базенный лѣсной матеріалъ, кредитъ, разсрочку и выдачу авансовъ изъ суммъ на пособія и ссуды неурожайнымъ мѣстностямъ. По окончаніи сооруженія такой дороги правительство разрѣшило бы земствамъ выпускъ 4-хъ процентныхъ гарантированныхъ облигацій, удерживая при реализаціи ихъ всѣ выданныя земству авансами суммы. Сооруженіе земствами дорогъ должно быть подчинено контролю представителей мѣстныхъ правительственныхъ учреждений.

— Въ предстоящемъ Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи будетъ разсматриваться вопросъ о необходимости введенія въ курсъ земскихъ школъ популярныхъ свѣдѣній по агрономіи,

примѣнительно къ крестьянскому быту. Въстѣ съ тѣмъ, въ то же собраніе вносится однимъ изъ гласныхъ предложеніе объ устройствѣ въ одномъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи на счетъ земства низшей агрономической школы.

— По примѣру Казанской губерніи, и въ другихъ неурожайныхъ губерніяхъ предложено учителямъ и учительницамъ сельскихъ школъ устраивать чайныя при школахъ для отпуска бесплатно (исключительно на пожертвованныя деньги) чая, молока и хлѣба.

— Духовно-училищный комитетъ Святѣйшаго Синода вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ устройствѣ при нѣкоторыхъ изъ монастырей учительскихъ семинарій.

— По пзвѣстіямъ, идущимъ изъ Петербурга, министръ государственныхъ имуществъ вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ предложеніемъ по вопросу объ учрежденіи при министерствѣ государственныхъ имуществъ почвеннаго комитета, который долженъ служить дополненіемъ къ существующему уже при этомъ министерствѣ геологическому комитету. Комитетъ Министровъ, какъ сообщаютъ, призналъ существованіе подобнаго учрежденія безусловно необходимымъ и поручилъ министру положеніе о почвенномъ комитетѣ и штатѣ его внести на утвержденіе въ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ вопросъ объ учрежденіи почвенно-геологическаго комитета можно считать окончательно рѣшеннымъ. Этого нельзя не привѣтствовать, ибо потребность и польза въ такомъ учрежденіи не подлежатъ никакому сомнѣнію и признаны уже давно. Опредѣленіе свойствъ почвы и геологическое изслѣдованіе ея имѣетъ весьма важное значеніе не только для науки, но и въ виду большихъ практическихъ результатовъ, ибо служитъ главнымъ указателемъ къ отысканію полезныхъ ископаемыхъ, а также даетъ цѣнныя указанія для сельскаго и лѣснаго хозяйствъ о составѣ и свойствахъ почвы, указанія чрезвычайно важныя въ видахъ рациональнаго веденія этихъ хозяйствъ. Геологическія изслѣдованія, кромѣ того, служатъ къ открытію строительныхъ матеріаловъ, огнеупорныхъ глинъ, матеріаловъ для химическихъ фабрикъ и т. п. Въ виду такого важнаго значенія геологическихъ и почвенныхъ изслѣдованій, систематическое изслѣдованіе почвъ давно уже составляетъ предметъ особаго попеченія правительствъ не только въ Западной Европѣ и Америкѣ, но и въ нѣкоторыхъ азіатскихъ владѣніяхъ европейцевъ, какъ напримѣръ, Индіи, голландскихъ владѣніяхъ на Зондскихъ островахъ и друг. Прекрасные результаты, достигнутые вездѣ путемъ этихъ изслѣдо-

ваній, должны были, конечно, побудить и у насъ обратить серьезное вниманіе на правильную и систематическую постановку вопроса о почвенныхъ изслѣдованіяхъ.

— На дняхъ, по сообщенію «Юж. Кр.», состоялось собраніе послѣдователей международнаго языка «эсперанто», изобрѣтеннаго два года тому назадъ нѣкимъ докторомъ изъ Варшавы, по фамиліи Заменгофъ. Идея эта собственно не нова и подобныхъ сочиненій существуетъ до трехсотъ, при чемъ каждое изъ нихъ претендуетъ на всемірное свое первенство. Сначала этимъ занимались за границей, а потомъ, какъ водится, и у насъ. Знаменитый «волапюкъ» увялъ, не успѣвши расцвѣсти. Составитель его пасторъ Шлейеръ, лингвистъ, владѣющій 16 коренными языками, задумалъ соединить ихъ воедино и создать международный языкъ, годный для всѣхъ народовъ. Задачу свою онъ выполнилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и добросовѣстностью, достойными пстаго нѣмца. Но, къ сожалѣнію, эти качества не могли замѣнить таланта и остроумія. Въ результатѣ получилась нелѣпая смѣсь романскихъ и германскихъ корней и мертворожденное дѣтище ученаго нѣмца не проникло далѣе нѣсколькихъ кружковъ, не смотря на усиленную пропаганду въ заграничной, а также и русской печати. Были послѣдователи, были равнодушные, но мало нашлось правильно взглянувшихъ на это бессмысленное истязаніе живой рѣчи. «Волапюкъ» былъ труденъ, новый же языкъ «эсперанто» несравненно легче и состоитъ всего изъ 900 словъ, которыми изобрѣтатель стремится замѣнить десятки тысячъ словъ русскаго, а также и всякаго другаго языка. Такимъ образомъ сотни понятій должны выразаться однимъ общимъ словомъ. Докторъ Заменгофъ, вѣроятно, знаетъ, что однихъ лѣкарственныхъ снадобій болѣе 900. Но, по мнѣнію нѣкоторыхъ, самое важное обстоятельство, которое всѣ изобрѣтатели языковъ упускаютъ изъ виду, — это выговоръ. Если вы когда-нибудь встрѣтитесь съ англичаниномъ, попросите его повторить любое русское слово и вы убѣдитесь, что, не смотря на всѣ усилія, языкъ его не будетъ слушаться. Напишите то же слово латинскими буквами и результаты будутъ тѣ же. Прислушайтесь къ его родному языку и, если вы никогда не изучали англійское произношеніе, то вы не различите не только ни одной согласной, но даже не найдете разницы между англійскими *a* и *e*, *o* и *u*. Съ другой стороны, иностранецъ, прислушиваясь къ русской рѣчи, вынесетъ такое же впечатлѣніе; и такое обоюдное косноязычіе происходитъ вслѣдствіе того, что человѣкъ, съ дѣтства привыкая къ своему языку, только въ немъ

одномъ и видятъ членораздѣльность и ясность произношенія буквъ. На нашихъ глазахъ нѣмецкіе выходцы безжалостно коверкаютъ русское произношеніе, не смотря на то, что живутъ въ Россіи уже десятки лѣтъ. Было бы чрезвычайно интересно послушать разговоръ между эсперансистами разныхъ націй.

Сама идея общаго языка не выдерживаетъ критики. Въ международномъ языкѣ всегда была потребность и всегда онъ существовалъ. Первымъ такимъ былъ греческій, но его скоро замѣнили языкъ латинскій, на смѣну же этому послѣднему явился французскій, который держится и по нынѣ, и замѣнять его въ угоду нѣмцамъ нѣтъ никакой надобности. Большинство изобрѣтателей вводятъ германскіе корни и одно уже это даетъ ему не международную, а національную окраску. Наконецъ, возможно ли, сидя у себя въ кабинетѣ, создать законченный языкъ, когда для образованія его требовалось много тысячелѣтій и можетъ ли вообще какой-либо языкъ, будь онъ изъ легчайшихъ легей, состоять изъ 900 словъ, и есть ли какая-либо надобность терять время на изученіе дикой номенклатуры господъ Заменгофовъ, когда потребность въ международныхъ сношеніяхъ вызвала всемірное распространеніе живаго и обработаннаго французскаго языка? Жизнь требуетъ живой рѣчи и никакія изобрѣтенія и кастраціи ея не привьются никогда. Легкость, къ которой стремился Заменгофъ, недостижима и 900 сочиненныхъ имъ словъ есть первая несостоятельность «эсперанто» и никакого примѣненія онъ имѣть не будетъ, хотя и нельзя отрицать того, что изобрѣтеніе Заменгофа на одинъ или два сезона будетъ моднымъ. Судьба «волапука» служитъ живымъ примѣромъ этому.

— Попечитель Дерптскаго учебнаго округа замѣщаетъ по возможности всѣ вакантныя учительскія должности въ училищахъ Балтійскаго края лицами чисто русскаго происхожденія, получившими свое образованіе въ русскихъ институтахъ; поэтому можно надѣяться, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ весь строй балтійскихъ учебныхъ учрежденій положительно будетъ перемѣненъ и мѣстная молодежь будетъ тогда получать не только научное, но и умственное воспитаніе въ чисто-національномъ духѣ.

— На орлово-грязской желѣзной дорогѣ, на девятнадцатой верстѣ отъ Орла, на мосту чрезъ рѣку Оптуху, 11 ноября произошло несчастіе. Изъ Орла на Грязи, по обычаю, въ 12 ч. 6 м. пополудни, вышелъ поѣздъ № 5-й—смѣшанный товаро-пассажирскій, бывшій въ составѣ 12 вагоновъ. Поѣздъ былъ составленъ такъ:

за паровозомъ слѣдовали пять товарныхъ вагоновъ, за ними 2 вагона третьяго класса, вагонъ втораго класса, смѣшанный вагонъ 1-го и 2-го класса, а сзади еще 2 вагона 3-го класса. Простоявъ на станціи «Доминно», по росписанію, 2 мин., поѣздъ въ 12 ч. 51 мин. двинулся далѣе. Онъ благополучно миновалъ послѣднюю барьерную будку предъ мостомъ чрезъ Оптуху, но, не доходя до моста сажень около 300, у одного изъ товарныхъ вагоновъ, груженнаго пшеницей, лопнулъ бандажъ, и, когда паровозъ пробѣжалъ мостъ, всѣ пассажиры почувствовали страшный толчокъ. Въ испугѣ всѣ бросились на площадки и къ окнамъ—и онѣмѣли отъ ужаса. Четыре вагона—багажный, два вагона третьяго класса № 14 и 9 и 2-го класса № 38—сдѣлавъ скачекъ, рухнули съ 11-ти саженной вышины моста прямо въ рѣку Оптуху. Положеніе несчастныхъ пассажировъ нельзя описать. Крики, стоны, мольбы о помощи сразу заглохли, когда вагоны, проломивъ ледъ, погрузились въ воду. Захлебываясь и стараясь, вѣроятно, вырваться изъ тѣснившихъ обломковъ вагоновъ, громоздившихся одинъ на другой, несчастные пассажиры не могли избѣжать роковой участи, потому что вода хлынула въ вагоны—и кто еще не былъ раздавленъ сплюснутыми стѣнками, тотъ не имѣлъ возможности вырваться изъ объятій смерти, когда вагоны погрузились въ воду! Можно себѣ представить отчаяніе пассажировъ остальныхъ трехъ вагоновъ, по счастливой случайности не слетѣвшихъ съ моста. Сами искалѣченные, перепуганные, отчаявшіеся спастись, они видѣли, какъ вода поглотила рухнувшіе вагоны, и не могли ничѣмъ помочь своимъ несчастнымъ спутникамъ. Пережить такіа минуты не дай Богъ никому! Вагоны рухнули такъ неожиданно, что выпрыгнуть никто не имѣлъ ни времени, ни возможности. очевидцы передаютъ, что слышно было, какъ стонъ вырвался изъ оторвавшихся вагоновъ—и потомъ затихъ: это вода, похоронившая обломки вагоновъ, наполненныхъ людьми, заглушила ихъ стоны и крики...

Могло случиться, что катастрофа была-бы еще ужаснѣе, если бы рухнули съ моста и остальные три заднихъ вагона, тоже переполненные пассажирами. Но къ счастью, когда средніе четыре вагона оторвались отъ слѣдовавшаго за ними смѣшаннаго вагона 1-го и 2-го классовъ,—этотъ послѣдній сталъ какъ-то бокомъ, поналъ переднимъ колесомъ въ настилку моста и, хотя сильно помятъ, но удержался на мосту самъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ и оба заднихъ вагона 3-го класса. Перелетѣла черезъ перила моста какъ разъ середина поѣзда: бандажъ лопнулъ у ше-

стаго отъ головы поѣзда вагона, и передніе пять товарныхъ вагоновъ, оторвавшись вмѣстѣ съ паровозомъ, благополучно спустились съ моста,

Въ газетахъ приводится слѣдующій рассказъ г. Зимина, бывшаго очевидцемъ крушенія поѣзда: «На дняхъ, пишетъ г. Зиминъ, я пріѣхалъ погостить изъ Ливенскаго уѣзда къ родственникамъ по сосѣдству и 11 ноября, съ 12 часовъ дня, катался на конькахъ на рѣкѣ Оптухѣ, подъ мостомъ. Около часу дня я услышалъ шумъ проходящаго поѣзда, и шумъ этотъ былъ какой-то особенный, что-то стучало. Послѣ я узналъ, что шумъ этотъ происходилъ отъ соскочившаго банджа. Наконецъ, поѣздъ показался. Онъ мчался быстро. Шагахъ въ 15-ти отъ моста я остановился и смотрѣлъ на поѣздъ. Вошелъ паровозъ, пять товарныхъ вагоновъ, наконецъ, багажный и 5 пассажирскихъ. Когда багажный вагонъ поравнялся съ концемъ моста, раздался звукъ желѣза и трескъ; паровозъ и товарные вагоны продолжали идти, кромѣ одного, который оторвался и остановился, а багажный вагонъ и вмѣстѣ съ нимъ одинъ вагонъ 3 класса полетѣли внизъ, подъ мостъ. Они летѣли одновременно, но на половинѣ разстоянія между мостомъ и водой багажный вагонъ немного отдѣлился отъ пассажирскаго, и оба рухнули на насыпь. Вагонъ 3-го класса сползъ въ воду. Въ тотъ моментъ, когда вагоны ударились о насыпь, съ моста повалились два другіе вагона, одинъ третьяго, а другой втораго класса. Эти вагоны на моментъ, какъ будто, висѣли въ воздухѣ. Нечего и говорить, что все это случилось въ одинъ моментъ, но все-таки вагоны упали въ разное время. Вагонъ микстъ остановился какимъ-то чудомъ на мосту, хотя сошелъ съ рельсъ вправо и наклонился. Послѣдніе два изъ упавшихъ вагоновъ упали въ рѣку, при чемъ трескъ былъ еще сильнѣе, чѣмъ при паденіи первыхъ двухъ вагоновъ, обрушившихся на насыпь. Вагонъ 3-го класса упалъ бокомъ въ воду, а втораго класса всталъ стоймя, потомъ наклонился и изъ подъ воды виднѣлась небольшая лишь часть его. Я побѣжалъ черезъ насыпь на ту сторону, гдѣ упали вагоны и кое-какъ, на ходу, сбросилъ коньки. Почти одновременно со мной прибѣжали изъ заднихъ вагоновъ, уцѣлѣвшихъ на мосту, солдатъ и какой-то пассажиръ въ статскомъ платьѣ. Я уже успѣлъ подбѣжать къ разбитому вагону 3 класса. Между обломковъ я увидѣлъ старавшагося выбраться жандарма и подъ нимъ еще одного пассажира, и помогъ имъ выйти. Затѣмъ я увидѣлъ пробивавшуюся сквозь обломи молодую даму. Надъ ней обломки сложились какъ рѣшетки. Я переломилъ какую то дощечку и вынулъ

даму. Въ это время изъ воды выскочилъ весь мокрый пассажиръ и бросился бѣжать на верхъ. Подоспѣвшіе солдаты и пассажиры начали мнѣ помогать. Между прочимъ мы вытащили пассажира, барахтавшагося въ водѣ. Ему бросили веревку и вытащали. Кто-то вынулъ изъ вагона 2 класса, всю мокрую молодую барышню. Стоны стояли страшныя...

Конечные печальные результаты катастрофы оказались слѣдующіе: всѣхъ убитыхъ тридцать одинъ человѣкъ; изъ нихъ семь похоронены не опознанными и съ нихъ сняты фотографическія карточки, которыя приложены къ дѣлу; раненныхъ семнадцать человѣкъ; изъ нихъ одинъ уже умеръ. Причиною несчастія можно считать, повидимому, лопнувшій бандажъ; но размѣры бѣдствія указываютъ, кажется, на чрезмѣрную скорость, ибо вагоны, встрѣтивъ препятствіе на мосту, соскочили съ него съ такою стремительностью, что даже досчатый настилъ моста лишь слабо поврежденъ. Въ настоящее время производится съ энергіей и безостановочно предварительное слѣдствіе, которое, навѣрное, выяснитъ всѣ подробности ужасной катастрофы.

— По нѣкоторымъ даннымъ, сообщаемымъ въ газетахъ, опасность путешествій съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ будто бы значительно уменьшилась. Такъ, во Франціи во времена почтоваго сообщенія (въ мальпостахъ), по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 1 убитый пассажиръ приходился на 455,000 пассажировъ, а 1 раненый на 30,000. Въ настоящее время статистика показываетъ, что на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ приходится: 1 убитый пассажиръ на 26,720,000 перевезенныхъ пассажировъ, а 1 раненый на 1,060,000. Такимъ образомъ, теперь во Франціи пассажиръ, совершая переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, имѣетъ одну двадцатисемь-милліонную долю риска быть убитымъ и одну милліонную долю риска быть раненымъ. Иначе говоря, пассажиръ въ настоящее время, при желѣзныхъ дорогахъ, въ 75 разъ менѣе рискуетъ быть убитымъ и въ 35 разъ менѣе рискуетъ быть раненымъ, чѣмъ въ прежнее время, когда желѣзныхъ дорогъ не существовало.

— По позднѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, общая ежегодная смертность на всемъ земномъ шарѣ опредѣляется приблизительно въ 33 милліона человѣкъ, что составляетъ, среднимъ числомъ, до 91,550 смертей въ день или 3,730 въ часъ и болѣе 60 въ минуту. Такимъ образомъ, по тому же среднему разсчету, въ каждую секунду умираетъ одинъ человѣкъ. Четвертая часть людей умираетъ до семилѣтняго возраста, а половина до семнадцатилѣтняго. До ста лѣтъ доживаетъ, среднимъ числомъ, одинъ человѣкъ на 100,000.

— Комиссія, разрабатывающая проектъ мѣръ противъ зараженія чахоткой, пришла, по словамъ газетъ, къ заключенію, что для безопасности городскихъ обывателей отъ зараженія мясомъ необходимо, чтобы бойни находились подъ постояннымъ строгимъ медицинскимъ и ветеринарнымъ надзоромъ. Въ мѣстностяхъ съ населеніемъ не менѣе 10-тысячъ, а также въ лѣчебныхъ мѣстахъ, должны быть устраиваемы общественныя бойни съ непремѣннымъ условіемъ медицинско-ветеринарнаго надзора. Мясо бугорчатыхъ животныхъ должно быть или уничтожаемо вполне въ присутствіи врача, или же выпускаемо въ продажу не иначе, какъ въ обезвреженномъ высокой температурой состояніи, причемъ покупатели обязательно извѣщаются, что мясо происходитъ отъ бугорчатыхъ животныхъ. Кроме того, комиссія обратила особое вниманіе на возможность распространенія чахотки при помощи молока и, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, проектировала слѣдующія правила. Всѣ молочныя фермы, отѣльные коровники и даже большія молочныя хозяйства должны находиться всегда подъ строгимъ медицинскимъ и ветеринарнымъ надзоромъ. Больныя бугорчаткой коровы должны быть немедленно уничтожаемы въ присутствіи врача, съ уплатой владѣльцамъ ихъ стоимости, а помѣщенія такихъ коровъ обеззараживаемы, также въ присутствіи врача. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ медико-ветеринарный надзоръ, по мѣстнымъ условіямъ, невозможенъ, молоко должно употребляться въ пищу прокипяченнымъ, а для дѣтей—обезпложеннымъ. Въ видахъ достиженія тѣхъ же мѣръ не должно быть допускаемо присутствія больныхъ чахоткой лицъ въ мѣстахъ производства, храненія и продажи молока. Съ этою цѣлью весь персоналъ, имѣющій какое-либо отношеніе къ этимъ статьямъ молочнаго дѣла, долженъ по временамъ подвергаться медицинскому осмотру.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Вышла новая книга проф. А. Ө. Гусева:

ЛЮБОВЬ КЪ ЛЮДЯМЪ

въ ученіи графа Л. Толстаго и его руководителей.

Цѣна 60 коп., а съ перес. 75 коп.

Складъ въ КАЗАНИ у книгопродавца Н. Я. Башмакова (Воскрес. ул., д. Болдырева).

Продается и у всѣхъ *наиболѣе* пзвѣстныхъ книгопродавцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденція „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ пересылк. иногородн. . . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакц.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Пятры.

Редакторъ-Издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

„ДѢТСКАЯ ПОМОЩЬ“

Журналъ по вопросамъ общественной благотворительности.

24 №№ въ годъ.

Подписная цѣна: 2 р., съ доставкою въ Москвѣ 2 р. 50 коп., съ пересылкой иногороднимъ 3 руб.

Адресъ: Москва, Остоженка, № 18.

Редакторъ-Издатель Прот. Г. Смирновъ—Платоновъ.

Въ Харьковской Губернской Типографіи продается

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

ВѢЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Цѣна безъ пересылки 20 коп., съ перес. 30 коп.; выписывающіе болѣе 5 экземпляровъ за пересылку не платятъ.

„БЛАГОВѢСТЬ“

повременное изданіе, имѣющее цѣлью выясненіе духовно-правственныхъ стремленій и задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и остальнаго Славянства, издается съ 15 Августа 1890 г. подъ руководствомъ Аѳ. Васильева. Сотрудники Н. П. и Ѳ. П. Аксаковы, С. Ѳ. Щараповъ, А. Г. Сахарова, Н. Н. Филипповъ, Е. И. Одынецъ, Л. М. Медвѣдевъ, А. А. Коринфскій и др. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна: за годъ съ дост. и перес. пять р. Подписка принимается: съ 1 Авг. 1891 по 1 Авг. 1892 г. цѣна пять р. и съ 1 Авг. по конецъ года ц. два руб. „Благовѣсть“ за 1890 г. съ руководящими статьями: Аѳ. Васильева—Задачи и стремленія Славянофильства, и Н. Аксакова—Причины невѣрія,—высылается за два рубля.

Кормило (редація) изданія: Петроградъ, Пет. стор., Большой пр. д. 1. Отдѣленіе при Русско-славянскомъ книжномъ складѣ: Невскій 74. Подписка принимается также въ книжныхъ лавкахъ „Новаго Времени“ и кромѣ того въ Москвѣ: у Н. Печковской, Петровскія лин. и у И. Ф. Палкова Тверская, Чернышевскій переулокъ.

21 выпускъ „БЛАГОВѢСТА“ содержитъ: 1) Критика и исторія въ описаніи земн. жизни Господа нашего Иисуса Христа. Абб. Дидона.—2) Желанные гости Аѳ. Васильева.—3) Демьянъ Куденевицъ. Переяславская быль XII вѣка. Стих. Ѳ. Аксанова.—4) Къ характеристикѣ пародіи чтеній. Казанца.—5) „Вижу-ли колосъ къ землѣ изгибается“. Стих. Я. Егорова.—6) Гайдукъ Иванъ. Разсказъ Дж. Турича. Перев. съ хорватскаго Н. Филиппова.—7) Слѣзь чешскихъ „соколовъ“ въ Прагѣ. I. Т-на.—8) По поводу XIII тома сочиненій графа Л. Н. Толстого. И Ч.—9) Венгерская полиція въ Воеводинѣ и сербы. Мил. Мар—нича.—10) „Въ минуту сомнѣній и горькихъ скорбей...“ Стих. Л. Медвѣдева.—11) Положеніе русскаго дѣла въ Польшѣ. Письмо Л. К.—12) О новыхъ книгахъ.

22 выпускъ „БЛАГОВѢСТА“ отъ 15 августа содержитъ: 1) Преп. Сергій Радонежскій, всея Россіи Чудотворецъ. По поводу предстоящаго 500-лѣтія его блажен. кончины. Ѳ. Четвернина.—2) Критика и исторія въ описаніи земн. жизни Господа нашего Иисуса Христа. Абб. Дидона.—3) Привѣтствія Королю Сербскому Александру.—4) „О не корите меня“... Стих. Л. Медвѣдева.—5) Угорская Русь Ѳ.—6) О старомъ и новомъ славянофильствѣ Н. Аксанова.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.